

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет»

На правах рукописи

Тришина Мария Николаевна

**ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки) (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Белютин Р.В.

Смоленск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	14
1.1. Корреляция терминов «экология» и «язык» в лингвистической науке ...	14
1.2. Проблемное поле лингвоэкологических исследований	25
1.3. Понятийно-терминологическое пространство лингвоэкологии	40
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	48
ГЛАВА 2. ИНТРАЛИНГВАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЭКОЛОГИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	51
2.1. Вульгаризированная лексика как коммуникативный токсин.....	51
2.2. Дискриминирующий язык в прагмасемантическом освещении	73
2.3. Коммуникация двойного сообщения и её деструктивный потенциал .	86
2.4. Опасность гендерного расслоения языка	96
2.5. Эффекты плацебо и ноцебо в контексте нехорошей речи.....	111
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	118
ГЛАВА 3. ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЭКОЛОГИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	121
3.1. Неэкологичное взаимовлияние языка и окружающей среды.....	121
3.2. «Вредные» англицизмы и их языковое поведение	133
3.3. Социолект Kanakisch-Deutsch в лингвоэкологической проекции.....	142
3.4. Паттерн неэкологичного общения в австрийском варианте немецкого языка	148
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
БИБЛИОГРАФИЯ.....	160
ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА.....	186

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию особенностей немецкоязычной¹ коммуникации с точки зрения *лингвоэкологии*, синергетического лингвистического направления, объединившего лингвистику с психологией, социологией и экологией.

Актуальность исследования определяется состоянием исследуемой этнолингвокультуры, многоаспектно и многовекторно отражающейся в современном немецком языке и одновременно влияющей на состояние самого языка, активизируя, тем самым, «базовую потребность» (по Ю.Н. Караулову) в безопасности, экологичности языка. Актуальность диссертации обусловлена также тем, что оно выполнено в русле магистральных направлений современной лингвистики, ориентированных на комплексный антропоцентрический подход к изучению языковых явлений и языковых личностей, ответственных за смысловую организацию различных дискурсивных практик. Повышению актуальности исследования дополнительно способствует междисциплинарная проекция, с помощью которой языковые параметры лингвоэкологической коммуникации рассматриваются и интерпретируются с учётом данных смежных научных областей: культурологической, социологической, политологической и др.

Основным фокусом современных лингвоэкологических исследований является изучение способов взаимодействия между языком, носителем языка и окружающей средой. Важное значение также придаётся анализу ряда экстралингвистических факторов, которые оказывают значительное влияние на целостный конструкт языка (В.И. Шаховский,

¹ В данной работе под немецкоязычной коммуникацией понимается общение в рамках немецкой этнолингвокультуры, при этом в качестве перспектив дальнейшего исследования можно обозначить рассмотрение немецкоязычной коммуникации под другим углом, в частности исследование заявленной проблематики на примере австрийского варианта немецкого языка.

А.А. Штеба, Н.Г. Солодовникова, С.В. Ионова, П.С. Волкова, В.В. Жура, С.И. Маджаева, E. Haugen, A. Fill, W. Trampe, A. Stibbe, P. Finke и др.).

Лингвоэкология – это синергетическая область языкознания, объектом которой становится состояние языка как целостной системы, которое обусловлено влиянием на него ряда экстралингвистических факторов, среди которых значатся миграционные кризисы, различные формы и проявления дискриминации различных групп населения по ряду признаков, феминистическая идеология и др. В качестве объекта лингвоэкологии также выступают способы защиты языковой практики от лингвотоксичных явлений (в терминологии А.П. Сковородникова). Основная ценностная доминанта лингвоэкологии – это забота о «здоровье» не только языка, но и человека.

Необходимо заметить, что перечень лингвоэкологических проблем, а порой даже «бедствий», огромен, а лингвоэкологическая ситуация выступает в роли диффузного явления, затрагивающего как язык, так и внешнюю среду.

Несмотря на сложность выбранного поля для исследований, представляется возможным выделить фокус нашего внимания – *неэкологичность коммуникации* в рамках различных дискурсов (политического, спортивного, гендерного, семейного, молодёжного и др). Подобная характеристика человеческой интеракции обусловлена, среди прочего, присутствием в ней так называемых *лингвотоксичных процессов*, осуществляющих антропогенную нагрузку на язык / речь и, как следствие, оказывающих деструктивное воздействие на физическое, ментальное и психоэмоциональное состояние носителей языка.

В выявлении и классификации таких процессов заключается основное предназначение исследования.

Данная работа выделяет две основные проекции лингвоэкологических исследований – *интралингвальную* и *транслингвальную* (в терминологии

А.А. Бернацкой). Если интралингвальный аспект включает изучение внутреннего строя языка, его стилистических, риторических, грамматических особенностей, то транслингвальный аспект профилирует, в силу возрастающей внутриэтнической и межэтнической интеграции, использование реалий одной культуры в контексте и средствами иной культуры.

Опираясь на терминологическую базу А.А. Бернацкой, мы расширяем значение термина «транслингвальный аспект лингвоэкологических исследований» и учитываем не только особенности взаимовлияния, смешения и гибридизации различных лингвокультур, но и индикаторы неэкологичной языковой практики, способные усиливать отрицательную антропогенную нагрузку на окружающую среду и самого носителя языка. Для подобного анализа привлекаются экстралингвистические обстоятельства и факторы: глобализация, социальное неравенство, движение человека к механистической картине мира и т.д.

Объектом исследования является немецкоязычная коммуникация в рамках различных дискурсивных практик; в качестве **предмета** исследования выступают лингвотоксичные явления, провоцирующие языковые травмы и случаи языковой агрессии с их последующей письменной фиксацией, а также лингвистическим и лингвокультурным анализом.

Материалом исследования послужили данные лингвистических и энциклопедических словарей и электронных архивов: dgd.ids-mannheim.de; lingvolive.com; web.archive.org; sprachnudel.de; mundmische.de; wortbedeutung.info; duden.de; collinsdictionary.com; эмпирический материал аутентичных текстов официальных немецко- и англоязычных статистических сайтов, чатов, форумов, подкастов, видеохостингов в глобальной сети Интернет, документальных, научно-популярных и художественных фильмов: vimeo.com; radiopannen.de; 11freunde.de;

mainz.05.de; spiegel.de; stern.de; web.de; yahoo.nachrichten.de; fokus.de; süddeutschezeitung.de; zdf.de и др. Общее количество проанализированных примеров составило более 600 образцов лингвотоксичных явлений, встречающихся в различных коммуникативных пространствах немецкого языка.

Цель данной работы заключается в комплексном анализе немецкоязычной коммуникации в рамках различных дискурсов для определения степени её неэкологичности и факторов (в том числе экстралингвистических), которые провоцируют неэкологичность общения.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- изучить современные исследования в области лингвоэкологии и описать методологию лингвоэкологических исследований;
- дать лингвистически релевантное определение неэкологичности коммуникации как важнейшей категории в рамках данного направления лингвистики;
- установить и проанализировать лингвоэкологические проблемы немецкоязычной коммуникации;
- выявить возможные амбивалентные характеристики лингвотоксинов;
- систематизировать и классифицировать языковой материал, указывающий на неэкологичность той или иной коммуникации в немецком языке, с целью измерения степени загрязнения немецкого языка лингвотоксичными процессами.

Гипотезой исследования является предположение о том, что в немецкоязычной коммуникации существуют так называемые лингвотоксичные процессы, наносящие ущерб «здоровью» языка, самочувствию человека и приводящие к возникновению определенных коммуникативных трудностей в различных ситуациях общения.

Методологической основой исследования послужил системно-структурный подход к объяснению фактов языка, принципов его экспансионизма и функционализма. В процессе работы использовались следующие **методы исследования**: наблюдение, дискурсивный анализ, лингвистическое описание, понятийное моделирование, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, структурный и семантический анализ, теория и анализ дискурса.

Теоретико-методологической базой исследования стали научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

– *лингвоэкология, эколлингвистика* (А.Н. Полежаева; А.А. Бернацкая; Ц.Ц. Огдонова; А.А. Полухин; В.П. Коровушкин; О.Б. Сиротинина; И.Н. Потеряхина; А.В. Кравченко; Н.А. Курашкина; Г.Г. Молчанова; Г.А. Копнина; В.Е. Замальдинов; Н.А. Купина; Н.С. Баребина; W. Trampe; A. Fill; S.V. Steffensen; D. Bolinger; Э. Хауген; A. Stibbe);

– *структурная и прикладная лингвистика* (Н.Д. Арутюнова; Г.Г. Почепцов; С.Г. Тер-Минасова; М.А. Кронгауз; В.Г. Костомаров; Р.В. Белютин; О.С. Иссерс; О.А. Глущенко; Н.В. Гришанин; Н.В. Кириллин; M. Freidank; G. Stickel; A. Thalmayr; J. Meibauer; R. Sedlaczek; Ch. Winder; A. Mathias; O. Nikitina; A. Stefanowitsch; A. Fus; S. Meier-Vieracker; G. Diewald; A. Steinhauer; Ch. Olderdissen; M. Schwarz-Friesel; F. Payr; J. Scharloth; R. Steinke; A. Burkhardt);

– *психология, психиатрия* (С.А. Тихомиров; Г.Г. Антух; Г. Бейтсон; П. Вацлавик; Т. Jay; A. Kutz; H. Eicher; O. Geramanis; S. Hutmacher; L. Walser);

– *биология, нейроэндокринология, неврология* (Р. Сапольски);

– *философия языка и когнитивная лингвистика* (В.И. Жельвис; С.П. Поцелуев; Е.И. Голованова; Б.О. Майер; А.В. Кирилина; О.К. Ирисханова; В.В. Красных);

– *миграционная лингвистика* (Е.О. Зубарева; Е.А. Токарева; Т. Stehl; L. Tretow; M. Czollek; M. Amjahid);

– *феминистическая лингвистика* (S. Trömel-Plötz; N. Henley; D. Spender; H. Kotthoff; E. Aries);

– *теория и анализ дискурса* (Е.С. Кубрякова; К.Ф. Седов; В.И. Карасик; А.В. Голоднов; Н.Н. Трошина; Т.А. van Dijk);

– *социология, культурология* (N. Luhmann; Н. Бариле; Р. Köhler).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем уточняется и дополняется новыми смыслами термин «неэкологичность коммуникации». Впервые предпринимается комплексное лингвоэкологическое исследование немецкоязычной коммуникации на предмет её загрязнения лингвотоксинами, диагностируются и анализируются основные лингвоэкологические проблемы с точки зрения двух основных аспектов лингвоэкологии – интралингвального и транслингвального.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что благодаря междисциплинарному подходу данная работа содействует развитию лингвоэкологии посредством осмысления основополагающего определения лингвоэкологии; устанавливается уровень разработанности лингвоэкологических исследований, описываются направления и перспективы исследований, прослеживается история развития данного направления лингвистики; выводы вносят вклад в методологию дискурсивных исследований в рамках лингвоэкологии; в работе вводится категория неэкологичности (токсичности) коммуникации, описывается функционирование лингвотоксичных процессов в различных сферах человеческой деятельности, в том числе с точки зрения феминистической и миграционной лингвистики; исследование способствует дальнейшему решению проблем в области лингвоэкологии и углубляет представления об экологичности коммуникации.

Практическая ценность исследования видится в возможности использования его результатов и наработок в целом ряде курсов, связанных с преподаванием иностранного языка: языкознания, лексикологии, страноведения, теории коммуникаций, стилистики, анализа текста и дискурса, межкультурной коммуникации. Полученные в ходе исследования данные найдут применение на практических занятиях по немецкому языку в качестве аутентичного материала при изучении таких тем, как «Заимствования в немецком языке», «Социолект на базе гибридного языка Kanakisch-Deutsch», «Гендерный язык» и др..

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Экологичность / неэкологичность (токсичность) коммуникации выступают в роли одних из центральных категорий лингвоэкологии. Данные категории реализуются в рамках интралингвального и транслингвального аспектов.

2. Лингвотоксины приводят к языковым травмам и оказывают негативное влияние на «здоровье» языка, а также психоэмоциональное состояние отдельно взятой языковой личности и общества. К лингвотоксинам относятся вульгаризмы и дискриминирующий язык; немотивированные англоязычные заимствования; социолект Kanakisch Deutsch; излишние феминитивы в рамках гендерно-нейтрального языка; коммуникация, в которой присутствуют так называемые двойные сообщения; высказывания, вызывающие эффект ноцебо (отрицательные ожидания со стороны реципиента после слов собеседника).

3. Выделяются семь индикаторов неэкологичной языковой практики, являющихся результатом антропогенной нагрузки на язык: 1) вуалирование фактов; 2) приукрашивание действительности; 3) неверная интерпретация значения; 4) языковое нивелирование; 5) механизация; 6) обеднение языка; 7) эвтрофикация языка. Коммуникация, наполненная подобными

процессами, способна приводить к потере связи человека с природой, а также к экологическим бедствиям.

4. На языковую практику и на общество в целом оказывается влияние со стороны экстралингвистических факторов, среди которых: мировой миграционный кризис, стремительная глобализация, активное проникновение чрезмерной иноязычной лексики в целостный конструкт языка и др.

5. Токсичная коммуникация отрицательно сказывается на психоэмоциональном состоянии отдельно взятой личности и общества в целом, поскольку существует неразделимая связь между рациональным и эмоциональным. Понимание слов визави начинается на уровне эмоций, и только потом происходит декодирование смысла на рациональном (когнитивном уровне).

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением большого объёма научно-теоретической литературы по заявленной проблематике (219 работ отечественных и зарубежных учёных по исследуемой теме), опорой на лучшие достижения отечественной и зарубежной лингвистики в области лингвистики и смежных дисциплин, использованием комплексного методологического аппарата, который включает традиционные и современные научные методы (теоретические и эмпирические) анализа отдельных языковых единиц, речи, дискурса. Объективность полученных результатов достигается значительным количеством проанализированных примеров (более 600 образцов), извлеченных из текстов, репрезентирующих различные типы дискурса (политический, миграционный, гендерный, спортивный, бытовой и др.).

Апробация результатов диссертации проводилась на заседаниях кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета в период с 2019 по 2024 гг.; на международных конференциях: «Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии»

(декабрь, 2019 г., 2020 г., 2022 г., Горловка); «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние» (октябрь, 2020 г., Нижний Новгород); «Германские и романские языки в современной высшей школе России» (апрель, 2021 г., Калуга); «Московские научные ночи» – «Интеркультурная германистика» (октябрь, 2021 г., Москва); РСГ (ноябрь, 2021 г., 2022 г., 2023 г., Смоленск); «Россия и Германия: новые образовательные вызовы и векторы развития» (февраль, 2022 г., Санкт-Петербург); «Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод» (апрель, 2022 г., Москва); «Универсальное и национальное в языковой картине мира» (октябрь, 2022 г., Минск); «Актуальные вопросы германской филологии и лингводидактики» (март, 2023 г., Брест); «НОВАТОР-2023» (октябрь, 2023 г., Барановичи); «Язык и коммуникация: функционально-семантический, когнитивный и лингводидактический аспекты» (октябрь, 2023 г., Горловка).

Материалы диссертационного исследования были апробированы в ходе лекционно-семинарских занятий для студентов филологического факультета, (направление «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)») в Смоленском государственном университете.

Основные положения диссертации нашли отражение в 11 работах, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки):

- текст, дискурс, дискурсивные практики;
- лексический строй языка;

- исследование культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка электронных источников языкового материала.

Во **введении** освещена проблематика исследования, его актуальность, используемая методология и эмпирический материал, сформулированы цель и задачи исследования, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены основные положения, выносимые на защиту, описывается структура, приводятся данные об апробации работы.

В **первой главе** описываются теоретические предпосылки исследования, а также даётся детальная характеристика лингвотоксичным процессам в языке через представление лингвоэкологии как синергетической области языкознания, объектом которой, с одной стороны, является состояние языка как целостной системы, а, с другой стороны, способы охраны и защиты языка от лингвотоксинов с целью сохранения его «здоровья».

Во **второй главе** исследуются вульгаризированная лексика, дискриминирующий язык, коммуникация двойного сообщения double bind, гендерное расслоение языка, эффект ноцебо, выступающие в роли лингвотоксинов в рамках интралингвального аспекта лингвоэкологических исследований.

В **третьей главе** анализируются лингвотоксины в виде излишних англицизмов в немецком языке (Denglisch) и социолекта Kanakisch-Deutsch, а также дискриминирующего языка в австрийском варианте немецкого языка в рамках транслингвального аспекта лингвоэкологических исследований.

В заключении формулируются основные выводы, соответствующие содержанию работы и поставленным задачам, подводятся итоги исследования, обозначаются перспективы для дальнейшего изучения выбранного направления.

Библиография включает 219 работ отечественных и зарубежных учёных по исследуемой теме.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Корреляция терминов «экология» и «язык»

в лингвистической науке

Язык, являясь отражением жизни как отдельных индивидов, так и общества в целом, представляет из себя устойчивую знаковую систему, которая в то же время склонна к открытости и динамичности.

Язык и окружающая действительность не могут существовать изолированно друг от друга. Под окружающей действительностью подразумеваются: идеологическая среда (ментальная организация), биологическая среда (физическая организация), социальная среда (социальная организация) [Bang, Døør 1996: 17].

Учитывая тенденцию языковой системы к подвижности и изменениям, необходимо заметить, что лингвистика практически непрерывно расширяет диапазон своих исследований и «превращается в общенаучную дисциплину с общенаучной методологией» [Шаховский, Солодовникова 2013: 23].

Лингвистика вобрала в себя различные парадигмы исследований и «спровоцировала» появление социолингвистики, компьютерной, коммуникативной, футуристической лингвистики и т.д. Возникновение подобных научных направлений мотивировано «стремлением учёных “сломать” условные перегородки, разделяющие объекты притязаний разных наук, с целью создания интегративной модели интерпретации мира» [Красавский 2013: 348]. Лингвисты вынуждены вовлекаться в трансдисциплинарные учения, которые также рассматривают язык в качестве объекта исследования [Bang, Døør 1996].

«Уникальность статуса лингвистики среди гуманитарных наук заключается в самом объекте её изучения – языке, который формирует и

развивает человеческую мысль, кодирует и квалифицирует человеческий опыт» [Красавский 2013: 347].

В силу своей полипарадигмальности лингвистика, переживая процесс «расширения» семантики (в терминологии М.А. Кронгауза) и сочетаемости, вбирает в себя так называемую *экологическую перспективу научных исследований* (Г.А. Копнина, Л.П. Амири, И.В. Труфанова, В.И. Шаховский, Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.Н. Панченко, D. Bolinger, A. Stibbe и др.).

Американский языковед А. Маккай в рамках своих эколингвистических исследований предположил, что предтечей экологического подхода к языку стали идеи В. фон Гумбольдта, немецкого лингвиста XIX века, обозначившего сущность языка следующим образом: язык ни при каком условии не может исследоваться как погибшее растение («eine abgestorbene Pflanze»); язык и жизнь – это два неразделимых понятия («Sprache und Leben sind unzertrennliche Begriffe») (см.: [Makkaï 1996: 84]).

Термин *экология*, образованный от двух греческих слов (oikos – «дом, жилище, родина» и logos – «наука»), означающих дословно «наука о местообитании», был введён немецким естествоиспытателем и философом Э. Геккелем, который следующим образом охарактеризовал данное понятие: экология – наука, которая занимается исследованием взаимоотношений организма с окружающей его средой («die gesammte Wissenschaft von den Beziehungen des Organismus zur umgebenden Aussenwelt») [Haeckel 1886: 286]. Таким образом, Э. Геккель «создал понятие для новой поддисциплины в составе биологии» [Иванова 2015: 66].

Этот термин активно интегрируется в различные научные дисциплины. Например, в 70-е годы XX века начали возникать такие междисциплинарные направления, как экологическая психология, социальная экология, экологическая педагогика, культурная экология, экологическая этика и т.д. [Trampe 1990].

В таком понимании экология выступает в роли своеобразного соединительного научного мостика, призванного преодолеть существующий антагонизм между естественными и гуманитарными науками.

Подобно экологии, изучающей взаимодействие живых организмов с их средой обитания, лингвистика рассматривает закономерности взаимодействия языка с окружающей средой. В отличие от структуралистской, экологическая парадигма рассматривает язык как живую, открытую, динамичную систему, на которую оказывают влияние различные внешние процессы. А. Филл характеризует эти различия, используя развёрнутую метафору: структурализм исследует и описывает состояние воды на плотине (синхрония) («den Zustand des Wassers beim Staudamm (Synchronie)») или развитие волны на реке (диахрония) («Entwicklung einer Welle auf dem Fluß (Diachronie)»), экология же наблюдает за самим процессом течения («das Fließen selbst») (см.: [Fill 1993: 5]).

При рассмотрении языковых явлений необходим именно экологический подход, главным принципом которого становится отсутствие статичного состояния органических форм, находящихся в постоянном взаимодействии с окружающей средой [Trampe 1990].

Британо-американский учёный Г. Бейтсон, исследования которого носили междисциплинарный характер и были связаны с эпистемологией, кибернетикой, антропологией, теориями социализации и коммуникации, экологией, в своей работе «Шаги к экологии разума» («Steps to an ecology of mind») задаётся следующими экологическими вопросами: как происходит взаимодействие идей? Существует ли некая естественная селекция, которая определяет выживание некоторых идей и исчезновение или вымирание других? Какой вид экономики ограничивает разнообразие идей в разуме?

Каковы необходимые условия для стабильности существования подобных систем или подсистем? (см.: [Bateson 1972]).

Тем самым Г. Бейтсон раскрывает идею взаимозависимости экологии и языка на абстрактном уровне, имея в виду интеракцию между идеями, культурными системами, языком и миром.

Параллельно исследованиям Г. Бейтсона появляется работа «Ecology of Language» Э. Хаугена, которого принято считать основоположником экологии языка. Учёный отмечал, что современной науке необходимо уделить больше внимания теме функционирования языка в социальной экологии, а также призывал более активно осваивать экологию языка. Ср.: «The importance of having competent linguists working on topics of this kind is evident» [Haugen 1972: 328]. Для Э. Хаугена экология языка – это исследование взаимодействия между любым наличествующим языком и окружающей средой. Ср.: «The study of interactions between any given language and its environment» [Haugen 1972: 325].

Экологические исследования немислимы без одного из основополагающих терминов – *экосистема*, который впервые был введён английским экологом А. Тэнсли в 1935 году и подразумевал систему ряда взаимодействий, в которых задействованы организмы и окружающая среда [Tansley 1935].

Базируясь на идее существования в природе сложных, комплексных систем, в которых функционируют живые существа, П. Финке в 1974 году применяет термин «экосистема» к языку и вводит новое понятие: «язык – окружающая среда» («Sprache-Welt-System»), поскольку язык воспринимается как живой организм, функционирующий в своей среде обитания [Finke 1996: 28].

Учёный подчёркивает, что, в отличие от структуралистской модели, рассматривающей всё языковое как имманентное, статичное, модель

экосистемы позволяет говорить о языковой динамике, которую можно объяснить с точки зрения реакции языка на постоянно меняющийся мир.

Понятие экосистемы неразрывно связано с таким явлением, как *экологический симбиоз*, предусматривающий взаимовыгодное сосуществование различных организмов друг с другом.

А. Маккай утверждал, что в рамках языка наблюдается *высокоразвитый экологический симбиоз* («hochkomplizierte ökologische Symbiose»), который, подобно идее французской революции о свободе-равенстве-братстве («Freiheit-Gleichheit-Brüderlichkeit»), состоит из следующих компонентов: семантика связана с мышлением и, следовательно, со свободой («Die Semantik ist mit dem Denken, und daher mit der Freiheit verknüpft») – у человека есть свобода описания своей жизни; синтаксис и морфология, или грамматика, олицетворяют собой конвенции и равенство («Syntax und Morphologie, die “Grammatik” heißen, sind wie die Gleichheit»); фонетика и орфография выступают в роли братства («Die Orthographie ist wie die Brüderlichkeit»), проявляющегося в силе воздействия голоса и текста на получающего сообщение (см.: [Makkaï 1996: 85–86]).

П. Финке также указывает на необходимость осознания факта взаимодействия экологической лингвистики (ökologische Linguistik) и так называемой культурной экологии. По мнению исследователя, подобная взаимосвязь базируется на идее о модели экосистемной реконструкции понятия «культура», происходящей на трёх уровнях: 1) на элементарном уровне находятся системы наших индивидуальных убеждений, образов мыслей и действий, психической культуры; 2) на среднем уровне присутствует наша социальная культура в виде науки, политики, экономики, искусства; 3) на последнем уровне расположены культуры народов с их языковыми, религиозными, геоэкологическими, политическими и др. особенностями. Все эти уровни содержат в себе комплексные разнообразные культурные

экосистемы, которые могут быть подвержены экологическому анализу («... komplexeste kulturelle Systeme, die einer ökologischen Analyse zugänglich sind...») [Finke 1996: 35].

По сути, П. Финке постулирует идею о том, что человеческая культура, сформировавшаяся на базе природы, имеет, подобно ей, экосистемную форму организации. А язык, в свою очередь, выступает в роли посредника между культурой, существующей на данный момент и существовавшей ранее [Finke 1996].

Датские эколлингвисты Й. Доор и Й. Банг также считают первостепенной задачей лингвистических теорий вклад в формирование более здоровых индивидуумов и общества в целом. Учёные считают, что эколлингвистические практики способны увеличить уровень осознанности людей при использовании языка в контексте экологической проблематики. Ср.: «...an ecolinguistics praxis ought to improve everybody's awareness of the language we use in relation to the ecological problematic, to deliver theories and methods so that we can improve our understanding and knowledge about ecological questions...» [Bang, Døør 1996: 18]. Возникновение экологической лингвистики может являться эволюционным шагом в направлении создания баланса между человеком и окружающей его действительностью («Stabilisierung des Gleichgewichts zwischen dem Menschen und seiner Mitwelt») и осознания важной роли всех живых существ в природе («Besinnung auf die Rolle der anderen Lebewesen und der unbelebten Natur») (см.: [Fill 1996: 15]).

Вопрос о сохранении разнообразия видов в животном и растительном мире также поднимает немецко-австралийский лингвист П. Мюльхойслер, который, основываясь на исследованиях языков аборигенов Австралии, Новой Зеландии, Маврикия и т.д., констатирует, что заселение этих территорий новыми цивилизациями несёт в себе отрицательные последствия для местной природы («that human colonization brings with it

many negative consequences for the environment»), поскольку наблюдается нестыковка между вновь привнесённым языком и уже сложившейся экосистемой («mismatch between language and environments») (см.: [Mühlhäusler 1996: 125, 128]).

Большой проблемой, по мнению П. Мюльхойслера, является вымирание животного и растительного мира в силу нехватки лексических ресурсов, т.е. новый язык буквально не способен описать окружающую действительность, что приводит к усугублению мирового экологического кризиса [Ibid.: 105–130].

На сегодняшний день сформировался более или менее устойчивый терминологический аппарат лингвоэкологических исследований. Зарубежные учёные предлагают использовать термины «*Sprachökologie*» und «*Ökolinquistik*» (J. Wallmannsberger, Y. Stork, A. Fill, M. Jung, H. Strohner и др.), *ecolinguistics* (A. Stibbe, A. Makkai, P. Mühlhäusler, J. Døør и др.), *ecology of language* (E. Haugen и др.).

А. Филл придерживается точки зрения о том, что эти термины дополняют друг друга и не являются диаметрально противоположными. Ср.: «...die Termini sind auch nicht kontrastiv ... sie sind ergänzend aufzufassen» [Fill 1996: IX].

Для прояснения сущности проблемы исследователем была предложена следующая классификация:

- 1) «*Ökologie der Sprache – ecology of language – Erforschung der Wechselwirkung zwischen Sprachen (mit Betonung auf der Erhaltung der Sprachenvielfalt)*»; 2) «*ökologische Linguistik – ecological linguistics – Linguistik, die aus der Ökologie entlehnte Begriffe und Prinzipien (z.B. “Ökosystem”)* auf die Sprache überträgt); 3) «*Ökolinquistik – ecolinguistics – umfassender Terminus für alle Forschungszweige, die Ökologie mit Linguistik verbinden*»; 3) «*Sprachökologie – language ecology, linguistic*

ecology – Erforschung der Zusammenhänge zwischen Sprache und “ökologischen” Fragen» [Fill 1996: X].

Вслед за А. Филлом мы выделяем два основных лингвоэкологических направления исследования:

1) возможность применения принципов, понятий и методов экологии в рамках описания языковых явлений;

2) использование лингвистических методов с целью не только описания и анализа экологических тем, но и поиска или предложения способов решения проблем окружающей среды [Ibid.: 3].

Данные направления взаимосвязаны и взаимодополняемы, так как неэкологичная языковая практика является индикатором не только внутреннего кризиса отдельно взятого индивидуума, но и внешнего мирового экологического кризиса. Диалог человека с самим собой подобен его диалогу с окружающей природой. Ещё в античные времена была сформулирована справедливая и глубоко философская идея: то, что внутри, находится снаружи, и то, что снаружи, покоится внутри Ср.: «... “Innen ist außen und außen ist innen”» [Trampe 1990: 20].

Один из ярких представителей второго направления исследований профилирует взгляд на экологические проблемы через призму лингвистики. Британский эколлингвист А. Стиббе, проводя глубокий анализ человеческой коммуникации в рамках различных дискурсивных практик, подчёркивает, что порой антропоцентризм является губительным для человека и всей мировой экосистемы [URL: Arran Stibbe. English language teaching & ecology: how language shapes our world]. По его мнению, человеческое общество создаёт истории в виде, например, рекламных слоганов, которые являются ментальными моделями, упрощёнными структурами в сознании индивидуумов, способными влиять на приобретение ненужных, вредящих мировой экосистеме продуктов. Ср.: «... stories exist as mental models, i.e., simplified structures in the minds of individuals» [Stibbe 2021: 1, 6].

Одним из аспектов обширного исследования А. Стиббе является репрезентация идентичности, гендера и тела в журнале «Men's Health». Учёный подчёркивает силу влияния издания не только на сознание представителей мужского пола, но и в целом на человеческое общество. Наряду с положительным эффектом актуализируется «потребительское давление» («consumerist pressure» в терминологии А. Стиббе), достигаемое при помощи императивных конструкций, чётко сформулированных коротких высказываний, содержащих только существительные, множества прилагательных в сравнительной и превосходной степенях, которые оформлены жирным крупным шрифтом [Ibid.].

Эколингвист проводит глубокий анализ выпусков данного журнала и делает вывод об определённом прототипическом наборе паттернов, формирующих истории в сознании потребителей: «идеальный мужчина имеет огромную мышечную массу»; «идеальный мужчина для создания подобных мышц должен потреблять много красного мяса»; «идеальный мужчина не готовит сам, а потребляет пищевые полуфабрикаты быстрого приготовления»; «идеальный альфа-мужчина постоянно должен быть бойцом, воином и находиться в конкурентной борьбе» [Ibid.].

По мнению учёного, эти и другие формулировки могут являться проблематичными с точки зрения «экософии» («ecosophy») в силу существования огромной нагрузки на мировую экосистему из-за потребления большого количества красного мяса, пищевых полуфабрикатов и пр. [Ibid.: 117].

Поддерживая концепцию А. Стиббе, лингвист Р. Александр выступает за языковую критику и, исходя из существующих корреляций между экономикой, экологией и языком, также работает над исследованием манипулятивного потенциала различных медийных платформ, наполненных рекламой и поддерживающих идею корпоративного консюмеризма.

Р. Александр подчёркивает, что некоторые издания порой преподносят читателям *завуалированную информацию об экологической ситуации в мире*, тем самым «дистанцируя» и трансформируя реально существующие проблемы, придавая им абстрактный и исключительно технический характер [Alexander 1996].

При этом оба эколлингвиста указывают на необходимость формирования лингвистического саморефлексирующего компонента («self-reflexive component»), который может инкорпорироваться, например, в университетское образование. Саморефлексия способствует формированию критического мышления у студентов в процессе не просто рассмотрения ими аффирмативных фактов и теорий (безотносительно к сфере, в которой они специализируются), а критического анализа изучаемого материала [Ibid.: 141–142].

Говоря о критическом анализе преподносимой человеку информации, необходимо упомянуть, что человеческий мозг обладает специальным механизмом, подразумевающим выборочное восприятие информации с целью защиты от сенсорной перегрузки в результате воздействия рекламы. Ср.: «... mit einem speziellen Mechanismus namens «selektive Wahrnehmung» ...» [Eicher 2018: 46].

Однако при функционировании подобного «фильтра» человек испытывает на себе персуазивный и местами манипулятивный потенциал языка. В этом контексте необходимо задуматься об «экологической языковой критике» («ökologische Sprachkritik») (в терминологии А. Филла), которая не ограничивается рассмотрением поверхностных языковых явлений, а фокусируется на более глубоких феноменах, затрагивающих когнитивную сферу. При этом речь идёт не об изменении структуры языка или перепланировке грамматики, а об осознанном подходе к языковым проблемам через призму идеи о тесном взаимодействии языка и окружающей среды [Fill 1996].

Притязания экологической лингвистики направлены на анализ актуальных проблем, существующих в обществе. Круг этих проблем не должен ограничиваться только лишь вопросами защиты окружающей среды, поскольку существует множество других сфер, в рамках которых необходим глубокий анализ экологичности языковой практики, – например, аннотация к лекарству, статья в средствах массовой информации или разговор с терапевтом.

Развитие исследований в области экологической лингвистики, как считает М. Юнг, обладает большим потенциалом, поскольку в контексте формирования коллективного и экологического сознания язык является не просто внешним средством передачи мыслей – он способен воздействовать на сам мыслительный процесс и передаваемую информацию [Jung 1996].

В то же самое время исследователь отмечает, что в рамках современной эколлингвистической критики отдельных слов и языка в целом существуют некоторые слабые места, например обширный метафорический трансфер экологических терминов в лингвистику, который порой характеризуется воспроизведением консервативных лингвистических клише об упадке языка или наличии языкового манипулирования [Ibid.: 149–173].

Учёный призывает задуматься о том, является ли перенесение экологической терминологии релевантным и не вводит ли оно в заблуждение [Ibid.]. Также необходимо разделять экологическую метафоризацию экологической языковой критики и эколлингвистики, поскольку в рамках эколлингвистики язык уподобляется организму, в то время как в экологической языковой критике отдельный язык приравнивается к понятию целой экосистемы, чьи языковые единицы (слова, грамматические явления и т.д.) являются организмами [Ibid.].

По мнению М. Юнга, проведение аналогии между языком и живым организмом (*Sprache = Spezies*) справедливо, поскольку, действительно, в

силу стремительной глобализации многообразие языков находится под угрозой *обеднения* или вовсе *вымирания* и приходится наблюдать явное доминирование английского. Ср.: «Die erste Analogie Sprache = Spezies funktioniert zunächst durchaus: Tatsächlich sterben Sprachen aus ... und in einem Umfang, die linguale Artenvielfalt durch die Dominanz Englischen ...» [Ibid].

На основании проведённого теоретического обзора можно сделать вывод о том, что обогащение лингвистической науки происходит за счёт её взаимодействия с экологией. Экологические принципы, понятия и методы инспирируют создание нового направления в языкознании – лингвоэкологии, которая рассматривает язык в качестве живого организма, существующего в тесной взаимосвязи с окружающей средой.

Подобный тезис является справедливым для дальнейших научных изысканий, поскольку язык, будучи открытой и подвижной системой, испытывает на себе постоянное влияние внешних факторов, что неминуемо приводит к его изменению.

Также необходимо заметить, что происходит взаимное влияние языковой системы и окружающей её внешней среды, что влечёт за собой трансформацию картины мира носителя языка, а также социальных конструктов, в рамках которых он осуществляет свою деятельность.

1.2. Проблемное поле лингвоэкологических исследований

Как показывает обзор теоретической базы лингвоэкологических исследований, язык нередко – через метафорическую проекцию – предстаёт в роли экосистемы («Ökosystemmetapher»), в центре которой находится не абстрактный человеческий индивид («ein abstraktes menschliches Individuum»), а созданные коммуникативными партнёрами социальные конструкты («durch Kommunikationspartner gebildete Sozialsysteme») [Strohner 1990: 53].

Подобная системная ориентация экологической лингвистики зиждется, по мнению Х. Штронера, на обширной теоретической базе, сформированной в рамках других научных направлений и дающей инструментарий для описания языковых явлений в сравнении с другими системами [Ibid.].

Если рассматривать язык с точки зрения такого системного подхода, неизбежно актуализируются следующие понятия: *ситуативность* («Situiertheit»), *динамика* («Dynamik») и *адаптивность* («Adaptivität»). *Ситуативность* языка восходит к неязыковым параметрам конкретного коммуникативного контекста; с когнитивной точки зрения *динамичность* языковой системы обусловлена постоянными изменениями; для выживания язык стремится быть *адаптивным* по отношению к окружающей среде [Ibid.].

Таким образом, один из основных тезисов лингвоэкологии имеет сходство с законом экосистемы: «Существование языка зависит от общества, и наоборот» [Иванова 2015: 72].

Отечественная лингвистика, также опираясь на вышеприведённый тезис, оперирует следующими терминами – «*эколингвистика*» и «*лингвоэкология*», которые могут являться взаимозаменяемыми и интерпретируемыми как синонимы [Иванова 2015: 72]. Данная работа фокусируется на *лингвоэкологии*.

Основным *объектом лингвоэкологии* является изучение особенностей взаимодействия языка и окружающей его среды. Обществу необходимо стремиться к сохранению креативного потенциала и здоровья языка. Или, как российский учёный А.А. Бернацкая переформулирует известное изречение, «в здоровом обществе здоровый (экологически чистый) язык» [Бернацкая 2003].

Д. Болинджер так назвал свою работу: «Язык – заряженное оружие. Использование языка и злоупотребление им». Ср.: «Language is a loaded weapon. The use and abuse of language today» [Bolinger 1980].

Метафора «язык – заряженное оружие» подтверждает мысль о том, что в чрезвычайно взволнованном и фрустрированном обществе наблюдается усиление «категорически тревожных слов» типа «гибель», «пропасть», «распад», «расизм», «террор», «экологическое бедствие» и т.д. [Шапошников 1998: 152].

«Эмоционализация и экспрессивизация социума и проявление, в частности, *речевой агрессивности* во многих сферах общения, от бытовой до публичной и профессиональной, высвечивают проблему правильного пользования эмотивными средствами языка» [Цой 2013: 289].

Говоря о *вербальной агрессии*, Н.А. Боженкова, П.А. Катышев, С.В. Ионова, Э.М. Афанасьева, Л.Н. Саакян, опираясь на данные «анализа частотности употребления единиц русского языка, констатируют смещение на периферию русского лексикона таких понятий, как: сострадание, милосердие, человеческое достоинство, справедливость», и выдвижение на первый план «преимущественно отрицательно заряженных лексем» – «санкции, коррупция, провокация, изоляция, нацистские лозунги, террористические атаки» и др. [Русский политический дискурс 2019: 82].

Негативное эмоциональное состояние, «*деформация словесного пространства*, сознания народа в целом и языковой личности в частности» возникают из-за различных «социальных переворотов», нарушающих естественный и постепенный ход развития языка [Огдонова 2009: 123].

В силу *пропитанности неэкологичностью* практически всех сфер человеческой жизни [Шаховский, Солодовникова 2009] интересно наблюдать за разными перспективами исследования данной проблематики. Именно лингвоэкология, одним из основных атрибутов которой является

лингвоэкологическая коммуникация, призвана рассматривать языковые явления с точки зрения их экологичности / неэкологичности (токсичности).

По мнению Г.Г. Молчановой, «лингвоэкологическая коммуникация – это практика совершенствования коммуникативной деятельности в процессе нравственно-духовного становления личности. Это междисциплинарная наука, призванная решать разноплановые практические и теоретические задачи, актуальные для современной теории и практики употребления языка, связанные с проблемами нарушения языковой экологичности в различных сферах международного и межкультурного общения. К лингвотоксичным элементам, затрудняющим и/или искажающим коммуникативное взаимодействие, относятся социально-культурные и когнитивно-коммуникативные языковые стратегии, асимметрия эколого-когнитивных параметров, влияющие на психологическое и умственное состояние коммуниканта» [Молчанова 2016: 9].

Слово, являясь сложным и претерпевающим многолетние исследования феноменом, не только обладает определённым семантическим значением, но также несёт в себе мощный *экспрессивно-эмоциональный заряд*.

В связи с этим возникновение новой сферы исследований – *эмотивной лингвоэкологии* – логично, потому что «заявлено о необходимости учёта влияния эмоционального слова на здоровье человека» [Панченко, Штеба 2013: 5]. Эмотивная лингвоэкология, объединяя в себе знания из области экологии, валеологии, лингвистики, социологии, психологии, ставит перед собой задачу создания «здоровой» *языковой среды*.

«Особенно актуально данная идея звучит сейчас, в эпоху бурного развития постмодернистской парадигмы социогуманитарного знания,

предполагающей множественность интерпретаций, полифоничность слова и текста» [Шаховский, Штеба 2013: 20].

Данная проблематика находит своё отражение в многочисленных работах отечественных и зарубежных учёных (В.И. Жельвис, В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова, С.В. Ионова, А.В. Пузырёв, А.П. Сквородников, M. Schwarz-Friesel, A. Stibbe и др.) и обладает высоким потенциалом для дальнейших научных исследований.

Акцентирование внимания на экологичности языковой среды является не просто метафорой, а следствием доказанного психоневрологами факта – мощной силы воздействия слова на физическое и психоэмоциональное состояние человека. С точки зрения экологической концепции язык рассматривается в качестве противовеса физическому насилию, амортизатора, смягчающего агрессию. Но, с другой стороны, язык сам способен к обострению конфликтов [Fill 1993].

«Часто походя обронённое слово вонзается в эмоциональную плоть человека, уничтожает весь положительный эмоциональный заряд, лишает эмоциональных сил ... т.е. фактически разрушает всю систему эмоциональной устойчивости против ситуативных ударов, подсечек, вывихов и прочих травм» [Шаховский, Солодовникова 2013: 28].

Неизбежное присутствие эмоций в коммуникации позволяет говорить о том, что «есть эмоциональный язык, эмоциональная речь и эмоциональная коммуникация, а также эмоциональное мышление, под которым понимается неразделимая связь рационального и эмоционального» [Шаховский 2013: 15].

М. Шварц-Фризель, специалист в области когнитивной лингвистики, также указывает на то, что человеческая когниция в числе прочего зависит от эмоциональных факторов. Исследователь даже вводит специальный термин *Kognition-Emotion-Symbiose*, демонстрирующий наличие соответствующих корреляций [Schwarz-Friesel 2007: XI].

Эти и другие цитаты подтверждают мысль о важности формирования у человека эмоционального интеллекта, который побуждает субъекта коммуникации к совершению уместных, «здоровых» речевых действий и осознанию их потенциального эффекта для адресата, адресанта и окружающей языковой среды в целом.

Анализ эмоционального контекста чрезвычайно важен в силу того, что понимание сообщения собеседника начинается на эмоциональном уровне, и только затем происходит декодирование смысла на рациональном (когнитивном) уровне [Черничкина 2013: 299].

Любое слово прокладывает дорогу к определённым наличествующим воспоминаниям и, создавая целые цепочки из ассоциаций, способствует возникновению непредвиденных реакций [Eicher 2018].

А. Маккай образно замечает: слово – это активированный или неактивированный соединительный пункт в чрезвычайно сложной системе семантических, грамматико-морфологических и фонетико-графономических отношений. Под сложной системой подразумевается память, корни которой находятся в сознании как отдельного индивида, так и целого коллектива. Используемые в постоянно меняющихся ситуациях слова активируют и запускают разного рода реакционные волны [Маккай 1996].

В коммуникации слова не носят добавочный характер, они усиливают друг друга. По достижении определённой «точки кипения» вся словесная цепочка из ранящих и оскорбляющих элементов производит взрыв («eine “Explosion” auslösen») [Eicher 2018: 108].

Такое эруптивное высвобождение эмоций происходит в результате синхронизации получателем сообщения вербальной составляющей и иных компонентов в виде тембра и тона голоса, а также языка тела [Ibid.].

Важность исследования эмотивной составляющей человеческой коммуникации неоспорима в силу того, что «эмоции, чувства –

неотъемлемая часть сознания наравне с разумом и рациональностью» [Сурикова 2013: 261].

Здоровье языковой среды не может рассматриваться в отрыве от эмоциональной составляющей, так как при анализе экологичности или неэкологичности коммуникации во внимание принимается прежде всего эмоциональная окраска тех или иных языковых единиц. «Энергия материальна, и энергетическая мощность слова очень высока. Необходимо лишь сменить деструктивный характер этой энергии на оздоровительный» [Шаховский, Штеба 2013: 12].

При помощи слов можно сделать другого человека счастливым или довести до отчаяния. Ср.: «Durch Worte kann man den anderen selig machen oder zur Verzweiflung treiben» [Freud 2007]. Зачастую большую роль играет не смысловая нагрузка слов говорящего, а эмоциональные проявления, которые стоят за ними.

Данные цитаты описывают конечное звено в длинной цепочке, которая состоит из множества этапов: нервные клетки головного мозга человека присваивают словам их непосредственный эмоциональный потенциал, что в последующем даёт импульс к появлению биологически заданной реакции. Это могут быть согласие или отказ, нападение или побег, любопытство или отсутствие интереса. В тот момент, когда слова безвозвратно попадают в человеческий мозг, они создают кратко- или долгосрочный эффект («Worte entfalten dort ihre kurz- und langfristige Wirkung») [Eicher 2018: 10].

Бывая острее меча, слова и выражения могут оставлять глубокие раны в эмоциональной памяти человека («tiefe Wunden im emotionalen Gedächtnis»). Являясь, образно выражаясь, шипами («der sprichwörtliche Stachel im Fleisch»), они могут проживать свою собственную жизнь у человека внутри. В мозге, к сожалению, нет кнопки перезагрузки или корзины для ненужных [Ibid.: 6].

Закодированные слова, выражения и определённые эмоции, их сопровождающие, выполняют роль триггерного механизма в мозге человека, выводя в окружающий мир соответствующую реакцию.

Н.Г. Солодовникова и В.И. Шаховский «анализируют эмоциональное и эмотивное человеческого общения в рамках многочисленных категориальных эмоциональных ситуаций» и выделяют *параметры экологичности / неэкологичности общения* [Шаховский, Солодовникова 2013].

По мнению учёных, к *параметрам экологичного общения* относятся избегание коммуникантами негативных оценок, доброжелательность, сотрудничество, этичность, выбор общей темы и эмотемы для разговора, следование логике развёртывания текста, определение порога смыслового восприятия, умение слушать, отбор стилистических средств сообразно ситуации, сдерживание отрицательных эмоций, целесообразность речи и др.

К *параметрам неэкологичного общения* относятся оскорбления и грубость, пренебрежение, следы от которого могут долго храниться в эмоциональной памяти адресата, использование негативных оценок, негативная вежливость, разбалансировка в тематике, подмена аргументации и базисных установок, политическая некорректность, неуместное и неправильное использование иноязычных слов, насилие, давление словом, стилистические нарушения и др. [Там же].

Н.Н. Панченко отмечает, что «*экологичная коммуникация* понимается как общение, не оказывающее вредоносного влияния на здоровье человека, его психоэмоциональное состояние ... пространство же неэкологичной коммуникации составляют любые вербальные и невербальные средства, стратегии и тактики коммуникативного поведения, противоречащие коммуникативно-прагматическим и этико-речевым нормам, снижающие комфортность речевого общения и негативно влияющие на эмоциональное здоровье человека» [Панченко 2013: 375].

Корректность речевого общения с точки зрения лингвоконфликтологии и эмотивной лингвоэкологии также анализирует Е.С. Кара-Мурза с целью поиска решений лингвоправовых конфликтов при помощи «судебной лингвистической экспертизы» [Кара-Мурза 2013: 179]. Привлечение теоретических знаний из сфер лингвоконфликтологии и лингвоэкологии увеличивает вероятность более чёткой фиксации «такого речевого преступления, как *диффамация*, т.е. распространение порочащих сведений, оскорблений и клеветы, нарушающих неотъемлемые права личности (человеческое достоинство, честь и деловую репутацию, права на неприкосновенность личной жизни и на доброе имя)» [Там же: 184].

Необходимо оговориться, что приведённый перечень параметров экологичности или неэкологичности (токсичности) коммуникации следует постоянно подвергать ревизии и оценке, рассматривать каждую речевую ситуацию в контексте определённого дискурса.

Н.Н. Панченко в рамках исследования экологичности коммуникации констатирует, что «коммуникативные ситуации предстают как *амбивалентно-экологичные*, поскольку всегда необходимо учитывать ряд взаимодополняющих факторов: характеристику ситуации общения ... выбор адекватной стратегии поведения, ориентированной на другого...» [Панченко 2013: 383, 387], так как конфликтообразующими могут являться неправильно выбранные слова и выражения, не обладающие коммуникативной уместностью и прагматической эффективностью.

Обзор работ отечественных исследователей демонстрирует широкий спектр сфер человеческой жизни, коммуникация внутри которых не всегда является экологичной.

Е.С. Кара-Мурза, исследуя «отзвуки диффамационности» в рекламных текстах, констатирует, что авторы рекламы нередко пренебрегают деонтологическими требованиями в обществе.

Учёный приводит пример – фразу, используемую рекламной компанией в Екатеринбурге: «Продаём Родину. Платим за детей» (первоначальное значение – предоставление скидок семьям с детьми). Подобный «рекламный ход» вызвал сильнейший резонанс в обществе и был встречен неодобрением граждан города. В результате проведённой лингвистической экспертизы Управление Федеральной антимонопольной службы признало, что в рекламе содержится диффамация по отношению к родителям, а также оскорбление патриотических чувств жителей города. Реклама была снята, создатели и заказчики оштрафованы [Кара-Мурза 2013: 188–189].

Приведённый пример и многие другие неоднозначные ситуации порой могут не содержать в себе непристойных и оскорбительных слов и высказываний, однако вызывать негативную реакцию со стороны реципиента.

В таких конфликтных ситуациях формируется «неконгруэнтность прагматики говорящего (инициальная интенция) и прагматики слушающего (терминальная интенция), которая мешает оптимизации общения и приводит к эмоциональному и, возможно, когнитивному диссонансу» [Кислякова 2013: 204]. И.В. Труфанова также замечает: «Неконгруэнтная прагматика вызывает эмоциональный диссонанс, *некооперативность* и *неуспешность коммуникативного события*» [Труфанова 2013: 279].

Л.П. Амири приводит в пример феномен *вульгаризации рекламного пространства* и считает, что одной из центральных лингвистических проблем является частое использование *жаргонной лексики в повседневной речи*, наносящей вред социокультурному здоровью носителей языка» [Амири 2013: 162].

Помимо явно вульгарной обценной лексики, в рекламе часто используется языковая игра, порождающая, например, орфографические окказионализмы – контаминации, графогибридизации и др. Существует

угроза превращения игры с орфографической нормой в дальнейшее неправильное использование обыгрываемых слов и речевое хулиганство.

Языковая игра в рамках рекламного дискурса может быть продемонстрирована при помощи следующих примеров: 1) пародия манеры речи: *Жакажите жалюзи шейчас же!* (реклама жалюзи); 2) создание орфографических окказионализмов – контаминаций: *СПАЦИальное предложение* (реклама мебельного салона «СПАЦИО»); 3) графогибридизация: *раZOOMный выбор* (реклама напитка «ZOOM») и т.д. [Амири 2013: 163].

В рамках языка рекламы необходимо также упомянуть эргонимы, являющиеся предметом лингвоправовых конфликтов и влияющие на социокультурное здоровье общества. Эргонимы, «обслуживая особые области номинации, относящиеся к экономической, культурной и общественно-политической сфере жизнедеятельности современного человека, являются частью информационной среды в рамках городской лингвокультуры» [Крюкова 2013: 127]. «Рекламные имена способны выступать средством управления вниманием и оказывать воздействие на адресата» [Врублевская 2013: 116].

Разного рода диффамирующие высказывания, инвективы, относящиеся к словесным оскорблениям, обладают *языковым излучением* (в терминологии Н.А. Сребрянской).

В рамках межкультурной коммуникации инвективы создают *национально-культурную асимметрию* в силу незнания адресатом или адресантом особенностей стилистической отнесенности, коннотативного значения тех или иных лексем. Детекция этих лексем, несущих оскорбление, которые в силу своей динамичности, эмоциональности и оценочности «не успевают быть зафиксированы словарями, является одной из сложностей лексикографии, влекущих за собой проблемы в изучении иностранного языка и коммуникации» [Сребрянская 2013: 147].

Н.А. Сребрянская, исследуя инвективную лексику, представленную этнонимами на материале английского языка, констатирует отсутствие пояснительных словарных статей к большому количеству этнонимов, обладающих уничижительной и презрительной коннотацией.

Русско-английские словари не указывают, что этноним *pickaninny* («малыш», «негритёнок»), помимо нейтральной номинации, обладает уничижительным и расистским значением.

Учёный, анализируя данный и многие другие этнонимы, подчёркивает мысль о необходимости существования в словарях пометы о стилистической отнесённости слова и его эмотивной составляющей – работы тонкой и деликатной.

Подобную работу необходимо проводить, например, в рамках образовательной системы. Е.К. Черничкина, исследуя лингвоэкологический аспект иноязычной научающей коммуникации, указывает на важность «*“эмоциональной корреляции”* речевых партнёров межкультурной коммуникации», что является достаточно сложным феноменом [Черничкина 2013: 301].

Сложность данного феномена, по мнению учёного, объясняется тем, что задачей так называемого «искусственного билингва» (преподавателя) является грамотная организация учебного процесса с учётом «эмотивно-эмоционального кода как облигаторного конституента лингвокультурного кода» иноязычной культуры и эмоциональных доминант родной культуры [Там же: 301], поскольку идея о разнообразии последующих эффектов слов и выражений, оказывающих на человека, подтверждается следующими метафорами: *слова используются как яд или оружие*. Ср.: «Worte können allerdings auch als Gift oder Waffe verwendet werden» [Eicher 2018: 4]; *слова могут разделять людей, подобно гильотине*. Ср.: «Worte können uns voneinander trennen, wie das Fallbeil eines Henkers» [Ibid.].

Представитель лингвоэкологических исследований Н.Н. Панченко подчёркивает, что *«необходимость экоконтроля, о которой всё чаще говорится в последнее время, распространяется не только на природу, но и на прогнозирование языковой политики для регулирования коммуникативного взаимодействия, гармоничных отношений между коммуникантами»* [Панченко 2013: 374].

Учитывая запрос на регулирование коммуникации, ряд отечественных учёных указывает на возрастание важности *коммуникативно-экологической, здоровьесберегающей функции языка* в современном обществе (В.В. Жура, Н.Г. Солодовникова, В.И. Шаховский, С.И. Маджаева и др.).

Терапевтическая функция языка *«реализуется не только в институциональном общении «врач – пациент»». Она всеобъемлюща для современной как горизонтальной, так и вертикальной коммуникации: бытовое общение как равных по социальной лестнице людей, так и находящихся на разных ступенях этой лестницы ... так как эти типы общения могут создавать конфликтные ситуации»* [Шаховский, Солодовникова 2013: 24].

С.И. Маджаева и А.Х. Сатретдинова исследуют проблему воздействия медицинской информации и экологического пространства пациента, анализируя скрипты бесед специалистов-медиков с пациентами.

Эмпирический материал, проанализированный лингвистами, демонстрирует наличие *сбоев в коммуникации* и, как результат, возможное ухудшение состояния пациента. Одним из примеров рассогласованной коммуникации между врачом и его пациентом является ситуация, свидетельствующая о необходимости корректной расшифровки медицинских терминов при постановке диагноза: пациент, услышав свой диагноз – *стенолигаментит*, интересуется у врача о том, каковы природа и способы лечения заболевания, на что врач рекомендует пациенту

осведомиться об этом в Интернете. В результате прочтения множества статей на тему заболевания пациент полностью дезориентирован и не способен понять сложный медицинский язык. Возможно, простое определение недуга человека, а именно *растяжение связок*, стало бы экологичным, не травмирующим психоэмоциональное состояние пациента.

Данный пример доказывает, что медицинскому работнику необходимо доносить до пациента понятную, прозрачную, конкретизированную и обладающую позитивной модальностью информацию о состоянии здоровья последнего.

Реципиент не должен находиться в «уязвимом положении с лингвистической точки зрения», а адресанту необходимо развивать *инклюзивную, адаптивную коммуникацию*, не создавая для адресата дополнительных барьеров на пути к пониманию какой-либо информации [Бурмакина 2023: 660].

Обращаясь к медицинскому дискурсу, следует упомянуть работы Н.Г. Бурмакиной, которая, исследуя ясный язык в рамках социальной лингвистики, приводит фрагмент, заимствованный из объявления в одной из поликлиник: *Повторная вакцинация против коронавирусной инфекции COVID-19 проводится без необходимости изучения и учёта данных о наличии антител согласно рекомендации ВОЗ и реализуется в три этапа: осмотр врача перед вакцинацией, непосредственно вакцинация, наблюдение после вакцинации* [Бурмакина 2023: 661].

Проведённый учёным лингвистический анализ данного примера констатирует факт наличия в приведённом фрагменте сложных синтаксических конструкций, аббревиатур, в том числе на иностранном языке, что является чрезмерно сложным для значительной части людей, которым адресован этот текст: пожилых людей, возможно, испытывающих когнитивные изменения, мигрантов, не всегда хорошо владеющих русским языком.

Говоря о языковой адаптивности, необходимо упомянуть, что в настоящее время в России ведутся исследования «ясного» языка: на базе РГПУ им. А.И. Герцена; сотрудниками Института инклюзивного образования БГПУ им. Максима Танка; преподавателями проекта «Ясный и простой язык в России» и др.

Исследуемые языковые аспекты требуют пристального внимания со стороны лингвистов и различных государственных организаций: фокус проблемы находится в отборе понятной лексики, правильном построении предложений, корректном использовании стилистических приемов и т. п. [Ясный язык 2018].

Перечисленные требования объясняются частотным использованием в современной речи большого количества заимствований из английского языка, излишних канцеляризмов и аббревиатур, затрудняющих понимание коммуникантами друг друга.

Необходимо реформирование языковой системы с целью симплификации письменной и устной речи в рамках, например, институциональной коммуникации и, таким образом, ориентированности на широкий круг адресатов и учёта потребностей людей с ограниченными возможностями, мигрантов, иностранцев и др.

В целом необходимо сделать вывод о том, что современное общество нуждается в экоконтроле не только природной, но и языковой экосистемы. Такой контроль и мониторинг могут быть осуществлены при помощи лингвоэкологических исследований.

Лингвоэкологичная коммуникация направлена на совершенствование языковой практики носителей языка с целью улучшения «самочувствия» не только языка, но и отдельного индивида, и общества в целом.

Подобный тезис сформулирован на основании того, что слово, обладая мощным экспрессивно-эмоциональным зарядом, способно как

эскалировать конфликт, так и смягчить его. Именно поэтому со стороны адресатов и адресантов требуется осознанное совершение «здоровых» речевых актов, не нарушающих экологический баланс в обществе.

1.3. Понятийно-терминологическое пространство лингвоэкологии

Первоначальная основополагающая идея возможности заимствования экологических принципов, например, таких как «взаимодействие», «окружающая среда», и их использования в процессе осмысления языковых феноменов была предложена Э. Хаугеном, благодаря которому в последующем лингвистика вобрала в себя понятия «языковой конфликт», «языковой контакт», «двуязычие», «языковое изменение», «смерть языка», «переключение языковых кодов» [Fill 1996: 4].

Для глубокого анализа понятия «язык – окружающая среда» («Sprache-Welt-System»), которое было введено немецким учёным П. Финке, и наблюдения за его динамикой и развитием необходимо подчеркнуть важность экологической теории *сукцессии экосистем*, подразумевающей процесс изменения видов, которые составляют экологическое сообщество, с течением времени.

Применительно к языку В. Трампе рассматривает *прогрессивную и регрессивную сукцессии*. Сукцессия с лингвистической точки зрения – постепенная смена состояний систем «язык – окружающая среда». Ср.: «Sukzession – zeitliche Abfolge von Sprache-Welt-System-Zuständen». Под *прогрессивной сукцессией* подразумевается интенсификация природных взаимозависимостей через язык для сохранения или поддержания вариативности и разнообразия. Ср.: «Progressive Sukzession – Intensivierung der Umweltbeziehungen durch Sprache zur Erhaltung und Förderung wechselseitiger Variabilität und Vielfalt». Напротив, *регрессивная сукцессия* («Regressive Sukzession») – поэтапное превращение сложных

систем «язык – окружающая среда» в менее креативные и разнообразные [Trampe 1990: 225].

В контексте прогрессивной и регрессивной сукцессий В. Трампе также подчёркивает существование *внутренней* (внутри собственной экосистемы «язык – окружающая среда») и *внешней* (по отношению к другим экосистемам) *толерантности*, способствующей поддержанию языкового разнообразия и креативности («Äußere Toleranz ist ebenso nötig wie innere Toleranz»). Принцип толерантности, в свою очередь, предполагает терпимость к совершению ошибок («Fehlerfreundlichkeit»), которая свойственна креативному процессу. Подверженность ошибкам позволяет провести параллель с природными экосистемами, в рамках которых возникают какие-либо мутации («Mutation in Ökosystemen») [Ibid.: 207].

Однако, несмотря на существование языковой толерантности, необходимо осознание важности наличия *критики языка*, выражающейся в «рефлексии по поводу самого языка, допускающего разного рода “аномалии”: отклонения от норм, неточности, нелогичности, двусмысленности, затрудняющие понимание» [Бернацкая 2014: 17].

Постулируя идею о необходимости критического рассмотрения различных языковых процессов, А.П. Сковородников сконструировал *терминологический аппарат экологии языка*. Основой для создания словаря «Экология русского языка» является биологическая природа языка и ряд биологических терминов.

Специфика словаря заключается в том, что в нём приводятся не только термины, обозначающие реально существующие факты и явления, но и такие понятия, референты которых виртуальны, т.е. на данный момент отсутствуют, но желательны с точки зрения лингвоэкологии: «Бюро по вопросам окружающей языковой среды»; «гигиена окружающей языковой среды»; «государственная лингвоэкологическая служба»;

«государственный лингвоэкологический кадастр»; «индикаторы загрязнения языка и речи»; «клиническая лингвоэкология»; «компенсационная языковая политика»; «лингвотравматология»; «лингвовалеологические права граждан»; «лингвоэкологическая паразитология»; «лингвоэкологическая санация»; «экспертиза»; «лингвоэкологический императив»; «лингвоэкологическое образование и воспитание»; «прогнозирование»; «международное лингвоэкологическое сотрудничество»; «международный союз охраны языков» и др. [Сковородников 2017].

Как отмечает лингвист, референциальный набор лингвоэкологии составляют следующие термины: *«болезнь языка»; «загрязнение языковой практики лингвотоксичными процессами»; «антропогенная нагрузка на язык»; «языки, находящиеся на грани вымирания»; «языковые гибриды»; «деградация среды обитания языка»; «защита языка»; «речевые паразиты»; «самоочищение языка»; «языковая реабилитация и реанимация»* и др. [Там же]. А.А. Бернацкая, также фиксируя в языке вышеперечисленные явления, говорит о необходимости сбережения экологической чистоты языка и выделяет три аспекта экологии языка: *интралингвальный, интерлингвальный и транслингвальный*.

Первый, традиционный аспект связан с сохранением культурной, правильной, ясной, выразительной речи, а также препятствованием проникновению отрицательных явлений в языковую систему. Подобные цели достигаются, в числе прочего, через сбор и анализ речевых ошибок, работу со СМИ и просветительскую деятельность.

Второй аспект «связан с полиязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков» [Там же]. В данном случае могут быть использованы экологические метафоры:

«смертельно больной язык», «вымирании неконкурентоспособных языков» и др.

Третий, транслингвальный аспект направлен на «использовании реалий одного языка и культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего иной культуре» [Там же].

Данная работа фокусируется на рассмотрении вопроса неэкологичности (токсичности) коммуникации в рамках двух аспектов: *интралингвального* и *транслингвального*.

Настоящая работа, опираясь на терминологическую базу А.А. Бернацкой, расширяет значение термина «транслингвальный аспект лингвоэкологических исследований» и подразумевает под ним не только особенности взаимовлияния, смешения и гибридизации различных лингвокультур.

В поле исследования привлекаются экстралингвистические обстоятельства и факторы: проблема антропогенной нагрузки на окружающую среду, социальное неравенство, движение человека к механистической картине мира и т.д. С учётом этих и других факторов анализируются индикаторы неэкологичной языковой практики, способные усиливать отрицательную антропогенную нагрузку на окружающую среду и самого носителя языка.

По мнению С.И. Маджаевой и А.Х. Сатретдиновой, в рамках языковых исследований «на первый план выдвигается информационная, логическая составляющая языка, что даёт толчок к развитию *рационалистического направления в лингвистике*. В связи с этим *слово воспринимается как сигнал*, как техническое средство, даже если словом или текстом объявляется человек» [Маджаева, Сатретдинова 2015: 281].

Сигнал, который несёт в себе слово или высказывание, приобретает определённую характеристику, не всегда положительную.

Такие явления, как *токсичный язык, токсичная коммуникация, токсичный человек, коммуникативно-экологическая компетенция языковой личности*, всё чаще попадают в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов (Г.Г. Молчанова, А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, В.И. Шаховский, Я.А. Волкова, А.А. Штеба, M. Schwarz-Friesel, A. Kutz, A. Stibbe и др.).

Лингвотравматология, являющаяся составной частью лингвоэкологии, выделяет *лингвотоксичные явления (лингвотоксины)* в языке – слова и высказывания, наносящие вред «здоровью» языка, а также языковому сознанию носителя языка [Сковородников, Копнина, 2017, 29]: 1) неоправданные иноязычные заимствования; 2) вульгаризация языка / речи; 3) лингвоцинизмы; 4) бюрократизация (канцеляризация) языка / речи; 5) ярлыкообразование; 6) жаргонизмы, арготизмы, просторечия; 7) избыточная аббревиация; 8) токсичное словотворчество [Сковородников, Копнина 2017: 28–32].

Наша работа, опираясь на классификацию А.П. Сковородникова, фокусирует внимание на следующих лингвотоксичных процессах: 1) *вульгаризмы* (инвективная / обценная лексика, нарушающая экологический баланс в обществе и размывающая языковые нормы общества); 2) лавинообразное внедрение *англицизмов / американизмов* или *Denglisch* в различные сферы социума.

Помимо общепринятой теории о лингвотоксичных явлениях, данное исследование выдвигает гипотезу о том, что к лингвотоксинам также могут относиться: 3) *дискриминирующий язык* (diskriminierende Sprache); 4) гибридная лингвистическая вариативность – *социолект Kanakisch-Deutsch*; 5) *гендерный язык* (Gendersprache); 6) явление «двойного сообщения» («double bind») (манипулятивная тактика в коммуникации, проявляющаяся в использовании двойных сообщений или «двойных ловушек», ставящих получателя сообщения в беспомощное положение и

вызывающих когнитивный диссонанс); 7) *эффект ноцебо*, противопоставляющийся эффекту плацебо в рамках медицинского дискурса.

Обозначенный круг языковых токсинов затрагивает множество сфер человеческой жизни. Задействие лингвотоксинов в коммуникации ведёт к «повреждению диалогического потока, а также нарушению принципа коммуникативной коллаборации» [Старостина, Леонович 2022: 68].

В соответствии с исследованиями российских учёных в рамках *эмотивной лингвоэкологии* привлечение в речь лингвотоксинов способно наносить вред не только здоровью языка, но и здоровью носителя языка – языковой личности (Н.Н. Панченко, А.А. Штеба, В.И. Шаховский, С.В. Ионова, Н.Г. Солодовникова, В.А. Буряковская, Я.А. Волкова и др.).

Такая взаимозависимость достаточно ярко и образно определена в высказываниях М. Шварц-Фризель: слова порой предстают в роли крохотных капель мышьяка, которые ускользают от внимания и как бы проглатываются, однако при этом в долгосрочной перспективе раскрывают своё токсичное действие [Schwarz-Friesel 2022: 9].

Как уже было заявлено ранее, фокус данной работы сконцентрирован на вопросе неэкологичности (токсичности) коммуникации, детекции лингвотоксичных конструкций в рамках двух аспектов: *интралингвального* и *транслингвального*.

По нашему мнению, к интралингвальному аспекту экологии языка относятся: *дискриминирующий язык; вульгаризмы; коммуникация двойного сообщения* («double bind»); *гендерный язык* (Gendersprache), а также «*эффект ноцебо*»:

1) под вульгаризмами мы, опираясь на идеи А.П. Сковородникова, понимаем следующее: «*вульгаризмы* – пошлые и грубые, циничные слова и выражения, находящиеся за пределами литературной формы и требований речевого этикета» [Сковородников 2017: 36];

2) феномен «*double bind*» описывает коммуникативную ситуацию, в рамках которой адресат получает от адресанта токсичные и противоречивые послания [Тихомиров 2013: 18];

3) *гендерный язык* (Gendersprache, Gendern, geschlechtergerechte Sprache) – языковая практика, способствующая созданию равноправия в обществе, в частности равного отношения к мужчинам и женщинам [Diewald, Steinhauer 2019: 7];

4) *дискриминация* – неравное отношение к людям на категориальном уровне, невзирая на их личностные характеристики и достижения [Graumann, Wintermantel, 2007, 147]; с одной стороны, *язык* выступает в роли средства, осуществляющего дискриминацию (*дискриминирующий язык*), с другой стороны, язык – это посредник в борьбе против дискриминации [Reisigl 2017: 82];

5) *эффект ноцебо*, являющийся составляющей врачебной коммуникации, способен повлиять отрицательным образом на самочувствие пациента или замедлить процесс его выздоровления. Подобный феномен возникает в результате вербальной и невербальной коммуникации между пациентом и врачом, содержащей негативные установки и ожидания лечащего врача. Ср.: «Nocebo-Phänomene gründen auf den gleichen Wirkmechanismen wie Placebo-Effekte: Auf der Erwartungshaltung des Patienten und bei längerer Einnahme eines Medikamentes auf seiner Kondition durch einen Lern- und Gewöhnungsprozess. Beim Nocebo-Effekt verschlechtern sich die Symptome durch eine Suggestion, die eine negative Erwartungshaltung entstehen lässt» ... «Die verbale und nonverbale Kommunikation des Arztes – unbeabsichtigt – kann eine solche Erwartungshaltung verstärken und sogar auslösen» [Eicher 2018: 243].

Важной для лингвистического анализа является, на наш взгляд, перспектива *исследования лингвотоксичных явлений, зарождающихся на фоне экстралингвистических факторов*, лежащих в основе культуры

общества. Язык получает от культуры «систему потребностей человеческого общества как огромного распределительного организма, перерабатывает эти потребности в смысловые кванты, выражает их в знаках и, в свою очередь, передаёт культуре упакованный опыт в виде слов, словосочетаний, высказываний, текстов, речевых жанров и типов дискурса» [Карасик 2013: 191].

По нашему мнению, к *транслингвальному аспекту* экологии языка относятся: активная экспансия *англицизмов / американизмов*, в немецком языке и появление *Denglisch*; гибридная лингвистическая вариативность – *социолект Kanakisch-Deutsch (Kanak Sprak)*.

В качестве рабочих мы выбираем следующие определения:

1) *Denglisch* – гибридный язык, содержащий в себе большое количество англоязычных заимствований. Ср.: «Bezeichnung für Texte oder Äußerungen, die einen – aus der Sicht des Sprechers – zu hohem Anteil englischer oder englisch anmutender Sprachformen enthalten» [URL: Denglisch];

2) *Kanakisch-Deutsch (Kanak Sprak)* – часто используемая с негативным, уничижительным значением языковая форма немецкого языка, являющаяся смешением немецкого и турецкого языков. Ср.: «umgangssprachlich, abwertend: Sprachform des Deutschen mit starken Einflüssen des Türkischen» [URL: Kanak Sprak].

Перенасыщение языковой практики излишними англицизмами, а также социолектом *Kanakisch-Deutsch* является индикатором неэкологичной коммуникации, поскольку данные явления способны приводить к обеднению и эвтрофикации языка (в терминологии В. Трампе).

Помимо этого, по мнению В. Трампе, в коммуникации возникают следующие неэкологичные процессы: *вуалирование фактов* (Tatsachenverschleierung); *приукрашивание действительности* (Beschönigung); *неверная интерпретация значения* (Bedeutungsverschleppung); *языковое нивелирование* (Sprachnivellierung);

механизация (Verdinglichung oder Maschinisierung), которые не только нарушают связь человека с его природным окружением, но также приводят к экологической катастрофе в мире.

В рамках транслингвальной проекции лингвоэкологических исследований данная работа также освещает вопрос о существовании дискриминирующего языка и вульгаризмов, функционирующих в австрийском варианте немецкого языка. По нашим предварительным наблюдениям, данные лингвотоксины в Австрии демонстрируют те же природу и механизмы своего действия, что и в Германии.

Обзор терминопонятий, необходимых для исследования, позволяет прийти к выводу о том, что лингвоэкологические штудии учитывают существование толерантности в качестве основополагающего свойства языка, которое допускает проникновение в целостный языковой конструкт неких «аномалий».

Однако необходимо осознавать наличие в языке вредоносных лингвотоксичных процессов, которые возникли в результате антропогенной нагрузки на язык и, как результат, нарушают экологический баланс в коммуникации, что приводит к подрыву здоровья не только языка, но порой также носителя языка и окружающего мира.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1:

Относительно молодое научное направление в рамках языкознания – лингвоэкология – сформировалось на стыке лингвистики, экологии, психологии и социологии. Подобная междисциплинарная направленность лингвоэкологии чрезвычайно важна для современной лингвистики, поскольку позволяет проанализировать и осознать языковые процессы с точки зрения разных научных теорий и междисциплинарных подходов.

Основной тезис лингвоэкологии может быть сформулирован следующим образом: существование языка напрямую зависит от окружающей его среды (общества) и наоборот.

Лингвоэкология выделяет языковые проблемы, существующие в современном обществе, такие как неэкологичная коммуникация, характеризующаяся высоким уровнем эмоциональной напряжённости в силу ряда экстралингвистических факторов; как следствие – вербальная агрессия, диффамирующие слова и высказывания, деформирующие речевой поток; использование большого количества излишних заимствований, аббревиатур, канцеляризмов, затрудняющих понимание своего визави.

На фоне неэкологичной (токсичной) речевой практики формируются лингвотоксичные процессы, к которым относятся: 1) вульгаризмы; 2) лавинообразное внедрение англицизмов / американизмов или *Denglisch* в различные социальные сферы. Дополнительно лингвотоксинами также могут считаться: 3) дискриминирующий язык (*diskriminierende Sprache*); 4) гибридная лингвистическая вариативность – социолект *Kanakisch-Deutsch*; 5) гендерный язык (*Gendersprache*); 6) явление «двойного сообщения» («*double bind*»); 7) эффект ноцебо, противопоставляющийся эффекту плацебо в рамках медицинского дискурса.

Помимо вышеперечисленных лингвотоксичных процессов, наше исследование также выделяет семь индикаторов неэкологичной языковой практики, свидетельствующих не только о деструктивной человеческой коммуникации, но и о нарушенном контакте между человеком и природой: вуалирование фактов (*Tatsachenverschleierung*); приукрашивание действительности (*Beschönigung*); неверную интерпретацию значения (*Bedeutungsver schleppung*); языковое нивелирование (*Sprachnivellierung*); механизацию (*Verdinglichung oder Maschinisierung*); обеднение языка (*Sprachverarmung*); эвтрофикацию языка (*Spracheutrophierung*).

Перечисленные лингвотоксичные процессы можно рассматривать в рамках интра- и транслингвального аспектов. К интралингвальному аспекту относятся: дискриминирующий язык; вульгаризмы; коммуникация двойного сообщения («double bind»); гендерный язык (Gendersprache), а также эффект ноцебо. В транслингвальный аспект входят: индикаторы неэкологичной языковой практики (в соответствии с классификацией В. Трампе); Denglisch; социолект Kanakisch-Deutsch, а также дискриминирующий язык и вульгаризированная лексика в рамках австрийского варианта немецкого языка.

Обозначенный круг лингвотоксичных процессов охватывает многие сферы человеческой жизнедеятельности, которые способны осознанно и неосознанно закладывать в социуме негативные установки и стереотипы, нарушать экологический баланс в коммуникации, оказывать отрицательное влияние на здоровье носителя языка.

Возникновение неэкологичной коммуникации в среде обитания языка объясняется рядом экстралингвистических факторов – изменениями государственного устройства, активной миграцией, экономической нестабильностью др.

Подобные факторы приводят к эмоционализации и экспрессивизации общества, проявлению речевой агрессии в различных сферах жизнедеятельности.

Эмотивы, являющиеся составляющими эмоциональной коммуникации, придают речи энергетическую мощь, которая приобретает деструктивный или терапевтический характер. Декодирование эмотивов происходит как на рациональном (когнитивном), так и на чувственном (эмоциональном) уровнях, что позволяет сделать вывод о важности существования эмотивной лингвоэкологии как одной из важнейших составляющих лингвоэкологических исследований.

ГЛАВА 2. ИНТРАЛИНГВАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЭКОЛОГИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Вульгаризированная лексика как коммуникативный токсин

В соответствии с классификацией А.П. Сковородникова вульгаризированная лексика принадлежит к лингвотоксичным процессам, наносящим урон здоровью языка. В данной работе этот процесс рассматривается в рамках интралингвального аспекта экологии языка.

Ю.В. Манн, анализируя произведение Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», вводит ёмкий термин «снижение демонологической традиции», который указывает на то, что вульгарная лексика, реализуемая через концепт «чёрт» и «демон», перестаёт восприниматься как однозначное зло, способное нанести ущерб.

Безусловно, этот тезис необходимо подвергать более глубокому анализу в контексте конкретной этнолингвокультуры, региона, ситуации. Однако, если говорить об общей тенденции, явление «дедемонизации» естественным образом приводит к частому использованию инвективной лексики, поскольку страх перед табуированными словами и выражениями постепенно нивелируется [Манн 1988: 23].

Большой интерес для исследования представляют *вульгаризмы*, входящие в состав инвективной (бранной) лексики, которые, хотя и являются важным средством реализации связи между словесным выражением эмоций и необходимостью эмоциональной разрядки, всё же выступают в роли индикаторов загрязнения языка / речи или лингвотоксинов.

Из вышеупомянутых фактов следует, что вульгаризированная лексика обладает неоднозначной смысловой и эмоциональной нагрузкой. Наличие подобной амбивалентности логично, поскольку если бы исследуемый нами

объект обладал только лишь отрицательными в социальном плане свойствами, то он бы уже давно прекратил своё существование. Поэтому, во избежание однобокого и поверхностного рассмотрения данного явления, необходимо в первую очередь раскрыть его суть с точки зрения его функций.

Обширный перечень функций инвектив, выступающих в роли вульгаризмов, представлен в исследовании В.И. Жельвиса. Продемонстрируем некоторые из них: 1) «инвектива – средство выражения земного и профанного начала, противопоставленного сакральному»; 2) катартическая функция, позволяющая получить эмоциональную разрядку; 3) «через профанизацию речи понижение социального статуса» получателя сообщения; 4) «средство установления контакта между людьми»; 5) «средство дружеского подтрунивания и подбадривания»; 6) «нарративная функция, предусматривающая привлечение к себе всеобщего внимания»; 7) использование инвектив с целью демонстрации бунта; 8) вульгаризм как «средство вербальной агрессии»; 9) «междометное, восклицательное употребление инвектив»; 10) функция «снижающая необходимость прямой физической атаки»; 11) «ассенизационная функции, делающая возможным употребление инвектив в обществе» и т.д. [Жельвис 2001: 109–133].

Из вышеприведённого списка можно сделать вывод о неоднозначной и противоречивой природе инвектив. Нейропсихоллингвист Т. Джей даже выдвинул «нейропсихосоциальную теорию речи», в рамках которой вульгаризированная лексика заслуживает важное место [Jay 1992: 199].

В фокусе нашего внимания находится анализ вульгарной лексики именно с точки зрения её социального функционирования, поскольку изучение подобной лексики уходит глубоко корнями в историю формирования ряда социальных запретов-табу. Ведь «вся наша деятельность контролируется табу на упоминание сакральных понятий, на

обращение к понятиям, связанным с человеческим “низом” и т.д.» [Жельвис 2001: 21].

Чем серьёзнее «взламывание» табу, тем сильнее реакция на него. Здесь надо оговорить, что процесс нарушения существующего табу необходимо рассматривать в рамках конкретной этнолингвокультуры, социальной группы. В.И. Жельвис делит словесные нарушения табу на три группы: 1) «нарушение слабых табу, которые в силу своей слабости редко могут стать сюжетом резкой инвективы»; 2) «грубые инвективы, нарушающие сильные табу ... ругатель прибегает к этим средствам, когда у него появляется необходимость в разрядке эмоционального»; 3) «немногочисленные словоупотребления, нарушающие настолько сильные запреты, что сам факт их нарушения – явление экстраординарное, почти недопустимое» [Там же: 34].

Прежде чем говорить об отрицательном влиянии вульгарных слов на здоровье языка и, как следствие, носителя этого языка, необходимо упомянуть понятие «катарсис» (др.-греч. κάθαρσις — «возвышение, очищение, оздоровление»), которое обозначает процесс высвобождения эмоций, разрешения внутренних конфликтов и нравственного возвышения, возникающий в ходе самовыражения (в том числе через искусство) или сопереживания при восприятии произведений искусства [Катарсис. Толковый словарь иноязычных слов].

Настоящее исследование, опираясь на первоначальное истолкование данного понятия, всё же вслед за М.М. Бахтиным фокусирует своё внимание на таком понимании процесса катарсиса: очищение человека через обращение к низшему началу.

Обратимся к термину «карнавализация жизни», который был предложен М.М. Бахтиным и подразумевает осмысление результата влияния средневековой карнавальной культуры на мышление современного общества.

Учёный, анализируя природу карнавальной смеховой, свободной культуры, писал: «В самом деле, карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей. Он не знает рампы даже в зачаточной ее форме. Рампа разрушила бы карнавал ... карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [Бахтин 1990: 10 и др].

Стирание пространственных физических и ментальных границ в рамках карнавала даёт возможность участникам коммуникации лучше понять острые проблемы реальной, некарнавальной жизни.

Использование в речи вульгаризированных слов и выражений включает «эмоциональный механизм создания карнавальной атмосферы, обязательного атрибута инвективного употребления» [Жельвис 2001: 57].

Грубые инвективные выражения интерпретируются коммуникантами как таковые именно в рамках карнавального мироощущения, но «там, где говорящие считают непристойную лексику нормой, карнавальное мироощущение исчезает» [Там же: 39].

Вербальная агрессия, реализующаяся с помощью вульгарной лексики, может быть рассмотрена как интериоризация поступка. Интериоризацией называют «переход, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же, вещественными предметами преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности» [Леонтьев 1975: 45].

В рамках данной работы это означает, что слова обладают ещё бóльшим эффектом, нежели физические действия по отношению к визави, не говоря уже о том, что физическая расправа (экстериоризация поступка) зачастую не может быть материализована по ряду причин. Таким образом, часто инвектива оказывается прагматически оправдана в конкретной ситуации, что свидетельствует о её амбивалентной, неоднозначной природе.

«Инвектива (инвективное слово, инвективная лексика) – словесное оскорбление, вид высказывания, содержащего обвинение ... также грубая брань, бранные (нецензурные) слова и выражения, являющиеся проявлением агрессивного речевого поведения, задевающего честь и достоинство адресата». Данное определение, таким образом, включает в свой состав вульгаризмы – «элементы просторечия и табуированной экспрессивной лексики и фразеологии» [Сковородников 2017: 74, 36]. Наличие в языке подобных феноменов свидетельствует о нарушении экологического баланса и дисгармонии речевого общения.

В.И. Жельвис выделяет два типа инвектив: 1) социальная инвектива означает «использование инвективных выражений в междометном смысле: для усиления эмоциональности высказывания, заполнения паузы и т.д.»; 2) стрессовая инвектива «является аварийным вентилем, позволяющим снять напряжение». Отрицательная роль данной разновидности инвективы максимальна [Жельвис 2001: 45].

В рамках напряжённой конфликтной ситуации, сопровождающейся негативной оценкой визави, мозг человека, на которого направлены какие-либо оскорбления или обвинения, включает режим нападения или защиты. [Eicher 2018]. Слова, которые ставят собеседника в неловкое положение, ранят или унижают, негативным образом влияют на его эмоциональные отделы мозга. Подобно тому, как неумелое прикосновение к струнам гитары или скрипки способно расстроить музыкальные инструменты («ähnlich wie

bei einer Gitarre oder einer Geige»), в мозге возникают «фальшивые ноты» («entstehen Misstöne im Gehirn») или диссонанс [Eicher 2018: 100].

Подобные идеи наводят на мысли о том, что инвективные высказывания, содержащие вульгарный вокабуляр в ситуации накалённых эмоций, не являются верными союзниками говорящего, так как «сквернослов живёт в мире перевёрнутых представлений, точно так же, как и его оппонент» [Жельвис 2001: 134]. Имея целью оглушить своего собеседника, инвектант даже может не подозревать о том, что такое оглушение может работать в обе стороны, понижая его собственный социальный статус и самооценку.

Аналогичное замечание принадлежит Д.С. Лихачёву: «Арготическое слово показывает, что перед данным явлением арготирующий пришёл в тупик ... его эмоционально-экспрессивная данность есть признак слабости» [Лихачёв 1964: 346–347].

Одной из основных идей данной работы является выяснение соотношения лингвистических и экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на «эмоциональную нагруженность текста» (в терминологии В.И. Жельвиса).

Миграционный кризис, межэтнические столкновения, размежевание общества на мы / они, наблюдающиеся в немецком обществе, (Р. Сапольски, R. Steinke, A. Mathias, M. Schwarz-Friesel, M. Amjahid, M. Czollek, J. Scharloth, A. Stefanowitsch, M. Марусенко и др.), провоцируют *речевую агрессию, проявляющуюся в вульгаризации языка*.

Важным понятием также является *этическая рефлексия* – «дискурсивная реакция коммуникантов на речевое поведение партнёра или даже на своё» [Сурикова 2013: 261].

Этика выступает в роли одного из самых важных элементов культурного кода. Д.В. Павленок, цитируя в своей работе В.В. Красных,

пишет о том, что «культурный код является “сеткой”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его ... коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задаёт эталоны культуры...» [Красных 2002: 232].

Основой для этической рефлексии являются различные этические императивы, задающие определённые правила коммуникации. К таким императивам относится так называемое «золотое правило» («Die Grundidee der goldenen Regel»), которое призывает говорящего критически осмысливать своё собственное поведение и речь с точки зрения своего визави [Stefanowitsch 2018: 23].

Золотое правило – это интегративная часть человеческой коммуникации, поскольку языковые выражения являются своего рода действиями. Ср.: «... auch sprachliche Äußerungen sind Handlungen» [Stefanowitsch 2018: 26].

Немецкий учёный М. Амджахид в своей книге «Der weisse Fleck. Eine Anleitung zu antirassistischen Denken» размышляет на тему структурного и персонального расизма в немецкоязычном пространстве. Автор приводит список из 50 правил / советов для *Süßkartoffeln* (эвфемистический способ обозначения белокожего населения Германии). Данный разговорный термин включает в себя *Allies* (буквально «союзники»), привилегированное белое население немецкоязычного пространства, которое выступает за равноправие в обществе и способно открыто говорить на тему дискриминации. Ср.: «Ally – eine privilegierte Person, die sich ehrlich für Gleichberechtigung einsetzt und ihre eigenen Privilegien reflektiert und überdenkt. Zum Beispiel, wenn eine weiße Person sich um die Belange von nichtweißen Minderheiten kümmert und ihnen Raum für die Artikulierung der eigenen Diskriminierung schafft». «Kartoffel – urban geprägte Bezeichnung für weiße Deutsche» [Amjahid 2021: 210, 216].

К важнейшим советам, по нашему мнению, относятся следующие пункты:

1) необходимо учесть существование так называемых белых привилегий. Ср.: «...dass es so etwas wie *weiße Privilegien* und eine mächtige Struktur gibt»;

2) следует помнить о важности дальнейшего самообразования на тему дискриминации и обсуждения проблематики белых привилегий. Ср.: «... reden sie mit anderen weißen Menschen über weiße Privilegien»;

3) нужно отказаться от дискриминирующего языка, в частности от таких слов, как:

«*Kanake*» (данный термин, в соответствии с немецким словарём Duden, является дискриминирующим и оскорбляющим и обозначает «жалкого, недостойного человека» или «иностранца, представителя другого этноса». Ср.: «verachtenswerter, hassenswerter Mensch»; «Ausländer, Angehöriger einer anderen, fremden Ethnie», diskriminierendes Schimpfwort) [URL: Kanake];

«*Nafri*» (расистское выражение для обозначения мужчин североафриканского происхождения, использующееся полицией, службами безопасности. Ср.: «Rassistische Bezeichnung für nordafrikanisch aussehende Männer, die innerhalb von Polizei- und Sicherheitsbehörden verwendet...») [Amjahid, 2021, 217];

«*Ziegenficker*» (немецкий словарь DWDS указывает на вульгарное, оскорбляющее – vulgär und Schimpfwort – значение данного слова, часто адресованное выходцам из Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии) [URL: Ziegenficker].

Эти и многие другие выражения стигматизируют и подвергают остракизму какие-либо национальности. Ср.: «...nennen Sie mich nicht Kanake, Ziegenficker oder Nafri. Diese Begriffe wurden erfunden, um Menschen wie mich auszugrenzen, zu stigmatisieren»;

4) проявление солидарности не является синонимом патернализма – откажитесь от поучения людей, положение которых коренным образом отличается от вашего. Ср.: «...Solidarität ist nicht gleich Paternalismus»;

5) так называемая «белая хрупкость» (*white fragility*, *weiße Zerbrechlichkeit*), привилегированное положение белого населения, обратный расизм (*umgekehrter Rassismus*) должны подвергаться осмыслению и критике;

6) не стремитесь получить золотую медаль в «олимпиаде жертв» («*Opferolympiade*»), будучи уверенным в том, что ваши права ущемлены политической корректностью или национальными меньшинствами. Ср.: «Nehmen Sie nie an einer Opferolympiade teil»;

7) «ненависть – это не точка зрения», разделение правоэкстремистских взглядов может быть опасным для будущего общества. Ср.: «Hass ist keine Meinung»;

8) размышления над прошлым должны принимать формы не вэлнесс-путешествия, а конструктивных, эмпатичных политических решений в настоящий момент. Ср.: «Die Auseinandersetzung mit der Vergangenheit darf kein Selbstzweck oder Wellness-Trip sein ... das muss zu weisen politischen Entscheidungen im Jetzt führen» и др. [Amjahid 2021: 173–206].

Необходимо заметить, что сфера применения вульгаризированной агрессивной лексики обширна и включает различные дискурсы. Обратим внимание на репрезентацию вульгаризма как лингвотоксичного процесса в контексте феномена неравенства в рамках песенного дискурса.

Выбор данного дискурса мотивирован тем, что музыкальные произведения рассчитаны на массового зрителя и, таким образом, способны оказывать влияние на широкую аудиторию – представителей различных социальных групп, возрастов и т.д.

Тексты песен гангста-рэпера Bushido представляют интерес для данной работы, так как содержат множество инвектив, включающих в себя

вульгарную и унижающую достоинство получателя подобных сообщений лексику. В них зачастую можно наблюдать вербальную агрессию по отношению к различным целевым группам:

1) коллеги рэпперов (на творческом поединке – бифе или диссе – в рамках которого фиксируются публичные оскорбления своего визави): «Keep it real, *du bist Missgeburt*» (1); «Ich bin erst dann zufrieden, wenn *du Nutte den Dreck frisst*»; *Fick dich nach vorn*, egal, wie sehr du dich jetzt anstrengst; «Du bist jetzt nur noch *Scheißdreck*. Machst *Scheißrap*, ein Blick und du rennst weit weg» (2); «Du willst rappen und *brichst dir dabei den Schwanz ab*»; «Ich bin der, *der dich fickt*, wenn die Sonne nicht mehr scheint» (3); «*Du Fettsack* machst dich immernoch peinlich, *du Clown*» (4); «Du siehst *schwul* aus, doch irgendjemand findet's irgendwie schick» (2); «*Du quatschst mich voll*, weil du *Schwuchtel* jetzt ein'n Star kennst»; «Keiner von euch *Homos* ist was wert» (5); «Wenn ich euch seh' denk' ich, dass *ich schwulenfeindlich bin*» (6); «Deiner Mutter bleibt nichts übrig außer *Dicks zu blow'n*» (2); «Du bleibst doch nur *'ne Frau mit Schwanz*»; «Sag deiner Mama, dass Bushido morgen wiederkommt» (5); «Alle Mädchen, die ich kannte, *sahen scheiße aus*» (7).

Творчество Bushido пропитано неэкологичными словоформами, реализующимися при помощи диффамаций: «Missgeburt»; «Nutte»; «Dreck»; «fressen»; «ficken»; «Scheißdreck»; «Schwanz»; «Fettsack»; «Schwuchtel»; «Schwul»; «Homos», которые интерпретируются немецкими словарями «Duden» и «DWDS» как грубые, вульгарные, уничижительные и фамильярные.

Исполнитель, обращаясь в своём творчестве к коллегам-рэперам, прибегает к помощи вульгаризмов, взламывающих существующие в немецкой лингвокультуре социальные табу. Основной темой инвектив становится дискриминация по гендерной принадлежности, сексуальным предпочтениям, физическим данным и др.;

2) представители других национальностей: «... Er nimmt sich einfach die Welt, so wie's ihm gefällt. *Er baut sich Tempel aus Gold und gibt dem Moslem ein Zelt*» (8); «Welcher *Kanake* zahlt Eintritt für deine Billigshows?» (5).

В данных фрагментах песен Bushido в явной форме указывает на уязвимое положение мигрантов, решившихся на переселение в «страну возможностей» – США, в которой им приходится сталкиваться с рядом сложностей, в частности с неприятием и отрицанием их культуры и религии. Мигрантов часто называют грубым словом «Kanake», а их культурные ценности и традиции игнорируются: «Er baut sich Tempel aus Gold und gibt dem Moslem ein Zelt»;

3) коллективный образ «врага»: высказывание «Ich bin ein Hochkarräter, ich rappe ohne Gegner Leute, mich zu unterschätzen war ein großer Fehler» демонстрирует тернистый путь рэпера к мировой популярности и его сегодняшний триумф (9).

Необходимо обратить внимание, что встречается и противоположная проекция, когда Bushido констатирует факт наличия дискриминации по отношению к нему самому. Bushido задействует воспоминания о своей школьной скамье и тех унижениях и оскорблениях, которые ему приходилось терпеть со стороны педагогов: «Wenn Lehrer dir erzählen, dass du gar nichts bist. Fängst du an ihnen zu glauben, dass du gar nichts bist» (7).

Перейдём к рассмотрению вульгаризмов в другом типе дискурса – политическом.

Р. Лакофф писал о том, что язык – это политика, политика устанавливает силу, сила, в свою очередь, регулирует человеческую коммуникацию («Language is politics, politics assigns power, power governs how people talk and how they are understood»). Анализ языка с этой точки зрения – нечто большее, чем просто академическая деятельность: на

сегодняшний день подобный анализ – навык, необходимый для выживания («... today, more than ever, it is a survival skill») [Lakoff 1990: 7].

В настоящее время речь политиков адресована не конкретным группам (например, политическим соперникам или, наоборот, последователям), а широкому кругу людей.

Гражданское общество, как правило, не имея собственного опыта в сфере политики, опирается только на те «вербальные картинки», которые предлагаются ему политическими деятелями [Русский политический дискурс 2019: 80].

Подобные вербальные образы «оказывают информационно-пропагандистское воздействие на массового адресата, формируют определенную идеологию и обусловленные ею взгляды на определенные события в жизни» [Гончарова 2022: 222]. Таким образом формируется «определенное коллективное политическое знание, вырастающее из отдельных, соотнесенных между собой актов социального (надындивидуального) взаимодействия, усиленного прагматикой персуазивного и зачастую манипуляционного воздействия на массовое сознание ... коллективное политическое знание, в свою очередь, формируется в условиях агонального общения с повышенным эмоциональным и коммуникативным напряжением речевого поведения его участников» [Там же].

В соответствии со статистикой, около 30 процентов населения Германии не участвует в выборах. Причины разочарованности политикой разнообразны: несдержанные обещания политических кандидатов, политические скандалы, фальсификации диссертационных работ. Также веской причиной нежелания участвовать в выборах является «политическая речь», формирующая образ политических деятелей [Eicher 2018].

Базируясь на подобных статистических данных, политическому деятелю рекомендуется прибегнуть к так называемому «принципу Будды»

(«Prinzip der “sanften Gewinner”») или «тихой силы» («dem Buddha-Prinzip»), который подразумевает избегание вербальной агрессии по отношению к своим коллегам. Большинство населения предпочитает кооперативный способ коммуникации, поскольку конфронтация, резкие и грубые высказывания политиков лишь усиливают существующие противоречия и не способствуют налаживанию конструктивного диалога [Eicher 2018: 179, 181].

Похожей точки зрения придерживается эколингвист А. Филл: первостепенной задачей языка, способного строить отношения между различными группами людей, является организация мирного сосуществования коммуникантов, регулирование конфликтов и предотвращение агрессивных действий [Fill 1993].

Интересна для анализа современная риторика в политическом дискурсе, сформировавшаяся вокруг и внутри деятельности немецкой правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» («Alternative für Deutschland, AfD»).

Немецкая платформа теле- и радиовещания («ARD-Mediathek») проводит ряд интерактивных стримов и интервью на тему «Задай вопрос сам» («Frag-selbst-Streams»), гостями которых являются политики Бундестага. В их числе – председатель партии «АдГ» А. Вайдель; она ответила на вопросы, которые были заданы интервьюером и гражданами Германии в онлайн-формате.

Во время интервью вопросы и комментарии зрителей отображались бегущей строкой. Среди комментариев наблюдалось множество хвалебных отзывов о партии и А. Вайдель, но в то же время лента была наполнена эксплицитными и имплицитными вульгаризмами, диффамирующими политика и партию в целом.

Зрители проявили креативность, характеризуя деятельность правопопулистской партии: «*Ekelafd*»; «*EkelhAfD*» – название партии

сочетается с прилагательным «ekel» и «ekelhaft» («противный, омерзительный»).

Следующие примеры явно демонстрируют взламывание существующих в обществе табу, связанных с националистической идеологией, ультраправыми взглядами. АдГ приравнивается к ультранационалистической, экстремистской НСДАП, а её лидер – к фигуре А. Гитлера: «*Scheißenazis*»; «*Kein Meter nach rechts*»; «*Warum sind so viele Faschisten in der AfD?*»; «*Keine weibliche Hitler*»; «*Schmutz*»; «*AfD = NSDAP*» (10).

При помощи сокращения вульгарного англицизма «fuck» партию призывают «заткнуться» и «убраться»: «*FCK AfD*»; «*@fD halt die Klappe*»; «*Nazis raus*» (10).

Как было упомянуто выше, привлекательной для лингвистического анализа также является коммуникация внутри самой партии. Примером могут быть сообщения тайного внутреннего чата, который был создан членами АдГ. Журналисты провели расследование и с разрешения участников тайного чата проанализировали сообщения, содержащиеся в нём, а также провели интервью с некоторыми из политиков, публиковавших сообщения в чате.

В результате выяснилось, что сообщения содержат примеры диффамирующих слов и высказываний, направленных в основном на коллег из других партий. Необходимо упомянуть, что в силу своего неприемлемого содержания 90 процентов сообщений были позиционированы как сообщения от анонимного отправителя. Мы можем обозначить виды оскорблений:

– эксплицитные диффамирующие гомофобные высказывания по отношению к бывшему политическому деятелю партии СДПГ Й. Карсу: «...freue mich schon. Über die Leistung der SPD und Kahrs würde ich auch mal gerne reden. *Kahrs ist eine radikal böse Afteröffnung ... Kahrs ist Schwul*»; к

политику партии ХДС/ХСД. Шпану: «Ein Traum. *Darauf haben die tapferen Soldaten doch schon lange gewartet ... Oh, gut, also wieder eine Verteidigungsministerin ...* bei Spahn hätte die Bundeswehr *wieder auf Hinterlader umgestellt*» («Это просто мечта, мужественные солдаты этого долго ждали ... отлично, у нас новая министр обороны ... во время правления Шпана Бундесвер снова может перейти на пневматическое оружие» («Hinterlader» также переводится как «пассивный гомосексуалист»)). Данные высказывания появились в тайном чате АдГ в момент дебатов немецких политиков о том, кто займёт пост министра обороны в Германии. Имплицитно указывается на нетрадиционную ориентацию Й. Шпана (11);

– критика политического режима в Германии и личные оскорбления: «Das Merkelregime holt täglich zu weiteren Schlägen aus, es wird uns alle treffen»; «*Die Ratte Merkel* an der Spitze. *Diese Volksverräterin* gehört lebenslang *in den Knast*»; «Ich will die CDU nicht konservativ reformierbar machen. *Ich will die vernichtet sehen*»; «Wir müssen wohl warten, bis das alte Regime wirtschaftlich ans Ende kommt...» – в данном случае автор высказывания прибегнул к так называемой «антисемитской враждебности» («antisemitisches Ressentiments» в терминологии П. Брунсена), используя негативно закодированное слово «Ratte» («крыса»), отсылающее читателя к временам правления фашистской партии и нетерпимости к еврейскому народу (11);

– личные оскорбления: «Also, bei АКК (Annegret Kramp-Karrenbauer) bekäme ich *erektile Dysfunktion*» личность политика А. Крамп-Карренбауэр испытывает на себе оскорбление в виде сексизма; «*Frau HASS-Elmann* (Britta Haßelmann)» – в данном случае первая часть фамилии представителя партии Союз 90 / Зелёные Б. Гассельман изменена и буквально приобретает прочтение «Госпожа Ненависть-Эльман») (11); высказывание, направленное на политика партии СДПГ М. Рота: «Hier müssen wir definitiv

was machen, *eckelhafter Wicht*» («Нам нужно что-то сделать, мерзкий гном»);

– дискриминирующие высказывания: «*Jeder sieht, der Altmaier ist zu dick, aber keiner sieht, dass er immer Hunger hat*» («Все видят, что Альмайер жирный, но никто не видит, что он постоянно голоден») (11).

Перечисленные диффамирующие вульгарные слова и выражения, типичные для коммуникации представителей партии «Альтернатива для Германии», направлены на множество групп людей: политиков других партий, коллег из собственной партии и др. Подобная коммуникация, несмотря на её порой сатирический тон, является неэкологичной и содержит в себе ряд лингвотоксичных явлений. Агональный характер политического дискурса детерминирует лингвоэкологические проблемы, такие как конфликтность, вербальная агрессия, проявляющаяся в использовании инвектогенных, вульгаризированных языковых знаков.

Описанные токсичные коммуникативные практики оказывают драматическое негативное влияние на эмоциональное состояние отдельно взятой личности и общества в целом, поскольку исследования отечественных и зарубежных учёных (В.И. Шаховский, В.П. Коровушкин, С.В. Ионова, Н.Н. Панченко, А.А. Штеба, Н.Г. Солодовников, А. Fill, D. Bolinger, S. Eliasson, E. Nâkon Jahr, A. Mathias и др.), а также анализ в рамках данной работы подтверждают факт наличия в современном обществе высокого уровня вербальной агрессии, которая выступает в качестве симптома деградации и обеднения языка и речи.

То есть основной задачей лингвоэкологии становится «выработка стратегии и тактики борьбы с насыщением речи бранной лексикой, в первую очередь – с лексикой, ещё недавно полностью запрещённой» [Жельвис 2001: 9].

Существует и такой взгляд на использование инвективной бранной лексики: одни приписывают вульгаризмам уродование языка и считают, что они должны исчезнуть из общего употребления, другие же, наоборот, представляют их некой изюминкой, придающей речи особенный вкус. Ср.: «Man beschuldigt sie der Verunstaltung einer Sprache. Manche sehen aber in ihnen ein einzigartiges Gewürz, das in kleinen Mengen einer Aussage einen besonderen Geschmack verleiht. Die meisten, die sie nicht verwenden, sind der Meinung, sie sollten aus allen Sprachsystemen verschwinden, vernichtet, ausgerottet werden» [URL: Fus 2018: 182].

В.В. Леонтьев указывает на необходимость постоянного учёта диффузности, размытости границ вежливости / невежливости и грубости / негрубости в речевом поведении коммуникантов [Леонтьев 2014: 258].

Необходимо заметить, что такая лингвотоксичная конструкция способна получать «положительную реакцию, если за сквернословием адресат будет способен увидеть эмоциональное переживание, отношение говорящего, его конструктивные коммуникативные намерения ... взаимные оскорбления в коммуникативной ситуации агрессивного общения являются своеобразным эмоционально-психологическим катарсисом, когда отрицательные переживания не накапливаются в человеке, а получают выход» [Шаховский, Штеба 2013: 11].

В контексте сложно дифференцируемых эмоциональных нюансов, присутствующих в коммуникации, которая наполнена вульгаризмами, важно упомянуть справедливое замечание Т. Джея о необходимости дифференциации понятий *offensiveness* (букв. «оскорбительность») и *offendedness* (букв. «оскорблённость»). В то время как *offensiveness* является изначальным свойством слова, которое можно описать как диффамирующее, оскорбляющее, *offendedness* отражает субъективную реакцию реципиента на оскорбление [Jay 1999: 108].

Наряду с подобной дифференциацией также необходимо упомянуть справедливое замечание Т.П. Ломтева о признании за лингвистическими объектами *абсолютных и реляционных свойств* [Ломтев 1960: 15–16]. То есть речь идёт о выделении *качеств и свойств* предмета. Скомбинировав высказывания специалистов, мы можем заключить: «Качества непосредственно присущи предмету и существуют независимо от ситуации, от контекста, в котором предмет встречается, свойства же зависят от ситуации, наводятся ею (в терминологии В.И. Шаховского)» [Жельвис 2001: 101].

В результате смены контекста оценка значения инвективного вокабуляра может претерпеть изменения самым решительным образом, так как в рамках эмоциональной коммуникации порой происходит противоречивое смещение отрицательного качества и положительного свойства или наоборот.

В отличие от так называемых классических вариантов рассмотрения вульгаризмов, предпринимается попытка осветить их особый функциональный потенциал, который состоит в утрачивании ими в определённых контекстных ситуациях, при содействии определённых экстралингвистических факторов первоначального отрицательного диффамирующего эффекта и перехода в нейтральную или даже мелиоративную категорию слов. Контекст, место, отношения коммуникантов – эти и другие факторы определяют, будет ли высказывание интерпретировано как вульгарное и оскорбительное.

Необходимо принимать во внимание особенности не только эмоциональной доминанты, которая избирается, например, автором сообщения, но и форм конструктивного или деструктивного *эмоционального резонирования*, которое исходит от реципиента. Окончательные прагматические критерии свершившейся диффамации будут определены характером отношений между адресатом и адресантом,

социальными и физическими обстоятельствами. Ср.: «The ultimate offensiveness of words is determined entirely by pragmatic variables such as speaker-listener relationship and social-physical setting, as well as the words used and tone of voice» [URL: Jay 2009: 154].

Выбор такой перспективы оправдан, если проанализировать высказывание В.И. Шаховского: «Эмотивная лингвоэкология исходит из того, что любая коммуникативная ситуация амбивалентна с точки зрения генетических особенностей мышления, а также амбивалентного потенциала семантики и прагматики любого знака» [Шаховский 2013: 15]. Учёный обращает внимание на витальность, подвижность лингвоэкологических явлений и необходимость исследования таких проблем, как «эмотивная амбивалентность, реверсия оценочного знака эмотива, эмотивные приращения семантики, дискурсивность эмоций и пр.» [Шаховский, Штеба 2013: 17].

Флукуативность является одной из основных характеристик эмотивности и включает в себе, в частности, мысль о том, что использование нецензурных, табуированных, сниженных лексических единиц не обязательно обуславливает неэкологичность речи.

Также необходимо заметить, что какой-либо вульгаризм имеет две принципиально разные природы: с одной стороны, вульгарное восклицание или междометие, например, может произноситься на бессознательном рефлекторном уровне, с другой – оно сознательно направлено на собеседника с целью оскорбить его. Таким образом, «инвективу в узком смысле можно определить как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под) группе как резкий или табуированный» [Жельвис, 2001: 9].

А.П. Сковородников указывает на явление детабуизации сквернословия (бранной лексики), при котором «ранее запрещённые традицией и узусом бранные слова начинают употребляться в публичной

речи (в том числе и печатной) беспрепятственно, не подвергаются публичному осуждению» [Сковородников 2017: 56–57].

Идея подобной относительной приемлемости вульгарных слов и выражений отражается в эмпирическом материале нашего исследования, которым послужило произведение писателя Ф. Винклера «Hool», повествующее о немецкой футбольной фанатской субкультуре. Вульгаризмы в проанализированном источнике носят амбиэкологичный характер, т.е. актуализируются для оскорбления и диффамации адресата, но в других контекстах, особенно в сочетании с нейтрально или положительно окрашенными лексемами, эту функцию утрачивают и зачастую переводят всё высказывание в ироничный, шуточный модус. Особенно подвержены таким трансформациям, по мнению М. Гроховски, системные и референциальные вульгаризмы, которые теряют своё изначальное диффамирующее значение в силу того, что они часто используются в разговорной речи [Grochowski 2002].

Приведём один из показательных примеров потери вульгаризмом своего изначального диффамирующего эффекта.

Главный герой романа Хайко – представитель футбольной «хулиганской» субкультуры, когда говорит о своём друге и одновременно «коллеге по цеху» Томеке, использует выражение «slawische Fresse», которое в «обычной» коммуникации имело бы явный отрицательный, даже дискриминирующий характер. Однако внутри данной субкультуры эти негативные проекции нивелируются. Ср.: «...Tomek, der links von Kai sitzt, scrollt mit unbeteiligtem Gesichtsausdruck über sein Handy. Das ist so ein Ostblocking. Diese immer gleiche *slawische Fresse*. Gut oder scheiße gelaunt. Kann man nicht erkennen...» (12).

Первоначально грубое, обценное слово «Fresse» приобретает функцию «дружеского подтрунивания», а также «ассенизации или

очищения слова» (в терминологии В.И. Жельвиса), что освобождает его от запрета на использование в обществе.

При учёте утраты буквального значения вульгарных слов, всё же важно обратить внимание на «диалектичность этого процесса: не исчезнувшая полностью внутренняя форма слова, сохраняя табу-сему, продолжает указывать на его сниженность» [Жельвис 2001: 57].

Не менее привлекательной является и зеркальная перспектива, при которой нейтральные слова и выражения претерпевают смену регистра и переходят в разряд пейоративов.

Интересным представляется явление «цикл эвфемизмов и табу» («Euphemismen-Tabu-Zyklus»), которое подразумевает потерю эвфемизмами смягчающего характера и их вбирание в себя характерных особенностей табуированной лексики. Ср.: «So verlieren Euphemismen mit der Zeit ihren «Ersatzcharakter» und werden selbst tabu, indem sie die volle Bedeutung des Tabuwortes annehmen» [URL: Fus 2018: 189].

Актуальной перспективой для исследования становится амбивалентная характеристика вульгарных слов и выражений. Подобная диффузность и неоднозначность проявляется, в числе прочего, в переходе изначально нейтральных языковых знаков в категорию пейоративных слов.

Организаторы спортивных соревнований (Makkabiade) решили обратить внимание общественности на дискриминирующий фон, создавшийся вокруг понятий «Ische» и «Mischpoke». Слоганы соревнований содержали в себе такие реплики: «Die ganze **Mischpoke** ist am Start»; «Die schnellste **Ische** Europas» (13). Эти слова в немецком языке исторически тесно связаны с антисемитизмом и наделяются уничижительным и дискриминирующим значением: «Ische» – «“Frau”, umgangssprachlich veraltend, oft *abwertend* oder als *diskriminierend* empfunden»; «“*leichtlebige junge Frau*” ist historisch eng mit *antisemitischen Vorstellungen verbunden*. Es wird heute oft als *diskriminierend* empfunden und *sollte deshalb vermieden*

werden» («легкомысленная женщина, любовница»); «Mischpoke» – «“Familie, Verwandtschaft” und “*üble Gesellschaft, Gruppe von unangenehmen Leuten*” ist historisch *eng mit antisemitischen Vorstellungen verbunden*. Es gilt meist als *diskriminierend*» («шайка, криминальная банда») [URL: Ische, Mischpoke].

Согласно словарю «Wortbedeutung.info», слово «Ische» было заимствовано из идиша в конце XVIII – начале XIX века в нейтральном значении «девушка», в 1920-е годы в рамках немецкоязычной коммуникации оно приобретает отрицательную коннотацию – «любовница, легкомысленная женщина».

О данном явлении также пишет немецкий исследователь Р. Штайнке в своей книге «Antisemitismus in der Sprache. Warum es auf die Wortwahl ankommt» («Антисемитизм в языке. Почему многое зависит от выбора слов»): «Viele möchten eine Frau sein. Niemand möchte eine Ische sein» [Steinke 2022: 25].

Р. Штайнке объясняет происхождение слов «Ische» и «Mischpoke», обращаясь к историческим справкам конца XVIII и начала XIX века о том, что воровской жаргон, социолект деклассированных элементов общества Rotwelsch был сформирован по большей части на базе идиша. Это объясняется тем, что люди еврейского происхождения притеснялись и дискриминировались на протяжении многих лет. В силу существования определённых запретов на трудоустройство они были вынуждены скитаться, работая уличными торговцами или пастухами.

На основе рассмотренного материала необходимо сделать вывод о том, что инвективные слова и высказывания, включающие в себя вульгаризированную лексику, представляют собой комплексное явление, обладающее рядом функций.

Просторечная, табуированная лексика и фразеология двулика, поскольку способна, с одной стороны, выступать в роли механизма,

устанавливающего контакт между коммуникантами в определённом сообществе.

С другой стороны, вульгаризмы несут в себе отрицательный энергетический заряд с целью уничтожения визави, понижения его статуса. Таким образом, вербальная агрессия – это лингвотоксичный процесс, нарушающий экологический баланс в коммуникации и приводящий к подрыву здоровья не только языка, но и носителей языка. Проведённый лингвистический анализ показал, что с помощью многочисленных вульгаризмов осуществляется демонстрация собственного превосходства и ненависти по отношению к своим конкурентам и иным группам населения.

В данном разделе помимо вульгаризмов затрагивается тема дискриминирующего языка, поскольку оба явления, выступая в роли лингвотоксичных процессов, так или иначе имеют множество пересечений в различных контекстах в силу родственной природы и схожести конечной цели – оскорбления и унижения собеседника. Следующий раздел сосредоточит внимание на дискриминации различных групп населения по ряду признаков.

2.2. Дискриминирующий язык в прагмасемантическом освещении

Языковая критика, существующая в рамках эколлингвистических исследований, обращается к вопросу политически некорректной речи, которая характеризуется дискриминацией групп населения по различным признакам. Дискриминирующий язык может быть направлен на какие-либо национальности, женщин, представителей сексуальных меньшинств, людей с ограниченными возможностями и т.д.

А. Филл отмечает, что движение политической корректности ратует за идею, согласно которой язык обладает способностью изменять паттерны

мышления, которые в первую очередь связаны с так называемым «белым западным способом мышления». Ср.: «...Die Bewegung glaubt an die Macht der Sprache, Denkmuster zu ändern, vor allem solche, die vom “White western thinking” geprägt sind» [Fill 1993: 115].

Использование грубых вульгарных инвектив «может порой привести к потере лица бранящегося и не произвести желательного эффекта, в то время как намёк на какой-то болезненно переживаемый реальный недостаток (происхождение, сексуальные отклонения, физические недостатки и т.д.) способен вызвать резкую реакцию» [Жельвис 2001: 80].

С целью заявить о своём доминирующем положении инвектант может указывать на «слабые места» своего собеседника или же при отсутствии таковых вменять своему визави мнение о несуществующих недостатках.

В подобных ситуациях, на наш взгляд, можно вести речь о лингвотоксичных процессах, использующих лексические единицы и языковые выражения, которые приобретают в той или иной дискурсивной практике дискриминирующую форму.

В нашей работе мы опираемся на классификацию немецкого специалиста С. Майер-Фиракера, который выделяет следующие формы дискриминации: расизм (*Rassismus*) – система, утверждающая превосходство одной расовой группы над другими; сексизм (*Sexismus*) – негативное отношение или антипатия по отношению к людям определённого пола; эйблизм (*Ableismus*) – тип дискриминации, при котором трудоспособные люди рассматриваются как нормальные и превосходящие людей с инвалидностью, что приводит к предрассудкам в отношении последних; антисемитизм (*Antisemitismus*) – одна из форм национальной нетерпимости, которая выражается во враждебном отношении к евреям как к этнической группе, и др. [URL: Sprache und Diskriminierung].

М. Грауманн и К.Ф. Винтермантел, характеризуя дискриминацию и её природу, отмечают, что дискриминация является неравным отношением к людям на категориальном уровне, невзирая на их личностные характеристики и достижения. Ср.: «Ungleichbehandlung von Personen auf kategorialer Basis, also in der Regel ohne Berücksichtigung individueller Eigenschaften oder Verdienste ... so, dass Personen ihrer (tatsächlichen oder vermeintlichen) Gruppen- oder Klassenzugehörigkeit unterschiedlich behandelt werden» [Graumann, Wintermantel 2007: 147].

На сегодняшний день в фокусе внимания находятся слова и выражения, направленные на дискриминацию женщин, – сексизмы, зачастую затрагивающие табуированные в обществе темы.

Приветственная речь депутата баварского ландтага К. Штайнера, адресованная участницам фестиваля «Königinnentag», прозвучала неуместно в силу своего сексистского дискриминирующего характера: *«Erscheinen Sie einfach im Bikini oder im String, dann wird das kühl, die meisten werden ja so ausgestattet sein»* (14).

В рамках политического дискурса стоит обратить внимание на недавнее высказывание мэра Франкфурта-на-Майне П. Фельдмана, адресованное стюардессе, которое взбудоражило немецкое общество и было охарактеризовано как сексистское. Ср.: *«Die Flugbegleiterin hat mich hormonell am Anfang erstmal außer Gefecht gesetzt»* (15).

Такие сексизмы, с одной стороны, могут вызвать неоднозначную реакцию, поскольку зачастую обладают эвфемизированной формой, с другой – конфликты и вербальную агрессию на почве дискриминации по половой принадлежности.

Выделенные С. Майер-Фиракером четыре типа дискриминации и особенности их языкового выражения рассматриваются нами в немецком спортивном (футбольном) дискурсе. Интерес к данному дискурсу обусловлен тем, что «спорт, как всякое значимое социокультурное явление,

получает своё отражение в коммуникативной деятельности человека. Как всякая коммуникация, он имеет свою вербальную составляющую, реализуемую в семиотическом пространстве» [Белютин 2019: 15–16].

Основой исследования является материал, представленный на немецкоязычном интернет-портале «Sprach-Kick», который через формат «Realitäts-check» в эксплицитном или имплицитном модусе указывает на проблемы дискриминации (в том числе языковой) в спорте и предлагает возможные пути решения этой проблемы.

Среди базовых типов дискриминации можно выделить:

1) дискриминацию по этническому и религиозному признакам (расизм, антисемитизм, антицыганизм): высказывание «*In unserem Team spielen keine Deutschen mehr, sondern nur noch Moslems*» указывает на проблему миграционного кризиса и перенаселённости Германии арабами, а также нехватку футбольных игроков именно немецкой национальности (16);

2) дискриминацию по половой принадлежности и сексуальной ориентации (сексизм, гомофобия и др.): «*Für Frauen haben die echt ganz gut gespielt*»; «*Was für ein schwuler Pass!*». Данные высказывания подчёркивают принадлежность игроков к женскому полу с целью оценки недостаточно хороших способностей данного гендера (16);

3) дискриминацию по возрастному признаку и людей с ограниченными возможностями (эйблизм, эйджизм, адультизм): словосочетание «*An den Rollstuhl gefesselt*» эксплицитно подтверждает недееспособность человека, буквально его «прикованность к инвалидной коляске» (16);

4) дискриминацию по социальному статусу (классовая дискриминация): объявление «Билеты для социально слабых людей» («*Tickets für sozial schwache Menschen*») в явной форме подчёркивает принадлежность реципиента к низшему слою населения (16).

Дискриминирующий характер вышеперечисленных фраз может быть нивелирован при помощи альтернативных фраз, способных снизить уровень напряжения в коммуникации.

Так, например, лингвотоксичная конструкция «In unserem Team spielen keine Deutschen mehr, sondern nur noch Moslems» заменяется следующей фразой, дающей информацию об особенностях религиозной традиции спортсмена: «*Es sind anspruchsvolle Wochen für Spieler XY, da er praktizierender Moslem ist und derzeit den Ramadan begeht*» (16).

«Für Frauen haben die echt ganz gut gespielt», «Was für ein schwuler Pass!» заменяются на нейтральную фразу, не подчёркивающую гендерную принадлежность игроков: «*Die haben echt gut gespielt*», а также на экспрессивное, однако не дискриминирующее предложение: «*Boah, was für ein mieses Zuspiel*» (16);

Обидная фраза «An den Rollstuhl gefesselt» может быть заменена на высказывание, учитывающее физические возможности человека не с целью его дискриминации, а для того, чтобы в случае необходимости помочь ему: «*Rollstuhlnutzer*in, Person X sitzt im oder nutzt den Rollstuhl, fährt Rollstuhl, ist auf den Rollstuhl angewiesen oder im Rollstuhl unterwegs*» (16).

Выражение «Tickets für sozial schwache Menschen» может быть переформулировано следующим образом: «*Tickets für Menschen mit geringem Einkommen / einem Einkommen unter der Armutsgrenze*» (16).

В современном немецкоговорящем обществе наибольшую тревожность вызывает тенденция усиления вербальной агрессии, выражающейся в числе прочего в дискриминирующих словах и высказываниях по отношению к беженцам. Языковая практика неминуемо испытывает на себе влияние ряда экстралингвистических факторов: миграционных кризисов, увеличения числа вынужденных переселенцев (Flüchtling).

Е.О. Зубарева справедливо замечает: «Миграция влияет на все сферы человеческой деятельности и является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии» [Зубарева 2019: 35]. В результате происходит размежевание на «свой / чужой» (по Р. Сапольски), повышается уровень ксенофобии и мигрантофобии.

Несмотря на расслоение населения страны, в то же самое время происходит слияние представителей ряда национальностей, о котором пишет немецкий исследователь Й. Шарлот в своей книге «*Hässliche Wörter. Hatespeech als Prinzip der neuen Rechten*». Результаты анализа правопопулистской риторики в Германии, по мнению учёного, явно демонстрируют наличие проблемы, связанной с перенаселением страны беженцами: «*Deutschland liegt in Eurabien*». Слово «*Eurabien*» (Europa und Arabien) имплицитно демонстрирует смешение двух миров, европейского и арабского, в частности перенаселённость Европы представителями арабских государств. Автор приводит обширную классификацию нелитературной лексики и шуток на тему миграции: «*Deutschland ist Jedermannsland*» («Германия для всех»), «*Asylwonderland*» («мечта для беженцев»), «*MultiKultiZuckerbäckerland*» («мультикультурная кондитерская страна») и др. (17).

Проблемы, связанные с миграционными процессами, все чаще исследуются с лингвистической точки зрения. Т. Штель считает, что основной задачей миграционной лингвистики является изучение языковых и социолингвистических аспектов миграционных процессов, которые в последующем можно наблюдать в ситуациях трансфера культуры и языкового контакта [URL: Stehl].

Объектом миграционной лингвистики является миграционный дискурс, одним из базовых концептов которого выступает концепт «*Flüchtling*». Изучению этого концепта уделяют внимание многие учёные: Е.О. Зубарева, Т.А. van Dijk (рассмотрение миграции как феномена,

влияющего практически на все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную); М.А. Марусенко (миграция в эпоху глобализации, постмодерна и изменения системы языков); М. Чоллек (идея намеренной «дезинтеграции мигрантов в рамках мультикультурного общества с целью сохранения собственной идентичности»); М. Амджахид (формирование «антирасистского мышления» в немецком обществе); А. Матиас (рассмотрение концепта «беженец» в песенном дискурсе); J. Scharloth (использование правопопулистами *hatespeech* с целью демонстрации миграционного кризиса в немецком обществе), Т. Штель, Е. Крефельд, Н. Маас, Л. Третов (возникновение «гибридных языковых идентичностей» и формы их существования в немецком языке) и др.

Приведём пример дискриминации по расовому признаку, которая демонстрирует «враждебную коммуникацию» («*Ressentimentkommunikation*»), в терминологии П. Брунсена [URL: *Wie viel Antisemitismus*]. Сопредседатель фракции АдГ («Альтернатива для Германии») А. Гауланд высказался следующим образом по отношению к темнокожему игроку сборной Германии по футболу Ж. Боатенгу (он является бывшим игроком сборной Германии по футболу): «*Die Leute finden ihn als Fußballspieler gut. Aber sie wollen einen Boateng nicht als Nachbarn haben*» («Люди считают его хорошим футбольным игроком, но не хотели бы, чтобы он был их соседом») (18).

Данное высказывание, с одной стороны, подчёркивает значительные профессиональные результаты Ж. Боатенга, с другой – снабжено отрицательной тональностью и указывает на национальную принадлежность футболиста, «не приветствуемую» в обществе.

Дискриминирующие тенденции в немецкоязычной коммуникации часто фиксируются в рамках миграционного дискурса. На данный момент ФРГ по-прежнему остается наиболее привлекательной страной для

мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и др. По этой причине немецкое общество находится в крайне напряжённом состоянии, что является катализатором к тематизации запретов и табу на дискриминацию людей по национальному признаку.

Тема национальной принадлежности также была затронута немецким канцлером О. Шольцем, который выступал на съезде протестантских церквей Германии в Нюрнберге. Речь политика была встречена возмущением и критикой со стороны немецкого общества, а также журналистов, поскольку содержала в себе неуместную дискриминирующую шутку, указывающую на миграционный кризис и бедственное положение беженцев, вынужденных пересекать Средиземное море для достижения своей цели: *«Ich habe schon den Witz beim Europäischen Rat gemacht: Deutschland muss einen großen Strand am Mittelmeer haben. Denn tatsächlich kommen mehr Flüchtlinge, die über das Mittelmeer nach Europa kommen, in Deutschland an als in den Mittelmeer-Anrainerländern im Einzelnen»* (19).

Канцлер выступил с поддержкой новых правил миграционной политики и иронично заметил, что Германии следует уже иметь свой собственный пляж на берегу Средиземного моря, поскольку именно в Германию прибывает намного больше беженцев, нежели в другие страны.

Участники карнавальных шествий в городе Бад-Шандау совершили акцию под названием *«Blackfacing»*, раскрасив свои лица в чёрный цвет и держа транспаранты с надписью: *«Die lange Schlange aus der Savanne»* («длинная очередь из Саванны»), указывая тем самым на чёрный цвет кожи вновь прибывших в страну мигрантов (20).

Подобные действия были обозначены местными политиками как «расистская провокация» (*«menschenfeindliche Provokation»*) и полное неуважение к представителям других национальностей (20).

Ранее в рамках карнавальных шествий местные жители нарядились в типичные национальные костюмы жителей африканских стран,

вооружившись транспарантами с надписью: «*Asylranch*» (20), имплицитно указывая на статус Германии как страны, являющейся убежищем для огромного миграционного потока.

Один из бывших студентов полицейской академии, который принял решение о прекращении своего обучения, поскольку ему часто приходилось сталкиваться с расистскими высказываниями по отношению к беженцам, исходившими от преподавателей, также привёл в пример следующую цитату: «*Wir müssen schießen lernen, weil so viele Flüchtlinge nach Deutschland kommen*» (21).

Бывший студент упоминает тайный коллегиальный чат «Die Elite», содержащий националистические короткие речёвки: «*Wir sind aus Cottbus, und nicht aus Ghana, wir hassen alle ... Afrikaner, Ole Ole*»; «*Musste zwei Mettbrötchen essen und 3 große Pils trinken, um zu beweisen, dass ich kein Moslem bin*» (21).

Работники полиции в эксплицитной форме демонстрируют нетерпимость к беженцам африканского происхождения и подчёркивают свою принадлежность к немецкой национальности, что доказывает существование в немецком обществе антагонизма различных культур.

В фокусе нашего внимания также находятся метафорические репрезентации миграционного дискурса. Наш интерес обусловлен тем, что миграционные процессы находят своё отражение в языке, во многих сферах коммуникации.

Социальное взаимодействие, коммуникация порой немислимы без «одного из главных рычагов сознания» – метафоры. В.В. Новичкова подчёркивает идею о том, что метафора выступает в роли одного из наиболее действенных механизмов познания многих концептов [Новичкова 1992: 2].

В силу того, что метафора является «рычагом сознания», «орудием мышления», носителю языка удаётся познать более глубокие смыслы и

значения слов и выражений, так как человек «думает, говорит и действует в рамках метафор» [Lakoff, Wehling 2009: 214]. «Метафора является наиболее точным “выстрелом”, воздействие которого намного сильнее воздействия простой речи» [Почепцов 2001: 78].

Некоторые метафоры могут быть дискредитирующими, унижающими и рассматриваются как часть вербальной агрессии. Неуместность способствует не только созданию дополнительных сложностей в коммуникативном процессе, но и нарушению «здоровья» языка. Подобная проблематика также входит в перечень направлений лингвоэкологии.

Так, концепт «беженец» («*Flüchtling*»), выступая в роли одного их ключевых концептов немецкого миграционного дискурса, становится основой для формирования метафорических моделей. Областью-донором для подобных моделей становится экологическая сфера. Выявленные метафоры могут быть сгруппированы в следующие метафорические блоки:

– медицина и болезни («*Fremde Völker hausen hier wie die schwarze Pest*» и др.) (22); («*Flüchtlings-, Massenzuwanderungspest*», «*Multipest-Träger*», «*Tollwuthorde*», «*Anti-Deutschland-Virus*», «*Selbstabschaffungsvirus*», «*Selbstzerstörungsvirus*», «*Dritte-Welt und Invasoren-Zombies*» и др.) (17);

– фауна («*Halts Maul, Kamel-treiber*»; «*Sau-Ausländer*») (23);

– вода («*Flüchtlingsströme*», «*Flüchtlingswelle*») (24);

– природные явления («*Lawinen kann man auslösen, wenn irgendein etwas unvorsichtiger Skifahrer an den Hang geht und ein bisschen Schnee bewegt*») (25);

– зависимости и психические расстройства у принимающей нескончаемые потоки мигрантов стороны («*Toleranzsucht*», «*Alle-sind-gleich-Wahn*», «*Flüchtlings-Willkommen-Wahn*», «*Schuldkulturwahn*» и др.) (17).

Вышеперечисленные примеры метафор демонстрируют явную негативную оценочность, «формирующую неблагоприятное впечатление о миграционных процессах и вынужденных мигрантах» [URL: Wieso Wörter]. Как справедливо замечает А. Матиас: «подобные метафоры дегуманизируют данную социальную группу» [Mathias, 2015].

Вслед за Ю.А. Сорокиным уместно подчеркнуть, что определённые слова или выражения представляют собой некий конденсат индивидуальных и коллективных оценок, которые, хранясь в памяти отдельного индивида или общества в целом, способны выступать в роли триггеров для данного общества [Сорокин, 1988, 8].

Концепт «Flüchtling» реализуется в немецком языке в числе прочего через призму высказываний с «юмористической тональностью» (по В.И. Карасику), в которых в основном фиксируется дискриминирующее отношение к вынужденным мигрантам.

Следующее шутовское высказывание оформлено с помощью ресурсов юмористического дискурса и имплицитно указывает на бедственное положение беженцев при их вынужденном переселении: «*Wieso hat Syrien keine Olympia Mannschaft? – Weil beste Schwimmer und Läufer in Europa sind*» (26).

В данном примере через обращение к спортивной тематике приводится в действие механизм «семантической конфронтации» (по В.Е. Чернявской) за счёт помещения в один контекст слов «Schwimmer» и «Läufer», значения которых переносятся из концептосферы «олимпийские спортивные дисциплины» (плавание, бег) в политический нарратив (вынужденные мигранты из Сирии, перед которыми стоит экзистенциальный вопрос спасения своей жизни и перемещения в благополучный, по их мнению, регион).

Аналогичная ирония реализуется при помощи спортивной метафоры, которая создается использованием отдельных лексем «Tor» «Pass»: «*Warum machen Flüchtlinge keine Tore? Weil sie keinen Pass bekommen*» (26).

Миграция – это опасный для жизни процесс, поскольку люди, вынужденно покидающие свою Родину, теряют деньги, имущество и порой жизнь: «*Mir steht das Wasser bis zum Hals. Mohammed, 22, Flüchtling*»; «*Wer nimmt die meisten Flüchtlinge auf? Das Mittelmeer*»; «*Mein Humor ist wie ein Flüchtling kommt nicht immer gut an*»; «*Wie bekommt man 1.000 Follower in kurzer Zeit? Mit einer Wasserflasche durch Afrika laufen*» (26).

Идиоматическое выражение «sich in Grenzen halten» («держаться в рамках приличия») также имплицитно подчёркивает безвыходное положение беженцев: «*Gibt es einen Unterschied zwischen einem Flüchtling einem schlechten Witz? Der schlechte Witz kann sich in Grenzen halten!*» (26).

Смешение спортивного и политического дискурсов можно наблюдать в другом примере.

После победы сборной Германии на Чемпионате Европы 2024 по футболу в игре против команды Венгрии немецкий политик К. Дагмар Гёринг-Эккардт опубликовала на одной из социальных платформ следующее высказывание: «*Diese Mannschaft ist wirklich großartig. Stellt euch kurz vor, da wären nur weiße deutsche Spieler*» («Эта команда действительно превосходна. Только представьте себе, если бы в ней играли только белые немецкие игроки») (27).

Ещё одним ярким примером дискриминации по национальному признаку является событие, связанное с недавним скандалом, разгоревшимся на одной из дискотек немецкого острова Зильт.

Музыкальный трек «L'amour toujours», принадлежащий исполнителю Gigi D'Agostinos, был видоизменён путём инкорпорирования в него высказывания «*Deutschland den Deutschen. Ausländer raus*» (букв. «Германия только для немцев. Иностранцы, убирайтесь прочь»).

Аналогичные ситуации произошли одновременно в других городах Германии, что вызвало мощный резонанс со стороны немецкого населения, журналистов, политиков и др. и было воспринято общественностью как недопустимое расистское явление, оскорбляющее людей с миграционным прошлым (28).

Интерес для дальнейшего исследования дискриминирующей языковой практики представляет зеркальное явление, известное как «обратная дискриминация».

Следующий пример отражает суть этого феномена. Немецкая железнодорожная компания «Deutsche Bahn» запустила в знак поддержки открытого, толерантного общества и людей с нетрадиционной ориентацией поезд, окрашенный в цвета радуги. Многие представители общества были не просто возмущены подобной акцией, но даже заявили о том, что теперь они, люди традиционных взглядов, чувствуют себя уязвленными и дискриминированными.

Один из пользователей Твиттера опубликовал следующий пост: *«Das ist nämlich eine Diskriminierung von Heterosexuellen und ich weigere mich, diesen Zug zu benutzen»*. Железнодорожная компания отреагировала на этот твит коротко и сухо: *«Laufen soll sehr gesund sein. Viel Vergnügen!»* (29).

Вышеупомянутый пример носит на данный момент скорее сатирический характер. Проблема дискриминации всё ещё является сложным и дискуссионным вопросом.

Лингвистам, и в частности лингвоэкологам, приходится сталкиваться с вопросами морали. Так, популярная книга А. Стефановича «Вопрос морали. Почему нам нужно использовать политически корректный язык» («Eine Frage der Moral: Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen») повествует о политической корректности, означающей активное противодействие использованию дискриминирующей языковой практики. А. Стефанович призывает к выбору таких языковых форм в речи по

отношению к другим людям, которые говорящий счёл бы приемлемыми для себя самого. По его мнению, необходимо избегать излишних обобщений и сравнений [Stefanowitsch 2018].

Подводя итог, отметим, что исследование лингвоэкологического дискурса содержит в себе мощнейший потенциал для изучения языковых проблем, которые неизбежно отражаются и будут отражаться на обществе. Мы вслед за иностранными коллегами работаем в данном исследовательском поле, выступаем за здоровую толерантность («*Gesunde Toleranz*»). Смысл её сводится к тому, чтобы, с одной стороны, участники коммуникации взвешенно и скрупулёзно подбирали слова, предложения, фразы, с другой – старались правильно интерпретировать речевое поведение других и не провоцировать конфликтогенные ситуации.

2.3. Коммуникация двойного сообщения

Осознание факта существования определённых эффектов у любого высказывания зиждется на «прагматике говорящего (инициальная интенция) и прагматике слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения ... с целью их оптимизации необходимо включение такого механизма, как эмоциональный тьюнинг» [Шаховский, Солодовникова 2013: 25]. Неконгруэнтная прагматика может являться причиной возникновения когнитивного или эмоционального диссонанса и, как следствие, неуспешности коммуникации.

Одним из примеров неуспешности коммуникативного события является феномен «двойного сообщения» (*double bind*), который, по нашим первоначальным наблюдениям, является лингвотоксичным.

Феномен *double bind* («двойное сообщение» «двойная ловушка») первоначально начал исследоваться в рамках психологии и психиатрии (Г. Бейтсон, П. Вацлавик, S. Shoham и др.), но в последующем привлёк

внимание учёных из других научных сфер: маркетинга (Н. Бариле и др.), политики (С.П. Поцелуев, S. Grigat, F. Unger и др.), менеджмента (С.А. Тихомиров, С. Rodriguez, D. Pérez, A. Kutz, R. Shah, и др.).

Данный лингвотоксичный феномен также представляет интерес для лингвистического сообщества, поскольку он сопровождается рядом лингвистических и паралингвистических маркеров, имеющих дестабилизирующий характер не только для «здоровья» языка, но и здоровья человека.

Феномен *double bind* описывает «коммуникативную ситуацию, в которой адресат получает от адресанта взаимно противоречащие указания, принадлежащие к разным уровням коммуникации и основанные на так называемом “многоуровневом противоречии”» [Тихомиров, 2013, 18]. Этот коммуникативный паттерн выступает в роли непростой ситуации, в которой существует две возможности выбора, однако каждый из выборов может привести к плохому результату ... выйти из подобной ситуации коммуникант не может, так как находится в подчинённом положении [Майер 2012: 44].

Немецкий исследователь Х. Айхер подчёркивает, что в любой конфликтной ситуации собеседнику, на которого осуществляется определённое давление, необходимо иметь некий запасной выход, позволяющий избежать эскалации конфликта. Ср.: «Bei jedem ernsthaften Konflikt trägt eine angebotene Hintertür für den Konfliktgegner wesentlich dazu bei, dass die Situation nicht eskalieren kann» [Eicher 2018: 105].

Жёсткие рамки парадоксальной и противоречащей здравому смыслу коммуникации двойного сообщения закрепощают адресата, отнимают у него способность принимать какое-либо адекватное решение [Антух 2020: 18]. Указанный феномен дестабилизирует устоявшиеся социальные институты, а также разрушает «традиционные поведенческие паттерны» [Куликова, Акай, Тедеева 2022: 23].

М. Шварц-Фризель справедливо замечает, что *токсичные языковые структуры* оказывают серьёзное влияние на психику человека. Ср.: «... gravierende Auswirkungen auch für die psychische Realität haben» [Schwarz-Friesel 2022: 16].

Последствия, формирующиеся в результате использования подобных структур, являются губительными и порой опасными для жизни. Среди возможных последствий дестабилизирующей double bind коммуникации специалисты А. Кутц, Х. Айхер и др. отмечают: 1) истощение организма, потеря ориентации в пространстве, появление страха и агрессии; 2) невроз, депрессия, различные зависимости; 3) аллергии, астма, заболевания кожи и щитовидной железы, бессонница; 4) неэффективная работа сотрудников и всей компании в целом, конфликты внутри коллектива; 5) лишний вес и диабет; 6) синдром эмоционального выгорания; 7) истощение иммунной системы и подверженность множеству вирусных заболеваний и т.д.

Человеческий мозг вырабатывает кортизол, гормон стресса, в результате постоянного стресса, вызванного деструктивной коммуникацией, которая наполнена вербальными атаками и циничными замечаниями, истощающими человеческую нервную систему [Eicher 2018: 24].

В настоящее время ощущается нехватка лингвистических работ, анализирующих особенности функционирования двойных сообщений. Поэтому настоящее исследование ставит перед собой задачу изучить отличительные черты паттерна «двойного послания» с точки зрения языковых маркеров, которые его детерминируют. Анализ феномена осуществляется на примере трёх дискурсивных практик: коммуникации между лицами, состоящими в любовных отношениях, корпоративного общения (начальник и подчинённый), коммуникации между родителями и детьми.

Сфера делового общения порой токсична в силу «нарушения основополагающих принципов и норм профессиональной этики» [Глущенко, Гришанин, Кириллина, 2021, 164].

В настоящий момент корпоративному миру, претерпевающему стремительные изменения и вбирающему в себя новые взгляды на будущее, требуется развитие новых перспектив и концепций в сфере, которая касается стиля руководства. Подобный запрос объясняется существованием такого акронима, как VUCA-Arbeitswelt – Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity (профессиональный мир, характеризующийся непостоянством, неуверенностью, сложностью и неопределённостью) [Franken 2021: 221].

К наиболее востребованным компетенциям относятся: эмпатия, способность к кооперации и работе в команде, ориентация на построение доверительных отношений в коллективе, креативность и открытость всему новому [Ibid.: 222].

Исследование, проведенное Рурским университетом в Бохуме, показало, что среди 3500 опрошенных работников немецких предприятий только 20% показали достаточный уровень удовлетворённости своим руководством, в то время как 56% были им недовольны [Kuhn, Weibler 2020].

Одной из основных причин недовольства является токсичный стиль руководства, характеризующийся философией «Win-or-die», сопряжённой с такими характеристиками, как высокомерие, эгоизм, пренебрежение интересами подчинённых, непредсказуемость, nepотизм, нежелание вступать в открытую коммуникацию и предоставлять прозрачную информацию по тем или иным вопросам [Schwuchow 2021: 24–26].

Интересно отметить такой статистический факт: в 2019 году были проведены опросы среди работников различных немецких компаний, которые показали, что почти 67 тысяч работников вынуждены были раньше

уйти на пенсию в результате того, что страдали психическими заболеваниями, вызванными большим количеством стрессовых ситуаций на рабочем месте и токсичными условиями труда [Geramanis, Hutmacher, Walser 2021: 22].

К основным профессиональным заболеваниям XXI века относятся не пневмокониоз или асбестоз, а вызванные стрессом психические болезни. Несмотря на наличие подобной тенденции, на предприятиях всё же основное внимание уделяется «физической целостности и неприкосновенности» [Ibid.].

Подобная статистика заставляет задуматься о роли руководства предприятий, поскольку одной из основных ключевых способностей профессионального деятеля являются контроль окружающей его действительности [Голованова 2008], а также в какой-то степени коррекция картины мира его визави [Иссерс 2021]. Это означает, что руководитель выполняет роль не только начальника, но и партнёра, стимулирующего интеллектуальную и эмоциональную деятельность работников («intellektuelles und emotionales Engagement») [Geramanis, Hutmacher, Walser 2021: 23].

Однако если коммуникативные тактики и стратегии управленца могут быть охарактеризованы как токсичные, то моральный климат в коллективе неизбежно оказывается под деструктивным влиянием, и, как следствие возникает так называемая «асимметричная коммуникация» [Ионова 2021: 6].

Таким образом, наряду с таким явлением, как асимметричность коммуникации, рождается так называемый «горизонтальный моббинг» или «боссинг» («horizontales Mobbing», «Bossing») (в терминологии Х. Айхера), «включающий в себя ряд деструктивных действий по отношению к подчинённым» [Eicher 2018: 149].

Следующие примеры противоречивых распоряжений или приказов содержатся в ситуациях презентации новой продукции, участия работников компании в проекте, делегирования различных задач, привлечения внешнего консультанта и т.д. в рамках работы конкретного предприятия:

*«Sie müssen mit Blick auf das neue Produkt proaktiv Kundenkontakte aufnehmen ... die Kunden für dieses Produkt gewinnen ... **aber auf keinen Fall dürfen Sie über das noch geheime Produkt irgendwelche Informationen herausgeben**» (30).*

В данной коммуникативной ситуации double bind профилируется следующим образом: при условии сохранения полной конфиденциальности информации о новом продукте руководитель фирмы настаивает на рекламировании данного товара. Однако одновременно инструктирует сотрудников, реализующих проект, не распространять всё ещё секретную информацию о нём. Основными маркерами «двойной ловушки» являются противительный союз «aber»; модальный глагол «dürfen», а также словосочетание «auf keinen Fall», выражающие запрет. Иллокутивная сила вышеприведённых высказываний придают распоряжению начальника директивную окраску.

*«Sie müssen der Runde klar machen, dass wir unter diesen Bedingungen die geforderte Geldsumme nicht aufbringen können, und deswegen aus dem Projekt zum Jahresende aussteigen müssen. **Auf keinen Fall darf aber der schwarze Peter zu uns geschoben werden, wenn wegen dieses Ausstiegs das gesamte Projekt "den Bach runtergeht"**» (30).*

Руководство компании на данный момент немерено выйти из проекта, поскольку не способно совершить необходимую инвестицию в него. Одновременно союз «aber», словосочетание «auf keinen Fall», а также модальный глагол «dürfen» с отрицанием в эксплицитной форме накладывают запрет на критику подобного решения в случае провала

проекта. Таким образом осуществляется попытка снять с себя ответственность за совершаемые действия.

«Wieso haben Sie das nicht anders entschieden? Man kann Sie aber auch nichts machen lassen! Wieso maßen Sie sich an, das zu entscheiden? Wie kommen Sie auf die verrückte Idee, dass Sie das zu entscheiden hätten?» (30).

Данный пример демонстрирует так называемое токсичное ампутированное делегирование задач («лживое ограничение»), характеризующееся наличием двух взаимоисключающих сообщений в речи начальника: первое сообщение стимулировало работника к самостоятельному принятию решений, второе сообщение отменяло ранее сказанное [Ibid.].

«Dieses Projekt muss heute fertig werden. Aber Sie müssen sorgfältig arbeiten, wir können uns keine Fehler erlauben!» (31).

Распоряжение руководства, содержащее в себе противительный союз «aber» и словосочетание «keine Fehler», имплицитно подразумевает возможность наказания сотрудников в случае возникновения ошибок или невыполнения работы в заявленные сроки. Данная ситуация сопровождается жёстким цейтнотом и стрессом.

«Helfen Sie uns beim Abstellen unserer Missstände!», «Aber Sie dürfen auf keinen Fall etwas verändern!»(30).

При привлечении «внешнего консультанта» с целью оптимизации работы компании принимается парадоксальное распоряжение устранить имеющиеся пробелы, не изменяя целостную систему. Подобное сообщение сопровождается рядом невербальных сигналов, паралингвистических средств в виде агрессивной интонации и жестов, что несёт в себе ещё большее психологическое давление.

Исследуемый феномен также встраивается в коммуникативные ситуации в рамках любовных отношений. Х. Айхер указывает на «ошеломительную» силу слова в сфере любви и его способность не только

транспортировать информацию из точки А в точку Б, но оставлять глубокие следы в эмоциональной памяти человека [Eicher 2018: 31-32].

Приведённые примеры из дискурса любовных отношений включают в себе парадоксальные высказывания:

«Sicher kannst du heute Abend mit deinen Freunden weggehen, du bist ein freier Mensch!» (31).

Высказывание, сопровождающееся интонационной модальностью в виде обиды и упрёка со стороны женщины по отношению к своему супругу, вызывает недоумение и провоцирует конфликтную ситуацию. Стоит ли мужчине реализовать построенные планы или остаться дома – для мужа расшифровка двойного сообщения становится тяжело выполнимой задачей.

«Komm zu mir her, lass mich *aber* in Ruhe» (32).

Противительный союз «aber», а также негативное предписание, включенное в данное высказывание, ставят получателя сообщения в тупик и не оставляют ему выбора в принятии решения. Реципиент незаметно превращается в жертву, не способную избежать конфликта или наказания за неисполнение приказа. Подобная коммуникация является примером так называемых пограничных отношений, рождающих бессилие и растерянность.

«Du musst mich beim heutigen Arztbesuch nicht begleiten, du hast auf der Arbeit genug zu erledigen» (32).

Данное сообщение, содержащее повелительное наклонение и модальный глагол «müssen», а также сопровождающееся обиженным тоном, способствует появлению у собеседника недоумения и чувства недосказанности.

Обратимся к дискурсу «отцов и детей», в рамках которого дети, находясь в зависимости от родителей, могут получить психологическую травму, поскольку вынуждены сталкиваться с парадоксальными, двойственными сообщениями [URL: Falle Double Bind]:

«Willst du mir nicht "hallo" sagen? ... Jetzt brauchst du auch nicht mehr kommen» (31).

Когда мать забирает ребёнка из детского сада, то обнаруживает, что тот занят своими делами и ещё не заметил прихода мамы. Далее следует высказывание матери («Ты что не хочешь поздороваться со мной? ... Ну что ж, тогда, не нужно ко мне подходить»), демонстрирующее её желание, с одной стороны, привлечь к себе внимание, с другой – отвергнуть детские объятия. Ребёнок получает от близкого человека, а также авторитетной личности два противоречащих друг другу высказывания и не способен уточнить, на какое из них ему нужно реагировать. Первая часть сообщения инициирующая общение, свидетельствует о готовности к взаимодействию. Вторая часть содержит конструкцию «brauchen + nicht + Infinitiv», отрицание и повелительное наклонение, которые аннулируют смысл предыдущего призыва.

«Mir macht das auch keinen Spaß, aber weil ich dich liebe / du mich dazu zwingst, muss ich dich bestrafen» (31).

Ребёнок находится в зависимом, подчинённом положении в рамках его отношений с родителем, который, пользуясь подобным положением дел, позволяет себе сложное противоречивое высказывание: «Конечно, мне неприятно это делать, но, я из любви к тебе / раз уж ты меня вынуждаешь, должен тебя наказать». Маркеры в виде противительного союза «aber», директивный тон лишают ребёнка права принять самостоятельное решение в сложившейся ситуации. Также ребёнок, склонный доверять кажущейся логичной на первый взгляд аргументации взрослого, не способен оказать сопротивления.

Большинство из приведённых примеров включают в себя противительный союз «aber», рождающий противостояние в коммуникации. Исследователь Х. Айхер даже вводит отдельный термин «люди "да, но"» («Ja, aber Mensch»). Такие люди склонны использовать

союз «aber» в каждой дискуссии, имплицитно кодируя в своём высказывании смысл: «Я знаю это лучше, чем ты» [Eicher 2018: 86].

Противительный союз «aber», зачастую присутствующий в рамках корпоративной коммуникации, в беседе между начальником и подчинённым, разделяет вводное позитивное (подбадривающее) высказывание начальника и последующее негативное выражение. Сказанные в первую очередь подбадривающие слова являются своеобразным прологом к критике и создают, таким образом, платформу для выработки гормонов стресса в мозгу реципиента. Ср. «Die anerkennenden Worte sind der Vorspann zur anschließenden Kritik. Daher werden sie nur mit einem halben Ohr wahrgenommen, weil im Gehirn bereits eine Erwartungsspannung aufgebaut wurde. Und zwar im Hinblick auf das, was folgen wird – die Kritik. Auch wenn diese vorsichtig und ohne Wertungsabsicht formuliert wird, setzt sie Stresshormone frei» [Eicher 2018: 142].

Лингвистические маркеры в виде агрессивных директив, императивных высказываний, включающих модальные глаголы (wollen, müssen, dürfen, sollen, brauchen + nicht + zu и др.) подкрепляются рядом паралингвистических средств, совершая порой психологическое насилие над собеседником. Скрытые упрёки, обиды и агрессия, закодированные в мимике, жестах и тембре голоса, помещают визави в манипулятивную ловушку.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что с двуликими сообщениями, противоречащими правилам этики и принципам экологичной коммуникации, можно столкнуться в различных сферах жизни – в корпоративной сфере, семейных отношениях и т.д.

Феномен double bind, имея неэкологичный (токсичный) характер, относится к лингвоэкологическим проблемам и нуждается в дальнейшем исследовании.

2.4. Опасность гендерного расслоения языка

В число основных атрибутов лингвоэкологических исследований входят *критика языка* и *забота о языке*. В данном разделе речь пойдёт о *феминистской критике языка*, которая зиждется на относительно новом направлении – феминистической лингвистике и гендерных исследованиях (Gender Studies). «Как социокультурный феномен гендер конструируется в процессе речевой деятельности общества: гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная идентификация манифестируются в языке и с его помощью» [Андреева 2023: 5].

Немецкое общество сталкивается с проблемой возникновения в языке сексизмов, дискриминирующего языка. Сексизмы, являясь разновидностью дискриминации по половому признаку, рождаются из гендерных стереотипов. Ср.: «Als Folge der Geschlechterstereotype kann Sexismus als aktive Diskriminierung aufgrund des Geschlechts zustande kommen» [Franken 2021: 217]. Такой вид дискриминации выступает в роли активного действия и может привести к значительным последствиям. Ср.: «...Sexismus ist eine Handlung, die gravierende Konsequenzen haben kann» [Ibid.].

С. Майер-Фиракер предлагает «вмешаться» в подобный дискриминирующий язык («*Interventionsmöglichkeit*»), используя гендерно-нейтральный язык (*Geschlechtergerechte Sprache*), в основе которого лежит принцип справедливого отношения к каждому из полов [Payr 2021: 162].

Данная тема вызывает огромный резонанс в немецкоязычном обществе. Учёные-лингвисты пытаются разобраться в мотивированности или немотивированности использования *Gendersprache* (F. Payr, G. Diewald, A. Steinhauer, C. Olderdissen, B. Sick и др.).

По мнению М. Рейзигл немецкий язык на современном этапе своего развития претерпевает заметные изменения в результате влияния на него

ряда культурных, экономических, политических и других факторов [URL: Stichwort Gendersternchen]. Таким образом, язык вынужден отвечать на запрос быстро меняющегося мира. Человек, рефлексирующий над особенностями внутренних ресурсов языка, замечает его некоторые недостатки [Белютин 2009: 273] и стремится создавать новые языковые формы.

С точки зрения лингвоэкологии подобные формы должны стремиться не нарушать сложившиеся языковые традиции, а также не наносить травму языку.

Одним из вариантов нетравматичной, экологичной языковой практики является политическая корректность, которая в последние годы сильно повлияла на немецкий язык. Political correctness ориентирована на устранение несправедливости по отношению к ряду социальных групп, среди которых, например, женщины и сексуальные меньшинства [Кронгауз 2019: 142–143].

Интересную точку зрения на проблему функционирования политической корректности выдвигает В.Е. Чернявская: «Сегодня политическая корректность проявляет себя не как сосуществование и конкуренция разных идентичностей и идеологий, но как ограничение возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. Радикализация политической корректности создала давление на выбор имени и в целом на использование языка в социальном контексте» [Чернявская 2023: 60].

Говоря о тенденции «замены гендерно маркированных слов» в английском языке, в качестве примеров можно привести следующие слова: *stewardess* заменяется на *flight attendant*; *forefather* – *ancestor*; *mankind* – *humankind*; *fireman* – *fire official*; *wife, husband* – *domestic partner, spouse-equivalent, companion*; *housewife*– *housemaker* [Кузнецова 2012: 30];

manpower – workforce; businessman – business executive; policeman – police officer и др. [Кадырова 2019: 143].

По мнению приверженцев идеи развития политической корректности, использование подобных слов-эквивалентов помогает избежать дискриминирующего языка в виде сексизмов, а также излишней маскулинизации языка.

Политическая корректность включает в себя дискуссии о гендерных стереотипах в корпоративной сфере, всё ещё бытующих в современном обществе, и указывает на существование разницы в оплате труда между мужчинами и женщинами (Pay Gap), их «проявленности» в цифровых профессиях (Digital Gender Gap), преобладающее число мужчин на лидирующих, управленческих позициях и т.д.

Несмотря на бытующее мнение о том, что «классические женские профессии» не лежат в поле цифровых технологий, исследования немецкого экспертного центра по трудоустройству (Kompetenzzentrum Fachkräftesicherung), проведённые в 2019 году, констатировали, что количество мужчин и женщин, работающих в сфере современных технологий, является одинаковым. Разница состоит лишь в том, что меньшее количество женщин представлено в области разработки программных обеспечений и обслуживания техники, управляемой компьютером [URL: Chancengleichheit und Digitalisierung].

Гендерный язык (Gendersprache) является «языковым механизмом, позволяющим достигнуть равенства между мужчинами и женщинами в процессе речи». Ср.: «...ein sprachliches Verfahren, um Gleichberechtigung, d.h. die gleiche und faire Behandlung von Frauen und Männern im Sprachgebrauch, zu erreichen» [Diewald, Steinhauer 2019: 7].

Г. Гачев подчёркивает наличие так называемой «германской и англо-американской ПРЕД-усмотрительности» [Гачев 2019: 365]. Подобная предусмотрительность повсеместно демонстрируется в рамках различных

коммуникативных ситуаций, таких как составление официальной документации, неформальное общение, разговор с психологом и т.д.

Например, главные герои фильма-ремейка «Сцены из супружеской жизни» («Scenes from a marriage»), снятого по мотивам одноимённого фильма И. Бергмана, стараются учесть гендерную принадлежность каждого участника разговора, предварительно «проверяя» местоимения, которые должны использоваться по отношению к визави: «В поле моего исследовательского интереса находятся психология и гендерные отношения. В данный момент я исследую вопрос влияния изменяющихся гендерных норм на моногамные браки. Не могли вы перечислить ваши местоимения?» – «Он, ему, его. Она, ей, её». Ср.: *«I'm working on my study in Gender and Psych. I'm looking at how evolving gender norms affect monogamous marriages. Let me confirm your pronouns» – «He, him, his. She, her, hers»* (33).

Прежде всего необходимо обратить внимание на наличие в немецком языке следующих категорий родов: 1) внеязыковые категории рода: биологический род (biologisches Geschlecht, Sexus, sex), социальный род (soziales Geschlecht, gender); 2) внутриязыковые категории рода: грамматический род (grammatisches Geschlecht, Genus); семантический род (Semantisches Geschlecht).

Особое внимание уделяется дебатам на тему взаимосвязи между биологическим и грамматическим родами («Genus-Sexus-Debatte»). Существует две противоположные точки зрения: 1) биологический и грамматический рода не зависят друг от друга; 2) оба рода принципиально конгруэнтны друг другу. Сторонники гендерного языка, представляют вторую точку зрения, заявляя, что за общепринятым мужским родом (generisches Maskulinum) всегда стоит биологический мужской пол, исключая женский. Ср.: «...die feministischen Sprachaktivisten behaupten, das generische Maskulinum werde de facto nicht generisch

interpretiert, weil das maskuline Genus stets mit biologischer Männlichkeit verknüpft werde» [Payr 2021: 45–47]. То есть представители феминистической лингвистики утверждают, что такие выражения всегда направлены на лица именно мужского пола, при этом оставляя в тени женскую половину общества: «*Ich muss dringend zum Arzt*», «*Sportler bereiten sich auch mental auf Wettkämpfe vor*».

В роли одной из коммуникативных стратегий, призванных устранить дискриминирующий компонент из немецкоязычной речи, может выступать использование в речи мини-паузы или гортанной смычки (Glottisschlag), суффиксов, дефисов, дробей, двоеточий, звёздочек, скобок, нижних подчёркиваний или нейтральных формулировок в виде субстантивированных причастий, прилагательных и т.д. с целью включения мужского и женского полов. Например: *Student*innen; Student / Studentin; StudentInnen; Student(in); Student_in; Student:in; die Studierenden* (34).

Немецкое общественное объединение журналистов (Der Journalistinnenbund e. V.) занимается исследованием Gendersprache, а также репрезентацией женщин в средствах массовой информации. Данная организация разрабатывает правила использования гендерного языка на письме и в речи для носителей немецкого языка. В частности, эти правила связаны с внедрением в письмо вышеперечисленных гендерных знаков. Приведём в пример варианты написания слова «Journalist»: «*Journalist*» – написание слова при помощи общепринятого мужского рода (generisches Maskulinum) является нейтральным в плане обозначения рода, однако может быть подвергнуто критике, так как женщины могут чувствовать себя не включёнными в это обозначение; «*Journalist / -in*» – дробь является частотным вариантом написания; «*JournalistIn*» – заглавная буква «I» (Binnen-I) существует в немецкой языковой системе с 1980 года и обозначает мужчин и женщин; в настоящий момент используется редко; «*Journalist_in*» – нижнее подчёркивание (Gender-Gap) указывает на

возможность включения других родов; «*Journalist*in*» – гендерная звёздочка (Genderstern, der Asterisk) учитывает не только мужчин и женщин, но и гендерное разнообразие; «*Journalist:in*» – двоеточие (Doppelpunkt) распространено на письме, однако используется реже, нежели гендерная звёздочка; «*Journalist!n*» – восклицательный знак (Ausrufezeichen) был предложен одной из пионерок феминистической лингвистики Л.Ф. Пуш, является возможной альтернативой звёздочки и нижнего подчёркивания; «*Journalistin*» – общепринятый женский род (generisches Femininum) выступает в роли противовеса generisches Maskulinum; «*Medienschaffende*» – субстантивированное причастие (Substantiviertes Partizip) объединяет всех представителей средств массовой информации (35).

Проведённый анализ эмпирического материала по заявленной проблематике демонстрирует поляризацию мнений о функционировании гендерно-нейтрального языка.

Сторонники идеи о Gendersprache подчёркивают необходимость его инкорпорирования в немецкий язык, поскольку, таким образом, речь может быть освобождена от доминирования мужского пола, сексистских и дискриминирующих тенденций.

Представители феминистической лингвистики, среди которых S. Trömel-Plötz, L.F. Pusch, N. Henley, D. Spender, H. Kotthoff, E. Aries, P.M. Fischman и др., подчёркивали необходимость разработки и анализа коммуникативных стратегий, которые могли бы быть использованы в различных ситуациях с целью защиты собеседников, в частности женщин, от речевого насилия и ущемления [Trömel-Plötz 1984].

Вышеперечисленные учёные приводят множество примеров дискриминации женщин в различных жизненных ситуациях – в образовательных учреждениях, в корпоративной сфере и т.д. Сборник трудов данных исследователей («Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung

von Frauen in Gesprächen») содержит множество статей, в которых красной нитью проходит идея о поиске решений существующей проблемы подавления женщин в современном обществе и достижении человеческого диалога [Trömel-Plötz 1984: 12, 32].

Проблема дискриминации женщин также представлена в эколингвистических трудах А. Филла, рассуждающего о языковом доминировании мужчин, андроцентричности языка. Учёный приходит к выводу о том, что систематические и прагматические сексизмы, имплицитно или эксплицитно проявляющиеся в немецкоязычной коммуникации, являются одной из центральных проблем эколингвистических исследований [Ibid.: 87–91].

Похожей риторики придерживается австрийский политик Г. Хайниш-Хосек, считая, что язык создаёт действительность. Избегание женских форм и игнорирование, таким образом, женщин было бы совершенно неправильным. Ср.: «Sprache schafft Wirklichkeit. Weibliche Formen unerwähnt zu lassen und Frauen damit auszublenden, das wäre ein völlig falsches Zeichen» [URL: Heinisch-Hosek].

Немецкое студенческое сообщество поддержало эту мысль следующим заявлением: «Мы в ужасе от того, что в XXI веке люди требуют отказа от обозначения женского пола. Gendersprache – это важный шаг на пути к равноправию в обществе». Ср.: «Wir sind entsetzt, dass im 21. Jahrhundert ernsthaft gefordert wird auf weibliche Bezeichnungen zu verzichten. Die männlichen Bezeichnungen schließen die weiblichen ganz klar aus. Geschlechtergerechte Sprache ist ein wichtiger Schritt für absolute Gleichstellung von Frauen und ist nicht mehr wegzudenken» [URL: Von großen Töchtern und Söhnen].

Есть и обратная сторона медали – она указывает на противников гендерно-нейтрального языка, приводящих в сложившейся дискуссии веские аргументы против, по их мнению, «недемократического

Gendersprache», который искусственно сексуализирует немецкий язык. Такое мнение высказывает «Общество немецкого языка» («Verein Deutsche Sprache»), говоря о том, что «даже если женщина будет использовать абсурдный гендерно-нейтральный язык, она не сможет зарабатывать больше» [URL: Leitlinien].

«Общество немецкого языка» приводит в пример людей с ограниченными возможностями (незрячих, аутистов и т.д.), имеющих на повседневной основе существенные сложности с чтением, говорением, восприятием какой-либо информации, содержащей новые правила гендерно-нейтрального языка [Там же].

Представители Общества слепых и слабовидящих (Deutscher Blinden- und Sehbehindertenverband) высказываются следующим образом: «Мы стараемся использовать языковые формы, которые не будут исключать ни один из полов, но всё же изменение структуры языка является проблематичным для слепых людей или людей с нарушением зрения». Ср.: «Wir bemühen uns, bevorzugt Textlösungen zu finden, die kein Geschlecht ausschließen ("*Team*" statt "*Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter*") ... Für blinde und sehbehinderte Menschen ist das Gendern durch Satz- und Sonderzeichen problematisch» (36).

Как было упомянуто ранее, человек на сегодняшний день находится в напряжённой, полной конфликтов и агрессии языковой среде, в которой всё чаще используется понятие «насилие» («Vergewaltigung»). Многие исследователи говорят о том, что происходит насилие над немецким языком («Vergewaltigung der deutschen Sprache») посредством излишнего использования «языка полов», которое разрушает фундаментальность немецкого языка.

Немецкий актёр Д. Халлерворден поддерживает такую точку зрения и говорит о том, что язык должен развиваться естественным путём, а не по принуждению. Ср.: «Aber alles, was von Seiten des Theaters herausgegeben

wird, wird nicht dazu dienen, die deutsche Sprache zu vergewaltigen... Sprache entwickle sich zwar, doch sie entwickelt sich nicht von oben herab auf Befehl») [URL: Eine Vergewaltigung der Sprache].

Писатель М. Стоковски считает «борьбу между полами» («Gender-Kampf»), «феминистическую войну» («Feministinnen-Krieg») и «войну полов» («Krieg der Geschlechter») абсолютно бесполезными [URL: Hamse jedient im Genderkrieg?].

По мнению писателя, подобная военная метафора является полным бредом, так как в ней нет никакого смысла, она не придаёт нашей речи стройности, образности и красоты. Ср. «Es ist nur eine Metapher, sagt ihr. Nein, es ist unbedachtes Wörterkotzen. Metaphern haben einen Sinn, sie sollen etwas klarer oder schöner sagen. Wer aber von Krieg spricht, macht es weder klarer noch schöner, der sagt nur: Guckt, wie sie sich prügeln. Aber was, wenn sie gar nicht prügeln» [Ibid.].

По мнению исследователя Ф. Пайра, дискуссия о гендерно-нейтральном языке является «люксовой» и способствует появлению у носителя языка страха показаться недемократичным и несовременным женоненавистником в случае неиспользования Gendersprache» [Payr 2021: XV].

Учёный анализирует случаи использования гендерного языка в рамках различных дискурсов и приходит к следующим выводам: 1) в настоящий момент не существует реальных научных подтверждений полного исключений женского пола из разговора в случае использования общепринятого мужского пола (generisches Maskulinum); 2) полная правка устоявшегося строя языка невозможна и нереалистична; 3) введение ряда знаков в виде звёздочек, нижних подчёркиваний и др. значительно усложняет процесс восприятия письменной или устной речи; 4) гендерно-нейтральный язык не решает реальные, серьёзные проблемы, существующие в немецком обществе; 5) Gendersprache дисфункционален,

так как порождает неудавшуюся коммуникацию на фоне излишней фиксации на ненужных языковых конструкциях, перегружающих язык; 6) Gendersprache несёт в себе поучающие черты; 7) Gendern авторитарен; 8) введение общепринятого женского рода («generisches Femininum») или «тренировка эмпатии» («Empathietraining») противоречат правилам языка и морально неприемлемы; 9) Gendern делает язык искусственным, перегруженным и бюрократическим; 10) гендерный язык, борясь за равноправие, оказывает обществу медвежью услугу – выступает в роли катализатора, запускающего конфликтные ситуации [Ibid.: 145–148].

Исследователь Б. Зик, критично осмысляя тенденции развития немецкого языка, приводит в пример объявления в уборной некой организации: «*Liebe **Güstinnen**, bitte werfen Sie keine Tampons oder Binden in die Toilette! Unser Klempner streikt! Danke für Ihr Verständniss!*» (37).

Комичное объявление сопровождается настоятельной просьбой и восклицательными знаками в надежде на осознанность представительниц женского пола. Хотя данное сообщение имеет ироничную форму, однако оно явно демонстрирует существующую в обществе проблему корректного выбора лексики, которая могла быть не дискриминирующей и корректной для каждого реципиента.

Исследователь также упоминает в своей статье о реальном случае с жительницей немецкой земли Саар, которая жаловалась на то, что её банк обращался к ней при помощи словосочетания «*Kunde und Kontoinhaber*». При подобном обращении она чувствовала себя ущемлённой и требовала, чтобы к ней обращались при помощи слов «*Kundin und Kontoinhaberin*». Банк, в свою очередь, отклонил подобное обвинение, аргументируя это тем, что такие слова, как «*Kunde und Kontoinhaber*», не имеют своей целью исключить или ущемить женщин (38).

Сатирический рассказ «*Liebe Gläubiginnen und Gläubige*» повествует о компании, работниками которой являются мужчины, желающие с целью

улучшения продаж реформировать свою деятельность, став более дружелюбными по отношению к представительницам женского пола. Это дружелюбие будет проявляться в активном использовании гендерного языка и демонстрации своего уважения и наличия равных шансов для мужчин и женщин. Необходимо помнить, что на сегодняшний день существуют уже не только «*Arbeitgeberinnen und Arbeiterinnen*», но и «*Gewerkschafterinnen, Betriebsrätinnen, Geschäftsführerinnen*». Уже давно каждый политик использует в своей риторике суффикс «Innen» («Längst hat jeder Politiker die “Innen” in diesem Land verInnerlicht»). Даже слово «*Mitglied*», имеющее грамматический средний род, превращается в «*Mitgliederinnen*». К молодёжи обращаются при помощи «*Teenager und Teenagerinnen*», а университеты приветствуют вновь поступивших на учёбу «*Erstsemesterinnen und Erstsemester*». Бундестаг занимается проблемами «*Steuerhinterzieherinnen und Steuerhinterzieher*», «*Schwarzfahrerinnen und Schwarzfahrer*», «*Sozialschmarotzerinnen und Sozialschmarotzer*», «*Leistungerschleicherinnen und Leistungerschleicher*» (38).

Проанализировав случаи использования гендерно-нейтрального языка, Б. Зик приходит к выводу о том, что вынужденная правка немецкого языка приводит к его инструментализации в политических целях, а также делает немецкую речь чрезмерно корректной [Ibid.].

Подобное разнообразие форм находит своё отражение в ироничном высказывании Б. Зика: «Радостным событием является для нас эмансипация не только женщин, но и немецкой грамматики, обладающей мощным потенциалом в создании благоприятных условий для существования различных форм мужского и женского полов». Ср.: «Zu verdanken haben wir das nicht nur der Emanzipation der Frau, sondern eben auch unserer Grammatik. Keine andere mir bekannte Sprache kann ein derart konsequentes Gendern leisten, daher sehe ich im gleichberechtigten Nebeneinander von diversen männlichen und weiblichen Formen heute vor allem eines: eine Verneigung vor den

wunderbaren Möglichkeiten der deutschen Sprache» [URL: Das Wunder des Genders].

Лингвист пишет о своих впечатлениях от «справедливой ко всем полам языковой политики» («gendergerechte Sprachpolitik»), которая, по его мнению, находится в состоянии активного наступления на немецкий язык. Это проявляется, например, в том, что в 2012 году строки в австрийском национальном гимне «*Heimat bist du großer Söhne*» и «*Einig laß in Brüderchören*» были geändert, или, как теперь принято говорить, «gegendert», на «*Heimat großer Töchter und Söhne*» и «*Einig laß in Jubelchören*» (39).

(1) Land der Berge, Land am Strome ...

Heimat großer Töchter und Söhne,

Volk, begnadet für das Schöne,

vielgerühmtes Österreich ...

(3) Mutig in die neuen Zeiten,

frei und gläubig sieh uns schreiten,

arbeitsfroh und hoffnungsreich.

Einig laß in Jubelchören,

Vaterland, dir Treue schwören,

Vielgeliebtes Österreich.

В качестве примера грубой иронии над гендерным языком выступают высказывания правых популистов. Данное политическое движение резко критикует гендерно-нейтральный язык и проявляет лингвокреативность при создании новых выражений, инкорпорируя в них также темы дискриминации представителей нетрадиционной ориентации: «*Elternteil-eins- Elternteil-zwei*»; «*Vater_ *In*»; «*Mutterer*» др. (17).

Правые популисты выступают с резкой критикой феминизма, именуя его «*Feminat*» (по аналогии с «*Kalifat*») и «*Männerhasserfeminismus*», «*Femi-Faschismus*», указывая на демографическую проблему в стране

(«*Familienzerstörungsfeminismus*», «*Multikulti-Selbstvölkermord*») и создание «существ, обладающих флюидным полом» – «*genderfluide Einheitswesen*» (17).

Привлечение в дискуссию о гендерном языке националистской терминологии также может быть показано на примере мнения немецкого комедианта Ф. Кавузи: «С одной стороны, существуют феминистки, с другой – нацисты. Оба направления объединены одинаковой методикой». Ср.: «*Auf einer Seite sind Feministen, auf der anderen Seite sind Nazis. Gleiche Methodik*» (40).

Ф. Кавузи выступает за феминизм, но против нацизма. По его наблюдениям, носители языка вместо положительной просвещающей коммуникации действуют друг на друга токсичным образом, призывая собеседника быстро принять ту или иную позицию. Ср.: «*Ich bin für Feminismus, gegen Nazis, aber sie haben die gleiche Methodik. Lern Deutsch JETZT. So beleidigen wir einander, so vergiften wir einander. Das ist eine negative Methodik. Ich bin für liebevolle Kommunikation der Aufklärung. Heutzutage ist jemand irgendwie immer verletzt*» (40).

Подобные переформулировки также коснулись некоторых официальных немецких организаций, например крупнейшего авиаконцерна Европы «Люфтганза». Компания сделала официальное заявление о том, что приветствиям пассажиров на борту: «*Sehr geehrte Damen und Herren*» или «*Ladies and Gentlemen*» – существуют альтернативы: «*Liebe Gäste*» или «*Herzlich willkommen an Bord*» (41). По словам компании, такое изменение в обращении создаёт справедливые к каждому полу высказывания, а также не оставляет пространства для дискриминации. Ср.: «...schaffe man eine gendergerechte Ansprache, die keinerlei Spielraum für Diskriminierung bieten würde» [Ibid.].

В Гамбурге партии «Левые», «СвДП» и «СДПГ» требуют создания дорожных знаков, на которых будут изображены фигуры не только

мужского пола («Männchen»), но и женского. Ср.: «In Hamburg fordern SPD, FDP und Linke gendersensible Verkehrsschilder: Sie sollen statt der bekannten “Männchen” nun auch Frauen zeigen» [URL: Hamburg im Gender-Wahn?].

Один из лидеров партии «Зелёные» А. Бербок, говоря о том, что пришло время феминистического правительства («Es wird Zeit für eine feministische Regierung»), выдвигает идею необходимости введения закона о «Контроле гендера» («*Gender Check*») или «*Gender Polizei*», призванного контролировать корректное использование гендерного языка (42).

Вооружённые силы Федеративной Республики Германия (Бундесвер) заменили слово «*Einmannpackung*» («сухой паёк») на «*Eipersonenpackung*» (43).

Интересным фактом является то, что в соответствии со статистическими данными, приведёнными интернет-порталом «statista», 65% процентов немецкого населения выступают против использования Gendersprache в общественной сфере и средствах массовой информации [URL: Vorbehalte].

Приведённые примеры заставляют задуматься о проблеме мизандрии, дискриминации людей с ограниченными возможностями, представителей различных меньшинств, мужчин. Возникает справедливый вопрос, который можно представить в виде уравнения: общепринятый язык + реформа орфографии = дискриминация? (einheitliche Sprache + Rechtschreibreform = Diskriminierung?).

Учитывая и анализируя мнения учёных о gendergerechte Sprache, необходимо указать на постановление по данному вопросу Совета по немецкому правописанию (Der Rat für deutsche Rechtschreibung), организации – «регулятора немецкого языка, созданной в 2004 году на базе Межгосударственной комиссии по немецкому правописанию, в состав которой входит в общей сложности 41 член» [URL: Der Rat für deutsche Rechtschreibung]. Основной задачей Совета по немецкому правописанию

является сохранение и сбережение единообразных правил правописания и дальнейшее их развитие в немецкоязычном пространстве.

Совет, действуя в рамках своих полномочий, в марте 2021 года выпустил документ с рекомендациями по использованию Gender Sprache в немецком языке, в соответствии с которым справедливый по отношению к каждому человеку язык необходимо учитывать, но при этом не рекомендуется принятие в качестве нормы использования гендерных звёздочек, подчёркиваний, двоеточий или других сокращённых форм, указывающих на обращение ко всем гендерам. Ср.: «Der Rat hat vor diesem Hintergrund die Aufnahme von Asterisk (“Gender-Stern”), Unterstrich (“Gender-Gap”), Doppelpunkt oder anderen verkürzten Formen zur Kennzeichnung mehrgeschlechtlicher Bezeichnungen im Wortinnern in das Amtliche Regelwerk der deutschen Rechtschreibung zu diesem Zeitpunkt nicht empfohlen» [URL: Geschlechtergerechte Schreibung].

Подобное постановление Совет объясняет тем, что тексты должны содержать в себе корректную фактическую информацию, быть понятными и доступными для чтения как для немецкого общества, так и для жителей других немецкоязычных стран и регионов, а также не усложнять изучение немецкого языка.

Справедливость перечисленных критериев объясняется тем, что необходим учёт: 1) школьников, которые находятся ещё в начале пути освоения правил немецкого языка; 2) 12% взрослого населения в немецкоязычном пространстве, являющихся неграмотными, которые не способны писать или читать даже простые тексты; 3) изучающих немецкий язык как иностранный и т.д.

Организация занимается дальнейшим наблюдением за развитием и целесообразностью geschlechtergerechte Sprache и указывает на соблюдение центральной задачи – обеспечение сохранения общепринятой нормы письменного языка в немецкоязычном пространстве.

Учитывая тот факт, что «феминистская критика языка представляется в настоящее время одним из активно развивающихся научных направлений в рамках гендерных исследований, необходим анализ феминистской критики языка не только для понимания развития германистики, но и для лингвистики в целом» [Едличко 2019: 164].

Опираясь на ранее приведённые примеры, необходимо заметить, что феминистическая лингвистика добивается определённых положительных для себя результатов в сфере реформирования немецкого языка и языковой политики немецкого государства в целом: активно ведутся междисциплинарные дискуссии на тему гендерного языка, в какой-то степени меняется языковая норма в письменной и устной речи, вводятся новые слова и выражения, используется ряд новых лингвистических понятий и т.д.

Вместе с тем проанализированный эмпирический материал по заявленной проблематике демонстрирует порой изматывающую и монотонную работу («Diversity-Tretmühle»), которая ведётся над сформировавшимся языковым конструктом [Burkhardt 2022: 1–17].

2.5. Эффекты плацебо и ноцебо в контексте нехорошей речи

Ряд учёных указывают на интересную перспективу лингвоэкологических исследований – воздействие языка на физическое или психоэмоциональное здоровье человека. В данной связи особое значение придаётся терапевтической, здоровьесберегающей функции языка (В.В. Жура, В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова, М.С. Гринева, С.И. Маджаева, А.Х. Сатретдинова и др.).

Ранее в нашем исследовании освещался вопрос о важности учёта данной функции языка в рамках корпоративной коммуникации, которая порой может содержать в себе неэкологичный паттерн в виде двойных

сообщений, ставящих одного из участников разговора в беспомощное положение.

Данный раздел также фокусируется на анализе речевого взаимодействия участников профессиональной сферы, а именно медицинской коммуникации, поскольку тактико-стратегическое планирование беседы лечащего врача и пациента, ориентированность коммуникации на «терапевтическое сотрудничество способствует скорейшему выздоровлению пациента, улучшению и стабилизации его физического и психоэмоционального состояния» [Жура 2013: 173]. Вербальное воздействие медицинской информации, исходящей от лечащего врача, «является важной составляющей терапевтического процесса и эколингвистического пространства» [Маджаева, Сатретдинова 2013: 282].

В качестве основы для коммуникации в рамках врачебного дискурса выступает медицинская деонтология (этика), исследующая «вопросы соблюдения врачебной тайны; меры ответственности за жизнь и здоровье пациентов; проблемы взаимоотношений в медицинском сообществе и проблемы взаимоотношений врача с пациентами и их родственниками [Медицинская этика, 1982–1984].

Данная работа фокусирует своё внимание на анализе общения между врачом и пациентом, которое может быть охарактеризовано при помощи бинарной оппозиции *экологичная / неэкологичная коммуникация*.

Х. Айхер в своей работе, посвящённой исследованию механизмов воздействия языка на многие сферы человеческой жизни, цитирует профессора В. Цигльгансбергера из Института психиатрии Макса Планка: слова обладают эффектом, подобным эффекту от применения психотропных средств, разница заключается лишь в том, что слова действуют быстрее и надёжнее. Ср.: «Worte haben die gleiche Wirkung wie Psychopharmaka – nur eben viel schneller und zuverlässiger» [Eicher 2018: 238].

Таким образом, слова, подобно лекарственным средствам, могут иметь определённые «побочные эффекты», порождать неэкологичную или даже токсичную коммуникацию.

По мнению специалистов, слова и выражения вызывают у человека различные чувства и телесные реакции: учащённое сердцебиение, повышение кровяного давления, влажные руки, гипертонус мышц спины и шеи и т.д.

Доктор медицинских наук К. Мэдор из частного исследовательского университета в Нашвилле, США, указывает на известный феномен, при котором пациент способен ощущать побочные эффекты от лечения, которые были ему предсказаны: иначе говоря, «плохие новости вызывают плохую физиологическую реакцию». Ср.: «Schlechte Neuigkeiten fördern schlechte Physiologie» [URL: Wenn der Arzt mit Worten tötet]. Учёный констатирует факт недостаточной образовательной подготовки специалистов здравоохранения в сфере коммуникативных навыков, касающихся взаимодействия врачебного персонала и пациентов.

Поэтому одним из условий успешного общения в рамках медицинского дискурса «является соблюдение врачом целого ряда коммуникативных принципов, реализация которых требует от врача владения особой профессиональной коммуникативной компетенцией, базирующейся, с одной стороны, на знании клинических дисциплин и знании человеческого поведения, социального и культурного контекста – с другой» [Жура 2005: 62].

Экологичность коммуникации возможна при терапевтическом сотрудничестве лечащего врача и пациента. Пациенту также необходимо обладать оптимистическим настроением на будущее. Однако зачастую речь самого пациента может включать в себя ряд отрицательно окрашенных метафорических выражений, содержащих названия органов или телесных реакций организма.

Следующие образные выражения содержат в себе слова-триггеры, способные вызвать соответствующие реакции организма: «*Das bereitet mir Kopfschmerzen*»; «*Als ich das hörte, platzte mir der Hals*»; «*Das schlägt sich mir auf den Magen*»; «*Was er gesagt hat, ist für mich schwer verdaulich*»; «*Die ständigen Missverständnisse gehen mir an die Nieren*»; «*Diese Nachricht fährt mir tief in die Knochen*» и т.д.

Как известно, язык обладает мощным персуазивным свойством. Данный тезис подтверждается существованием двух явлений – плацебо (от лат. *placere*, букв. – «буду радовать» или «сделаю добро») и ноцебо (от лат. *posere* – «причину вред») [URL: Буеверов]. Эти средства, не обладая реальным фармакологическим действием, имея только психофизиологическую природу, могут положительно или отрицательно воздействовать на самочувствие пациента, а значит, оба термина также применимы к коммуникации между врачом и пациентом.

Примерами ноцебо-эффекта являются следующие выражения в рамках медицинской коммуникации. Врач эксплицитно указывает на высокую вероятность неблагоприятного развития болезни: «*Sie sind ein Risikopatient*»; на ярко выраженную физическую боль: «*Das tut schon immer höllisch weh*»; на возможные тяжёлые последствия в результате необдуманных действий пациента: «*Sie sollten nichts Schweres mehr heben, nicht, dass Sie noch gelähmt sind*»; упоминает анатомические подробности с использованием образных словосочетаний: «*Ihr Rückenmarkskanal ist eingeengt, das Rückenmark wird abgequetscht*»; вводная фраза «*Das sieht nicht so gut aus*» изначально может настраивать её получателя на тревожное состояние, а следующее за ней высказывание «*Es können mögliche Komplikationen entstehen*» формирует у пациента негативные убеждения и ожидания (44).

Высказывания врача, содержащие в себе индикаторы неуверенности или неоднозначные сообщения, также способны оказывать отрицательное

влияние на пациента, поскольку для последнего фигура лечащего врача является авторитетной и вселяет надежду на наличие позитивной динамики в самочувствии: «*Vielleicht hilft dieses Medikament*»; «*Probieren wir mal dieses Mittel*»; «*Versuchen Sie, die Medikamente regelmäßig zu nehmen*»; «*Wir machen Sie jetzt fertig*» («Сейчас мы вас отключим» – комментарий врача перед началом операции); «*Ich hole noch etwas aus dem Giftschränk*» («Мне нужно кое-что принести из шкафа с ядосодержащими медикаментами» – комментарий врача, перед тем как дать оперируемому наркоз) (44).

Данные высказывания врача противоречат параметрам экологичного общения (по В.И. Шаховскому и Н.Г. Солодовниковой), поскольку имплицитно содержат негативную оценку состояния пациента, выражают пренебрежение его нестабильным (на фоне болезни) психоэмоциональным состоянием, отсутствие эмпатии и толерантности по отношению к пациенту, демонстрируют излишнюю категоричность, психологическое давление словом.

Слова лечащего врача должны оказывать мелиоративное воздействие на пациента, психологическую поддержку, быть конструктивными, созидательными и возвышающими. Таким образом, возможна замена вышеперечисленных высказываний на *сообщения-плацебо*. Наиболее яркие примеры таких сообщений были заимствованы из интервью врачей: вместо «*Sie sind ein Risikopatient*» возможно использование эвфемистической переформулировки, не указывающей на тревожные прогнозы протекания болезни: «*Sie haben Erkrankung, die eine besondere Fürsorge braucht*»; врач вместо фразы «*Das sieht nicht so gut aus*» может прибегнуть к демонстрационному конкретному плану по борьбе с заболеванием: «*Das bedarf einer intensiven Therapie*»; «*Es können mögliche Komplikationen entstehen*» заменяется на «*Wir brauchen Präventivmaßnahmen gegen einen unerwünschten Therapieverlauf*» с целью вселения надежды на существование эффективных методов, способных побороть болезнь (45).

Задействование в подобных беседах именно сообщений-плацебо свидетельствует о выборе врачом *интерактивной стратегии*, смысл которой состоит в «оказании воздействия на психоэмоциональное состояние пациента и способствует его адаптации к заболеванию, а также обеспечению его комплаентности (выполнения рекомендаций и назначений врача)» [Жура 2007: 60].

Стратегия рационализации информации обеспечивает «перефокусировку с эмоционально заряженной информации на эмоционально нейтральную» [Там же]. Происходит минимизация степени негативности, присутствующей, например, в диагнозе, а также рационализация и переключение на позитивные идеи.

Подобная переориентация высказываний чрезвычайно важна во врачебной коммуникации. Так, практикующий детский психотерапевт У. Фукс-Егли в статье о словах плацебо и ноцебо пишет о важности экологичной, здоровьесберегающей функции врачебной коммуникации. Психотерапевт, ориентируясь на свой многолетний опыт, подчёркивает важность «смены перспективы» («*Perspektivenwechsel*») в рамках общения с ребёнком-пациентом и приводит в качестве примеров подобные высказывания: *Negativsuggestionen* (высказывания или предложения, внушающие негатив): «*Es gibt einen Stich*»; «*Das tut nicht weh*»; «*Das ist nicht schlimm*»; «*Du musst keine Angst haben*»; «*Du hast nichts*» (46).

Вышеперечисленные фразы могут быть заменены на *Positivsuggestionen* (высказывания или предложения, внушающие позитив): «*Du wirst etwas spüren, erzähl mir nachher, was du gespürt hast*» – фраза, предупреждающая возможное возникновение страха и тревоги у ребёнка; заботливое отношение, понимание и учёт мнения пациента отражается в следующем предложении: «*Um welchen Teil von dir müssen wir uns besonders kümmern?*»; просьбы и указания, высказанные в мягкой форме, настраивают ребёнка на кооперацию и взаимодействие, снимают

физическое и психологическое напряжение: «*Du kannst gesunde Luft einatmen*»; «*Du kannst Unangenehmes wegpusten*»; «*Du kannst die Hände / Füße öffnen*»; «*Du kannst mir helfen, in dem du für mich dieses Pflaster hältst*» (46).

Необходимо сделать вывод, что лингвоэкология, имея широкий спектр задач, занимается, с одной стороны, анализом «здоровья» языка, с другой – рассмотрением экологичности коммуникации, терапевтическим потенциалом ресурсов языка. Экологичность коммуникации подразумевает выполнение языком терапевтической, здоровьесберегающей функции и является благоприятной для физического и психоэмоционального здоровья обоих коммуникантов.

Зачастую происходит нарушение экологического баланса в коммуникации между лечащим врачом и пациентом, поскольку слова врача и/или пациента нагружены отрицательной оценочностью, репрезентирующей в виде эффекта ноцебо. Данные вредоносные слова и выражения противоречат параметрам экологичного общения и порой способны препятствовать выздоровлению пациента.

Квантитативные показатели в рамках интралингвального аспекта суммируются на рисунке 1.

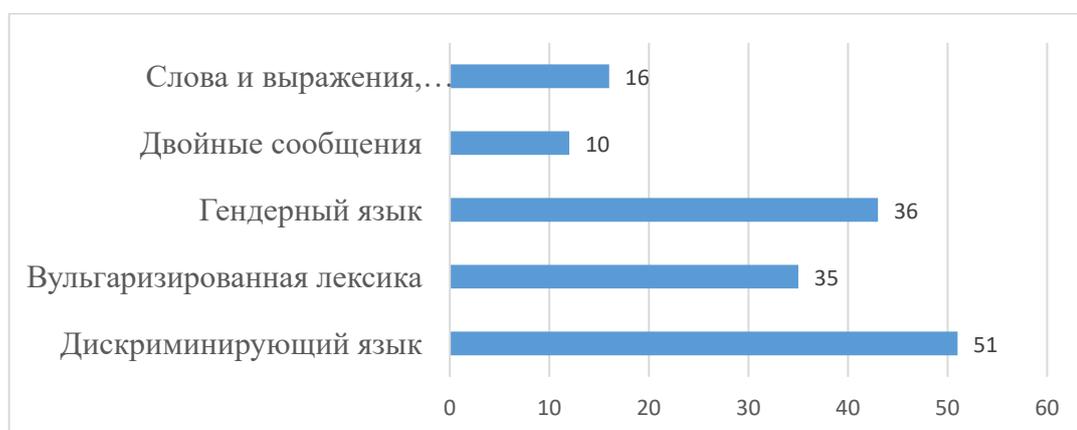

Рис. 1. Лингвотоксичные процессы в рамках интралингвального аспекта

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2:

Интралингвальный аспект лингвоэкологических исследований предусматривает изучение способов сбережения здоровья и чистоты языка, а также препятствование проникновению в языковую систему отрицательных, лингвотоксичных явлений. Данный аспект учитывает следующие процессы, происходящие в современном немецком языке: вульгаризацию языка / речи носителей языка; дискриминирующий язык по отношению к различным группам населения; коммуникацию «двойных сообщений»; гендерный язык; слова и высказывания, имеющие эффект ноцебо.

Лингвоэкологические исследования констатируют факт наличия симптомов деградации и обеднения языка и речи из-за нагруженности коммуникации рядом лингвотоксинов, среди которых значится инвективная лексика, включающая в себя вульгаризмы. Данный лингвотоксичный процесс рассматривается на примерах музыкального и политического дискурсов, в рамках которых существуют проблемы неравенства, расизма, навешивания ярлыков и др. Подобные явления выступают в роли экстралингвистических факторов, которые оказывают влияние на речь носителя языка, которая зачастую лишена конструктивного диалога и наполнена инвектогенными, вульгаризированными языковыми знаками.

Несмотря на свой низкий коммуникативный потенциал, вульгарные слова и выражения в рамках эмоциональной коммуникации характеризуются амбивалентностью. Подобная диффузность и неоднозначность проявляется в переходе изначально отрицательных языковых знаков в категорию мелиоративных слов.

Дискриминирующий язык является следствием дискриминации, которая может быть направлена на представителей каких-либо национальностей, женщин, представителей сексуальных меньшинств,

людей с ограниченными возможностями и др. Порой, несмотря на эвфемизированную форму, дискриминация может эскалировать конфликты в обществе.

Рассматриваются случаи использования дискриминирующего языка в немецком спортивном (футбольном) дискурсе, в рамках которого происходит дискриминация людей по этническому и религиозному признакам; по половой принадлежности и сексуальной ориентации; по возрастному признаку; людей с ограниченными возможностями; по социальному статусу.

Однако приводятся альтернативные слова и выражения, способные снизить напряжение между коммуникантами и препятствовать возникновению экологического дисбаланса в речи.

Миграционный кризис, увеличение числа вынужденных переселенцев оказывают влияние на языковую практику, давая возможность использовать дискриминирующие языковые знаки по отношению к мигрантам. Подобная коммуникация носит дегуманизирующий, дискредитирующий, унижающий, агрессивный характер, что может нарушать «здоровье» языка.

В основе феномена двойных сообщений, также выступающего в роли лингвотоксичного явления, лежит принцип создания противоречивых высказываний, ставящих адресата в беспомощное положение и воздействующих отрицательным образом на физическое здоровье человека. В диссертационном исследовании проводится анализ языковых маркеров сообщений double bind на примере коммуникации в корпоративной сфере; любовных отношениях; общении между родителями и детьми. Противоречивое сообщение может подкреплять своё отрицательное влияние на физическое и психоэмоциональное состояние адресата при помощи паралингвистических средств общения.

В современном обществе осуществляется феминистическая критика языка, которая зиждется на феминистической лингвистике и гендерных исследованиях (Gender Studies). Подобный запрос является актуальным, поскольку немецкое общество сталкивается с проблемой возникновения в языке сексизмов, дискриминирующего языка. Гендерный язык призван элиминировать наличие сексизмов, а также излишней маскулинизации языка.

Однако наряду с тенденцией закрепления за Gendersprache статуса «справедливой меры вмешательства» существует мнение о намеренной, искусственной правке устоявшейся системы немецкого языка, что приводит к возникновению сложностей при восприятии немецкой письменной или устной речи. Излишняя бюрократизация и перегрузка языка при помощи определённых коммуникативных стратегий придаёт речи неэкологичность и рождает недопонимание и конфликты между людьми.

Латинское выражение «*homo homini medicamentum est*» ёмко описывает силу воздействия слова на психоэмоциональное и физическое самочувствие человека. Лингвоэкология постулирует идею о терапевтической, здоровьесберегающей функции языка. Эффект ноцебо, противопоставляющийся эффекту плацебо, характеризуется возникновением у пациента отрицательных ожиданий и тревоги, которые в последующем могут трансформироваться в реальную физическую боль. То есть слова лечащего врача способны рождать тревогу, недоверие и опасения у пациента, а также приводить к ухудшению его самочувствия и снижению комплаенса. В то же время корректно выстроенная коммуникация может объективно уменьшить негативную симптоматику у пациента.

ГЛАВА 3. ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЭКОЛОГИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

3.1. Неэкологичное взаимовлияние языка и окружающей среды

Поскольку данная работа рассматривает транслингвальный аспект лингвоэкологии широко, обратим внимание на ещё одну перспективу исследований – индикаторы неэкологичной языковой практики, способные наносить вред окружающей среде.

Подобный ракурс рассмотрения заявленной проблематики выбран нами не случайно, так как часто современное общество наполнено деструктивной коммуникацией, нарушающей контакт между человеком и природой.

Многие учёные (W. Trampe, E. Haugen, A. Makkaï, P. Finke, A. Fill, A. Stibbe, P. Mühlhäusler, M. Halliday и др.) занимаются рассмотрением языковых явлений, являющихся в числе прочего причиной экологического кризиса, и выступают за актуализацию вопроса о языковой критике и заботе о языке.

В. Трампе подчёркивает, что оба термина находятся во взаимозависимости – как правило, языковая критика исходит из потребности в защите языка и заботе о нём, в том числе и превентивной. Ср.: «Das Verhältnis von Sprachkritik ist normalerweise ein Folgeverhältnis; in der Regel geht Sprachkritik sprachpflegerisch Bemühungen voraus ... Sprachpflege kann aber auch präventiv betrieben werden» [Trampe, 1990, 204]. Забота о языке выполняет функцию защиты, дифференциации и культивирования языковой практики. Ср.: «...sprachpflegerische Aktivitäten verstehen sich normalerweise als protektiv und sind auf Differenzierung und Kultivierung ausgerichtet» [Ibid.].

Экологическая языковая критика, подразумевающая заботу о языке, должна существовать не только в образовательных организациях – она обязана стать частью жизни любого индивида с целью преодоления экологического кризиса и регрессивной сукцессии системы «язык – окружающая среда» [Trampe 1990].

Х. Шмитц в своей речи во время вручения премии имени Х. Кауфмана (фонда чистоты языка – «Henning Kaufmann Stiftung zur Reinheit der deutschen Sprache») говорил о том, что языковая критика и забота о языке призваны проанализировать состояние «здоровья» языка и сформулировать параметры экологичного или неэкологичного общения. Такая задача стоит перед исследователями, поскольку на сегодняшний день наблюдаются тревожные тенденции в рамках языковой практики, проявляющиеся в потере языковой культуры, обеднении, бюрократизации, канцеляризации и жаргонизации языка, наполнении коммуникации манипулятивными паттернами, а также в активной экспансии англицизмов. Описывая подобные тенденции, Х. Шмитц проводит аналогию с исчезновением лесов и вымиранием живых существ в природе. Ср.: «Besorgniserregend sind ... ein allgemeiner Verlust an Sprachkultur, eine zunehmende Entfremdung von der Sprache, d.h. fortschreitende Sprachverarmung, Sprachlosigkeit, Tendenzen der Bürokratisierung, der Verwissenschaftlichung, der Jargonisierung, der Manipulation, der Sinnentleerung in bestimmten Sprachbereichen ... stärker werdende Beeinflussung durch das amerikanische Englisch ... Analogie zum Arten- oder Waldsterben von einem deutschen Sprachsterben» [Schmitz 1984: 9–21].

Регрессивные процессы в языке, беспокоящие или даже уничтожающие креативность, стабильность и разнообразие языковых экосистем, рождают неэкологичную языковую практику, специфические индикаторы которой поддаются классификации.

Немецкий лингвоэколог В. Трампе сосредотачивает своё внимание на том, как человеческая коммуникация способна порой приводить к экологическому кризису, и выделяет следующие типы неэкологичной языковой практики: 1) *вуалирование фактов* (Tatsachenverschleierung); 2) *приукрашивание действительности* (Beschönigung); 3) *неверная интерпретация значения* (Bedeutungsverschleppung); 4) *языковое нивелирование* (Sprachnivellierung); 5) *механизация* (Verdinglichung oder Maschinisierung); 6) *обеднение языка* (Sprachverarmung); 7) *эвтрофикация языка* (Spracheutrophierung).

Необходимо оговориться, что в данной работе мы объединяем некоторые индикаторы, такие как вуалирование фактов, приукрашивание действительности, неверная интерпретация значения языковое нивелирование.

Исследования, проведённые на тему переработки отходов в Германии, демонстрируют несоответствие между риторикой властей и реальным положением дел в стране по данному вопросу. В Германии создано множество немецких документальных фильмов и статей с подобными названиями: «*Wie Deutschland beim Recycling schummelt*» («Мошенничество в сфере переработки мусора»); «*Recycling-Mythen und illegale Plastik-Exporte, was ist dran?*» («Мифы о переработке мусора и нелегальном экспорте пластика»); «*Altpapier-Recycling: Neue Verpackungen werden zum Problem*» («Переработка старой бумаги: новые упаковки становятся проблемой») и многие другие.

В качестве примера *вуалирования фактов* можно привести слова и выражения из индустрии упаковочных материалов. Согласно статистическим данным, Германия является лидером в данной сфере и крупнейшим производителем пластмассы. Ср.: «...Als größter Chemie- und Kunststoffproduzent Europas ist Deutschland die Heimat der *führenden Verpackungsindustrie* Europas...» (47).

Высокие показатели производительности сопровождаются идеями о том, что старые товары являются ценным сырьём. Ср.: «...Denn Altprodukte und Müll sind *wichtige Rohstoffe*» (48).

Мусор необходимо перерабатывать, а не отправлять на свалку. Ср.: «...Abfall gehört *recycelt*, nicht auf Deponien oder anderweitig in die Natur» (48).

Федеральное министерство окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей (Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz) в своих отчётах заявляет о том, что доля переработки пластиковых отходов в 2019 году составила 58,5%, в 2022 году она повысилась до 63%. Доля переработки других материалов, таких как стекло и алюминий, в 2022 году составила 90% [URL: Unsere Politik].

Однако безупречная и с первого взгляда кажущаяся прозрачной отчётность, наполненная позитивными формулировками («führende Verpackungsindustrie»; «wichtige Rohstoffe»; «recycelt»), вуалирует факт расточительности бизнеса и использования ресурсов природы, а официальная отчётность порой не совпадает с реальным положением дел: 1) переработка в Германии в числе прочего означает экспорт отходов в другую страну; 2) чёрный пластик не поддаётся переработке, в силу того, что инфракрасный свет, не распознаёт этот материал; 3) упаковки из смешанных материалов не поддаются переработке и т.д. (49).

Таким образом, звание «Профессионала в сфере сортировки мусора», принадлежащее Германии, вбирает в себя новый смысл и превращается в «Профессионала мусорных отходов»: «*Deutschland ist Müll(trenn)meister*» (49).

Именуемые «зелёными» электроавтомобили («*grüne Autos*») имеют в своём составе количество меди намного большее, чем в обычном автомобиле. Ср.: «Das Metall ist ein zentraler Rohstoff für die Herstellung von

Elektroautos. In einem E-Auto ist etwa 3,6-mal so viel Kupfer enthalten wie in einem Auto mit Verbrennungsmotor. Es befindet sich in den Batterien, den Elektromotoren und den Stromkabeln» (50). Высокое содержание этого тяжёлого металла, добываемого в медных рудниках Перу, было обнаружено в организме у местных жителей. Подобная концентрация металла в организме приводит к серьёзным заболеваниям и летальным исходам, а также наносит вред всей окружающей природе (50).

Приукрашивание действительности также реализуется через использование *эвфемистических слов и выражений*, смягчающих положение дел, которое с экологической точки зрения нуждается в реалистичном описании с целью сохранения креативности в языковой экосистеме.

Безусловно, эти иносказательные конструкции призваны смягчить первоначально грубое, резкое и агрессивное высказывание с целью снижения напряжения между коммуникантами и избегания эскалации конфликта.

Однако необходимо оговориться, что эвфемистические замены, использованные в контексте обсуждения серьёзной проблемы, порой оставляют за скобками саму проблему и впоследствии способствуют игнорированию вопроса о решении или реформировании сложившейся сложной ситуации.

Один из примеров подобных эвфемизмов приводит лингвист К. Ерведоса, анализирующая миграционный дискурс и дискриминирующий язык в Германии и подчёркивающая мысль о том, что в немецком обществе существует вопиющая языковая проблема, связанная с расизмом. Ср.: «Denn hierzulande herrscht ein eklatantes Sprach- und Wahrnehmungsproblem in Sachen Rassismus...» [URL: Anti-Rassismus]. Данная проблема вызвана систематическим устранением из повседневной коммуникации или даже табуированием лексических единиц, которые указывают на расизм и

антисемитизм: вместо слов «*Rassismus*» и «*Antisemitismus*» прибегают к помощи «*Ausländerfeindlichkeit*» или «*Fremdenfeindlichkeit*» («враждебное отношение к иностранцам») (51).

Лингвист опирается на мнение Комитета по ликвидации расовой дискриминации (UN-Anti-Rassismus-Ausschuss (CERD)), которое было сформулировано так: «Расовая предвзятость является повседневной проблемой в Германии ... Немецкой полиции ставится в упрёк некорректный выбор соответствующей терминологии, а также несовершенная регистрационная система» [URL: Es gibt Racial Profiling].

Термин Racial Profiling (буквально «расовая предвзятость»), заимствованный из английского языка, используется для обозначения личных досмотров, обысков, задержания полицейскими без конкретного основания для подозрения. Данное расовое профилирование происходит исключительно по причине наличия у подозреваемого определённых этнических особенностей: тёмный цвет кожи, предполагаемая религиозная принадлежность и т.д. Ср.: «Racial Profiling (rassistische Profilerstellung, auch "Ethnic Profiling" genannt) bezeichnet polizeiliche Maßnahmen oder auch Verhaftungen, die nicht auf einer konkreten Verdachtsgrundlage oder Gefahr erfolgen, sondern allein aufgrund von ("äußeren") rassifizierten ... insbesondere Hautfarbe oder (vermutete) Religionszugehörigkeit» (52).

Констатируя факт существования проблемы расовой предвзятости в немецком обществе, учёный опирается на анализ отчётов работников полиции, в которых наиболее частотными являются слова «*der Südländer*», «*südländisch*», «*Nafri*». По мнению лингвиста, подобные номинации являются поверхностными и выступают в роли ярлыков, которые навешиваются на людей, независимо от того, какой они национальности (52).

Перечисленные слова и выражения, с первого взгляда кажущиеся нейтральными или позитивными по своему значению, *вуалируют и*

приукрашивают действительность и, таким образом, приводят получателя этой информации к неверной интерпретации значения. Подобный вывод наводит на вопросы о том, является ли подобная коммуникация экологичной для человека, его восприятия мира и природы в целом.

В качестве примера языкового нивелирования, характеризующегося редукцией, нереализацией первоначальных задач, выступает феномен «разнообразия» («*Diversity*»), который был представлен в документальном фильме «*Diversity nur fürs Schaufenster?*» («Показное разнообразие?»). Журналисты сравнивают риторику NDR (Северогерманского радиовещания) и реальное положение дел.

NDR выступает наряду с другими более чем 4500 немецкими организациями за «разнообразие, сопричастность, справедливость и уважение» («*Vielfalt, Teilhabe, Fairness und Respekt*») в следующих контекстах: 1) женский спорт, в рамках которого женщины часто вынуждены бороться не только за медали, но и за признание. Северогерманское радиовещание запускает серию фильмов об экстраординарных достижениях женщин в спорте. Ср.: «*Frauen im Sport kämpfen nicht nur um Medaillen und Rekorde, sondern immer wieder auch um Wahrnehmung und Wertschätzung ... Dabei gibt es genug spannende Geschichten im Frauensport, die erzählt werden wollen*» (53); 2) квир-сообщество в Германии. Оно тематизируется в программах, фильмах, в которых обсуждаются вопросы толерантности немецкого общества к однополым бракам и т.д. Ср.: «*“Ehe für alle” : Wie gleichgestellt sind queere Menschen in Deutschland? Wie tolerant ist unsere Gesellschaft tatsächlich?*» (53); 3) покрытые женщины и то, насколько они представлены в медиaprостранстве (53).

Компания также выпускает короткометражный фильм под названием: «*Vielfalt ist im NDR auch unter den Mitarbeiter*innen sichtbar*» («Разнообразие в северогерманском радиовещании среди всех работников

должно быть видимым»). Название фильма включает в себя актуальный справедливый для всех гендеров *Geschlechtergerechte Sprache*, который призван элиминировать элементы дискриминирующей коммуникации (53).

Короткометражный фильм-интервью включает в себя беседы с работниками компании, имеющими миграционное прошлое, выходцами из африканских стран, Португалии и Ямайки. На вопрос о том, как обстоят дела с вопросом поддержания разнообразия, наряду с другими положительными отзывами, один из работников отвечает следующим образом: наличие разнообразия работников в коллективе компании, касающееся происхождения, религии или пола, не вызывает сомнения, однако есть к чему стремиться. Ср.: «*Es sieht schon hier und da gut aus, aber ich glaube, wir können bisschen **mehr Vielfalt** vertragen. Wir sind schon da **bunt**, vielleicht was die Herkunft der Mitarbeiter angeht oder die Religion oder das Geschlecht angeht, aber wir können noch viel **mehr Buntheit** bei uns im Haus gebrauchen*» (54).

В какой-то степени разоблачающие NDR результаты исследования, которым предшествовали многочисленные интервью с работниками офиса и наблюдения за реальным процессом работы компании, показали отсутствие покрытых женщин в коллективе: «*Hast du eine Frau mit dem Kopftuch gesehen – Nicht, dass ich mich erinnern könnte*»; «*Nein, ich kann mich nicht an eine Frau mit Kopftuch erinnern*» (55).

На предмет наличия темнокожих работников, людей с ограниченными возможностями или мусульман также были проверены списки и фотографии компании. Результат – ни одного из перечисленных типов среди представителей компании не было найдено. Были продемонстрированы списки лиц, возглавляющих определённые отделы NDR, среди которых оказалось 7 мужчин и только 3 женщины (55).

Были опрошены многие журналисты из сторонних организаций, а также телезрители разных возрастов, которые следующим образом

комментируют ситуацию: «Viele denken, die Nachrichten sind sowieso nicht für uns ... es geht um die Perspektive ... es geht immer um die *Weißperspektive*. Das schafft kein Vertrauen. Wenn viele Menschen, wenn es nicht für mich ist, dann soll ich das konsumieren»; «Alte *weiße Männer sind Intendanten und die Themen sind immer gleich und haben nur eine Perspektive* ... meine Realität wird so gut wie nie abgebildet. Diese Einseitigkeit schafft kein Vertrauen, dass Themen von allen Seiten betrachtet werden» и т.д. (55).

Оба комментария демонстрируют существование проблем языкового нивелирования, вуалирования фактов, а также приукрашивания действительности в рамках медиа, которые проявляются в одностороннем рассмотрении тех или иных новостей. Последствием становится зарождение недоверия и нежелания «потреблять» предложенную информацию.

Приукрашивание действительности, вуалирование фактов, неверная интерпретация значения формируют коммуникацию, порой выступающую в роли «войны формулировок» [Русский политический дискурс 2019: 83].

Подобная коммуникация вводит адресанта в заблуждение, поскольку воспринимаемые им вербальные знаки претерпевают метафорическое и эвфемистическое преломление в социальной реальности и формируют устойчивые негативные установки.

Таким образом, языковая практика приобретает имманентную манипулятивную направленность и при помощи высказываний, скрывающих нежелательные факты, воздействует на сознание и подсознание адресанта и нарушает экологическое пространство субъектов коммуникации.

Механизация реализуется через проецирование характеристик технических приборов на человеческую личность («*menschliche Eigenschaften auf Computer zu projizieren*»). «Мышление» человека заменяется на «многопроцессорную систему» («*Mehrprozessorensystem*»); компьютерный инженер рассуждает о «стандартизированных решениях

задач» («*Standardlösungen*») в рамках отношений с противоположным полом; психотерапевт указывает на необходимость «устранения неполадок» («*Debugging*») в психике пациента – подобные индикаторы говорят о движении человеческого самовосприятия в направлении механистической языковой системы («*verändertes Selbstverständnis des Menschen in Richtung auf ein mechanistisches Sprach-Welt-System*»). Таким образом, происходит своеобразное «программирование» природы («*Programmierung*” *der äußeren Natur*»): одушевлённое превращается в неодушевлённое, а главной задачей человека становится «экосистемный менеджмент» (“*Ökosystem-Managements*”) (56).

Нами были проанализированы немецкоязычные документальные фильмы на тему «*Selbstopoptimierung*» («Самооптимизация»), повествующие о стремлении человека к модификации своего тела и отношении к нему как к машине. Протагонистами этих документальных фильмов являются биохакеры и трансгуманисты, исследующие способы оптимизации работы человеческого организма при помощи новейших технологий.

Названия документальных фильмов говорят сами за себя: «*Selbstopoptimierung – der Wunsch nach einem besseren Ich*» («Самооптимизация – стремление к лучшей версии себя»); «*Selbstopoptimierung: Mit Botox und Sport zum perfekten Ich?*» («Самооптимизация: при помощи ботокса и спорта на пути к идеальному Я»); «*Wenn Selbstopoptimierung krank macht: Weg aus der Krise*» («Самооптимизация может привести к болезни: выход из кризиса»); «*Pumpen und biohacken: Männer und Selbstopoptimierung*» («Накачивание и биохакинг: мужчины и самооптимизация»); «*Das Ich als Fulltime-Job: Die Selbstopoptimierung des Körpers*» («Работа над проектом под названием “Я”: оптимизация тела»).

Один из главных героев документального фильма следующим образом описывает свою реальность: «*Ich bin der Cyborg, weil ich ein*

effizienterer Mensch sein will, nicht ein besserer. Für mich der Fortschritt ist der wichtigste Bestandteil im Leben, ohne Fortschritt gibt es keine Entwicklung. Wenn wir jetzt nicht beginnen, uns zu entwickeln, *den Übermenschen zu schaffen*, dann ist es für uns sinnlos. *Ich trage Implantate*, die Funktionen haben, ich bin *die Mischung zwischen Mensch und Maschine*. In meiner rechten Hand habe ich *einen Low Frequency Chip* und in meiner linken Hand habe ich einen *High Frequency Chip*. Mit meinem Chip kann ich mein Telefon entsperren. *Meine Bodymodification und subdermale Implantate haben effektiv keine Funktion*. Das ist rein, weil ich mein Aussehen ändern möchte. Ich wurde von der Fantasy Basel eingeladen, über *Transhumanismus* und über das *Cyborg Leben* zu sprechen, weil *ich mich als Cyborg bezeichne*. Ich glaube, Science-Fiction hat uns den Mut gegeben, Wünsche zu äußern, dass ein *Geist und ein Bewusstsein digitalisiert werden*, ist tatsächlich irgendwann möglich. Dass *ein Geist an zwei Stellen digital existieren kann, als Kopie, als Klon. Dass man Geist in einen anderen Körper swappen kann, das ist Body-, Wirtswappen*, das wird auch passieren. Der Mensch ist an einem Punkt angelangt, wo er stagniert. Wir haben keine Entwicklung mehr. Eine rein geistige Entwicklung reicht mir nicht. Das ist tatsächlich für die Zukunft nicht ausreichend. Es muss eine *körperliche und physische Entwicklung* geben. Wenn du dir über deinen Körper so bewusst bist, möchtest du *Makel und Schwachstellen entfernen*. Ich lasse mir *XBT-Chip-Implantate* setzen. Er kann meine Körperwärme auswerten und analysieren. Ich möchte *meine komplette Identität auf einem Chip haben*. Ich möchte auf meinem I-Pad sehen, was jetzt in meinem Körper abgeht, von meinem Blutzucker bis zu meiner Muskelentzündung, bis zu meiner Zahnfleischrückbildung, bis zu meinem Haarwuchs, alles...» (57).

Мужчина, демонстрируя металлические имплантаты, встроенные в его тело, позиционирует себя как киборг (слияние человека и машины) и трансгуманист. По его мнению, целью человеческого существования должен являться прогресс – создание эффективной версии себя,

сверхчеловека, обладающего определённым набором функций. Такой запрос логичен, поскольку на данном этапе своего развития человек оказывается в стагнации в плане своего физического и ментального развития. Следующий шаг – клонирование и цифровизация человеческого сознания и ума, а также возможность их перемещения в другие тела.

Главный герой выступает с докладом на выставке в Базеле в паре со своим коллегой, который говорит о себе: «Ich würde jetzt auf mein physisches Leben verzichten, um in digitaler Form weiter zu leben. Ich möchte unendlich leben. *Ich mache eine digitale Kopie vom Verstand, von Gehirn*» (57).

Если учитывать мощный технический прогресс в современном мире, подобные метафоры логичны и даже, возможно, уместны, однако такой «экосистемный менеджмент» (в терминологии В. Трампе), восприятие человеком себя как машины, формирует *механистическую языковую систему*, что, вероятно, является неэкологичным как для отдельно взятого человека, так и для окружающей действительности в целом.

«Самооптимизация» включает в себя также ряд тенденций, например, чрезмерное увлечение физическими нагрузками и диетами, болезненную увлечённость эстетической косметологией и т.д. Эти и другие явления создают многомиллионную «*Ich-Branche*», «*Körper als Maschine*» и «*Der Mensch als Datenpaket*» [URL: Das Ich als Fulltime-Job], стимулирующую человека к непрерывному потреблению в погоне за «идеальным Я».

Подобной идеи также придерживается британский эколингвист А. Стиббе, анализирующий тексты рекламных слоганов, печатные и электронные издания, призывающие общество к неэкологичному, с его точки зрения, паттерну поведения.

Обеднение языка – постепенное исчезновение стенойчных (способных жить только в определённых условиях) языковых выражений в угоду убиквитарным (распространённым повсеместно) модным словам и

выражениям, что влечёт за собой подрыв креативности языковой экосистемы.

Эвтрофикация языка – перенасыщение коммуникации большим количеством модных неологизмов, которые вытесняют изначально существующие в языке слова и выражения. Данный термин заимствован лингвоэкологами из экологии и первоначально означает «цветение воды, которое приводит к появлению бактерий, выделяющих токсины, вызывающие гибель живых существ в водоёме» [Вронский, 1999].

В качестве таких лингвотоксинов могут выступать гибридные языковые явления – *Denglisch* (*English und Deutsch*), а также *Kanakisch-Deutsch*, которые подробно описываются нами в отдельных разделах.

Приведённая выше классификация неэкологичной языковой практики демонстрирует конкретные слова и выражения, приводящие к нарушению связи человеческого рода с его природным окружением.

Языковая критика – один из важнейших атрибутов лингвоэкологии – является важной ступенью на пути к возможному реформированию языковой практики, сохранению разнообразия, креативности, «здоровья» языка и, как следствие, здоровья носителя языка.

3.2. «Вредные» англицизмы и их языковое поведение

На сегодняшний день английский язык занимает лидирующую позицию в международной коммуникации, а также активно проникает в лексико-семантические системы других языков.

Подобный процесс является естественным. Еще В. фон Гумбольдт писал о том, что невозможно рассматривать языковые ресурсы как некую завершённую структуру («*Man kann den Wortvorrat einer Sprache auf keiner Weise als eine fertige daliegende Masse ansehen*»), необходимо учитывать способность языка к постоянному образованию новых слов и выражений в

то время, пока он используется конкретным народом [Humboldt 1836: 75–76].

Интенсивное и масштабное влияние англицизмов также испытывает на себе современный немецкий язык, в котором формируется так называемый *Denglisch* (Deutsch + English), содержащий в себе порой чрезмерное количество английских слов и выражений [URL: *Denglisch*].

Проникновение английских лексем в немецкоязычную коммуникацию постепенно становится нормой, о чём свидетельствуют следующие гибриды из сферы межличностных отношений: с целью проявления сочувствия к собеседнику адресант использует «*Ich fühle dich*» по аналогии с английским «*I feel you*» или «*I feel this*»; высказывания «*Ich bin fein damit*» или «*Das ist fein für mich*» являются дословным переводом английских фраз «*I'm fine with something*» или «*It's fine with me*»(58).

Использование англицизмов актуально во многих других дискурсах: политическом («*das Image*», «*voten*», «*die Lobby*» и др.), экономическом («*das Brainstorming*», «*das Kick-Off-Meeting*», «*das Briefing*», «*das Feedback*», «*das Crowdfunding*», «*das Outsourcing*», «*der Cashflow*», «*das / der Start-Up*», «*der Global Player*», «*der Gender-Gap*» и др.), бытовом («*das Workshop*», «*die Performance*», «*der Showroom*», «*das Weekend*», «*der Business Lunch*» и др.), спортивном, например в горнолыжном спорте («*das Freestyle-Skiing*», «*der Head Judge*», «*die Riderin*», «*der Shaper*», «*der Flex*» и др.).

Если говорить, например, о спортивной терминологии, в рамках российской лингвокультуры, необходимо упомянуть, что в 2021 году общероссийский федеральный спортивный телеканал «Матч ТВ» ввёл список заимствований из английского, итальянского и французского языков, который делит слова на три категории: допустимые к употреблению в эфире, допустимые к употреблению в эфире только в специализированном поясняющем контексте и недопустимые к употреблению в эфире.

Большая часть спортивных терминов, вошедших в категорию недопустимых к использованию в эфире, являются англицизмами, среди которых значатся: *окей, перформанс, коуч, корнер, слоумоин, лайкать, мидфилдер, таргетмен, хайлайт, шорт-лист, чемпионшип* и др. (59).

Подобный стоп-лист был создан с целью указать на проблему чрезмерно активной экспансии англицизмов в русский язык, а также на необходимость использования креативных ресурсов родного языка, являющегося хранителем русского опыта.

М.А. Кронгауз в своей работе «Русский язык на грани нервного срыва» посвящает англицизмам в русском языке отдельную статью с красноречивым названием «Монегаски любят зорбинг». Учёный подчёркивает, что современная письменная и устная речь спортивных журналистов, комментаторов, фанатов и др. наполнена множеством терминов, заимствованных из английского языка: *зорбинг, дайвинг, фрисби, банджи-джампинг, скейтбординг, бодибилдинг* и т.д. Многие термины уже обладают определённой устойчивостью в русской языковой системе и, следовательно, в языковой картине русского человека. Но некоторые спортивные профессионализмы всё же звучат необычно и непонятно и вызывают у массового читателя определённые сложности в их понимании, например «*манкунцианцы*» и «*монегаски*» – калькированные заимствования из английского и французского языка: «*Mancunians*» – жители Манчестера, «*Monégasque*» – жители Монако (60).

Учёный указывает на существование как положительных, так и отрицательных последствий подобного калькирования спортивных (и не только) терминов. Неоспоримым преимуществом инкорпорирования новых терминов в русскую языковую систему является её обогащение, однако возможно формирование так называемой «лени языка», приводящей к «утрачиванию внутренних механизмов перевода» [Кронгауз 2019: 119].

Фокусируясь на анализе немецкоязычной коммуникации, необходимо заметить, что порой гибридный *Denglisch* способен вредить устоявшейся немецкой языковой системе в силу своей чрезмерности и непрозрачности для носителя языка [URL: Nikitina].

В соответствии со следующей классификацией существуют несколько видов англицизмов:

1) *заимствованные слова (Wortentlehnungen)*, которые подстраиваются под грамматический строй немецкого языка: слово «*das Internet, des Internets*», приобретающее в родительном падеже обязательное окончание «*-s*»; «*Keks*», образованное от «*cakes*». Ср.: «Erstens Wortentlehnungen, d.h. Übernahme eines englischen Wortes, das als Fremdwort der deutschen Grammatik und Schreibung angepasst wird» (61).

Такие заимствованные слова, как «*design*», «*recycle*» или «*surf*», инкорпорируются в немецкий грамматический конструкт: «*Ich designe eine Kaffeekanne*», «*du designst ein Auto*», «*der Architekt designt ein Haus*», «*ich recycle Papier*», «*er hat ein Haus designt*», «*wir haben Autoreifen recycelt*», «*ich will nächsten Sommer wieder surfen, surfst du mit mir*» (62). Английские глаголы вбирают в себя грамматические правила немецкого языка, например спряжение глаголов в настоящем времени и изменение глагола в трёх формах;

2) *калькирование (Lehnübersetzungen)* английских выражений в немецком языке, приводящее к потере значения калькированным высказыванием: английское «*it makes sense*» трансформируется в «*das macht Sinn*», поскольку глаголы «*machen*» или «*tun*» («*делать*») не идентичны по значению английскому глаголу «*make*», синонимом которого является «*herstellen*» («*создавать*»), то есть буквально смысл («*Sinn*») не может быть «*создан*» («*herstellen*») (61).

Б. Зик в своей статье «*Stop making sense*» также указывает, что в немецком существуют устоявшиеся выражения «*Das ist sinnvoll, das ist nicht*

sinnvoll», «*Das ergibt einen Sinn*», «*Das hat einen Sinn*», «*Ich sehe einen Sinn darin*», «*Wo bleibt da der Sinn*», «*Mir vermag sich der Sinn nicht zu erschließen*», способные и дальше самостоятельно функционировать в языке без помощи заимствований (62).

Дословной калькой также является выражение «*Er hat einen guten Job gemacht*» («*He did a good job*») вместо «*Er hat seine Sache gut gemacht*» в значении «Он справился со своей задачей» (62).

3) *заимствованный перенос (Lehnübertragungen)*, реализующийся в дословном переводе только части слова: «*Untertreibung*» в значении «преуменьшение, занижение», образованное от английского «*Understatement*» (дословный немецкий перевод «*Unterbehauptung*»); «*Wolkenkratzer*» от «*skyscraper*» (дословный перевод «*Himmelskratzer*») (61);

4) *семантическая калька (Lehnbedeutungen)*, при которой уже существующие в немецком языковом конструкте слова под влиянием английского языка приобретают новое значение: глагол «*realisieren*» вместо своего устоявшегося значения «*in die Tat umsetzen / in Geld verwandeln*» («выполнять, осуществлять») используется в значении «*bemerken, begreifen, sich einer Sache bewusst werden*» (*to realize*), т.е. «осознавать» (61);

5) *псевдоанглицизмы (Scheinentlehnungen)* выступают в роли ловушки, вводящей коммуникантов в заблуждение. Одним из примеров является понятие «*Homeoffice*», которое активно стало распространяться в немецком языке во время пандемии COVID-19. Данное английское слово используется немецкоязычными носителями языка не совсем корректно в силу того, что первоначально удалённая работа из дома, а не в офисе обозначается в английском языке как «*work remotely*» или «*from home*», а не «*work at a home office*». «*Homeoffice*» для англофонов означает «департамент правительства Великобритании, ответственный за

иммиграционный контроль, а также за правительственную политику по вопросам безопасности» (63);

б) *гибридизация (Hybridbildung)*, представляющая из себя комбинацию немецких и английских элементов: «*Millionendeal*» (буквально «миллионная сделка») (61).

В качестве других тенденций при заимствовании англицизмов можно отметить следующие гибридные образования:

1) английское окончание *-ed* используется для обозначения причастия второго: «*gedownloaded*» («скачанный») от «*downloaden*», «*getuned*» («налаживать») от «*tunen*» (61);

2) «*Club*» пришедшее из английского, приобретает в немецком иной фонетический облик и произносится буквально как «Клупр», так как немецкое «*b*» на конце слова превращается в глухое «*k*» (61);

3) апостроф в немецком языке используется для обозначения выпадения гласной в словосочетании или для демонстрации принадлежности в родительном падеже после буквы *-s*: «*Ich hab's vergessen*» вместо «*Ich habe es vergessen*»; «*Justus' Schuhe*», «*Marx' Werke*». Однако зачастую немецкоязычное сообщество в результате отрицательной интерференции английского языка создаёт так называемый «*Derrenapostroph*» («идиотский апостроф»): ненужный апостроф в родительном падеже – «*Susi's Bar*»; в клитиках – «*Stark für's Leben*»; в формах множественного числа существительных – «*Handy's*» (61);

4) немецкие возвратные глаголы, испытывая на себе влияние английского языка, превращаются в переходные глаголы: «*Ich erinnere das nicht*» вместо «*Ich erinnere mich nicht daran*» (61);

5) строй немецкого предложения может иметь свойство нарушаться и подчиняться правилам английской грамматической системы: «*Kanzlerin Merkel zeigt es sich erschüttert angesichts des Terroranschlags*» вместо «*...zeigte sich angesichts des Terroranschlags erschüttert*», где

причастие второе должно занимать последнюю позицию в предложении, или «*Die Minister haben sich getroffen und zwar in Berlin*» (подобно английскому варианту: «*The ministers have met in Berlin*», где причастие второе занимает не последнюю позицию в предложении, а ставится сразу после вспомогательного глагола (61).

Исследователь Б. Зик в своей ироничной статье «*Er designs, sie hat recycled, und alle sind chatting*» задаётся справедливым вопросом о том, целесообразно ли активное использование не исконно немецких слов, а их онемеченных англицизмов, и понятны ли носителю немецкого языка подобные высказывания: «*Boxkämpfe werden promotet*»; «*Flüge werden gecancel*»; «*Mitarbeiter werden gebrief*» и т.д. (62).

Дефиниции вышеперечисленных и многих других ассимилировавшихся в немецкий язык англоязычных заимствований можно обнаружить в сборнике англицизмов («*Der Anglizismen-Index 2023. Deutsch statt Denglisch*»), созданном в 2023 году Обществом немецкого языка (Verein Deutsche Sprache). Сборник характеризуется большим охватом описываемой лексики, взятой из различных сфер жизни, и, благодаря приведённым немецким эквивалентам, помогает разобраться в значении какого-либо термина: «*Access*» – «*Zugang, Zugriff, Zutritt*»; «*application*» – «*Anwendungsprogramm in Rechner oder Telefon*»; «*background*» – «*Hintergrund*»; «*champ*» – «*Sieger*»; «*crime*» – «*Verbrechen*»; «*cyborg*» – «*Maschinenmensch*» и др. (64).

Общество немецкого языка каждый год дополняет сборник новыми англицизмами, что позволяет проанализировать динамический процесс функционирования иноязычной лексики в немецком языке.

Создавая и совершенствуя данный сборник, Общество немецкого языка призывает немецкое общество к разумной критике модных иноязычных заимствований, засилье которых диагностируется в речи современных жителей Германии [URL: Tag der deutschen Sprache].

Приведённые примеры свидетельствуют о существовании тревожной тенденции загрязнения немецкого языка большим количеством излишних английских морфем, лексем, словосочетаний и фраз, что может привести к эвтрофикации языка, т.е. его загрязнению в результате антропогенного воздействия. Ср.: «Die aufgeführten ubiquitären Modewörter, die zur Sprachverarmung führen können, können gleichzeitig bei einem massenhaften Auftreten zu einer Spracheutrophierung führen» [Trampe 1990: 218].

Так, показательным примером является подкаст «DirTeaTalk» популярной немецкой рэп-исполнительницы Ширин Дэвид, в котором обсуждаются новости из мира искусства. Певица и её гости ведут беседу преимущественно на немецком языке, однако в их речи используется множество англоязычных заимствований.

В подкасте с участием актёра Teddy были использованы английские слова, словосочетания, а также целостные фразы: «*Welcome back bei DirTeaTalk*»; «*Wann ist es die richtige Entscheidung, seinen eigenen Vater zu ghosten*»; «*Hier kommt ungeschlagener King of entertainment*»; «*Ich brauche meine eigene lane*»; «*Let's be honest, wer kann bessere Ratschläge geben als ich*»; «*Er hat das ganz serious gemacht*»; «*Das ist situationship*»; «*Wir supporten einander*»; «*Du bist cool mit Leuten, watch your mouth*»; «*Aus Solidarität muss ich was dropen*»; «*Ich war früher broke*»; «*Self care ist wichtig*»; «*Congrats!*» (65).

Аналогичная ситуация наблюдается в одном из выпусков немецкоязычной программы «Deer und deutlich», гостями которой стали писательница Р. фон Рённе, парфюмер Jeremy Fragrance, а также телеведущий А. Якобс. В данном выпуске гости делятся своим жизненными историями, связанными с рядом различных проблем: депрессия, квинт-сообщество в Германии, взлёты и падения в карьере и др.:

Интервью с А. Якобсом: «*Let's be honest, super viele Menschen kommen raus*»; «*Legid, das war immer so*»; «*Sie war immer meine Riesensupporterin*»;

«Wenn alles **pink und girly** ist»; «Ganz viele **queere** Menschen flüchten»; «Das ist wichtig, dass ich mich selber **protecte**»; «Ich komme mit dieser **Attitude**, dass ich mich selber schütze»; «Das war **kindness**»; «Du hast wieder deine **privilege** genutzt» (66);

ИНТЕРВЬЮ с Р. фон Рёне: «Ihr seid die **Hosts**»; «Diese depressiven Phasen kommen mit **vengeance**»; «Ich bin **so sad**, ich schreibe meine traurigen Gedanken auf»; «Jetzt bin ich **married**»; «Ich sage es einfach – **it’s not my thing**»; «**Honestly so** – Wenn es **worked for you, then it’s fucking valid**»; «**More Power to you**, das ist großartig»; «Glück ist nie das Ziel beim **mental Health**»; «Okay, ich bin einfach ein Mensch, **I need my little Things**» (67).

ИНТЕРВЬЮ с Jeremy Fragrance: «Damals war ich in einer **Boy-Band**»; «Er macht jetzt **safer creations**»; «Das sind **hidden Jams** oder versteckte Schätze»; «Schade, denn Chanel ist **privately held**»; «Ich kann richtig **edgy** sein»; «Nichts besonderes, **total basic**»; «Für deine Mama, oder **who ever**»; «Wie sieht man das Thema **Imposter** Syndrom»; «Ja, kein Problem, **easy going**»; «Das wäre der nächste **Level** für mich»; «Dann bist du **so flat**» (68).

Один из выпусков музыкального подкаста А. Нажати «Hyped» с участием немецкой певицы Charisma, исполняющей свои песни в стиле ритм-н-блюз, также содержит множество англицизмов: «Ich bin **ready**»; «Das hat lange Zeit gedauert, mein **Sound** zu finden»; «Ich bin einfach mit dem **Flow** mitgegangen»; «Die 2000-er sind **all over the place** in deinen Videos, im **Outfit**, in der Musik»; «Diese **top Lines** und **Glitter** sind ganz wichtig für mich»; «Dieses **Girlymässige** an den **Songs**»; «Jede Person war **special**»; «Sie **checken** deine Vision»; «Beim Singen habe ich viele **Ranges**»; «Das ist einfach **magic**»; «Er ist mein **Producer**»; «Ich habe ein **story**»; «Welchen **Song** ich **picke**»; «Ich bin **safe**»; «Das ist **crazy, nice**»; «Ich versuche es zu **pushen**»; «Ich bin **overthinker**»; «Du hast ein sehr persönlichen **Song released**»; «Sie konnten dazu **relaten**»; «Die Situation mit meinem **Dad**»; «Gab es danach **reactions** von ihnen»; «Ich habe

noch meine struggles»; «*Man kann diese kulturelle heritage presenten*»; «*Woher kommt deine Family*» (69).

По нашим количественным подсчётам, около 40% лексики в проанализированных выпусках подкаста «DirtTeaTalk», «Hyped» и программе «Deer und deutlich» составляют англоамериканизмы.

В данном контексте, отражающем нездоровую тенденцию развития немецкого языка, уместно использовать ироническую фразу П. Кёлера: «Selbst wenn es um Deutsch geht, ist das Deutsche *out*» (70).

3.3. Социолект Kanakisch-Deutsch в лингвоэкологической проекции

В настоящий момент существует запрос, предусматривающий существование этической рефлексии, появившийся в процессе взаимодействия языков и культур на фоне усилившейся международной интеграции и глобализации.

Подобный запрос актуален для Германии, являющейся принимающей стороной для большого количества людей с миграционным прошлым. Так, формирование плюралистического немецкого общества, смешение культур и их взаимное проникновение друг в друга рождает новые гибридные языки – *Kanakisch-Deutsch*, *Denglisch*, которые также вызывают тревогу со стороны носителей языка из-за использования большого количества неоправданных заимствований в немецком языке (А. Fill, В. Sick, М. Freidank, О. Nikitina и др.).

Kanakisch-Deutsch / *KanakSprak* / «канакский язык» является языковой вариативностью, сформировавшейся в результате смешения немецкого и турецкого языков [URL: *Kanakisch*]. Словосочетание *Kanak Sprak* часто используется с негативным, уничижительным значением («...umgangssprachlich, abwertend: Sprachform des Deutschen mit starken Einflüssen des Türkischen») [URL: *Kanak Sprak*], поскольку подобный

«ломанный» язык возникает в результате «конфронтации носителей немецкого языка с совершенно другой идентичностью» [Копчук 2019: 31].

Пришедшее из полинезийских языков слово «kanake», первоначально означало «житель Полинезии», однако впоследствии оно стало использоваться в рамках немецкого молодёжного сленга в качестве оскорбления по отношению к людям, обладающим миграционным прошлым, мигрантам. Ср.:

1) (polynesischer) Bewohner der polynesischen und Südseeinseln von Neukaledonien; 2) Schimpfwort für südländische Ausländer [URL: Kanake]. Полинезийское слово «kanake» в процессе его установления в рамках немецкого языка приобрело синоним «Hanake» (букв. «грубый, подлый человек»). Ср.: grober, plumper Mensch; niederträchtiger Mann [URL: Hanake].

М. Фрайданк, анализируя и систематизируя отличительные особенности Kanakisch Deutsch, приводит в качестве примера беседу двух друзей: *«Hier Alder, dem Kumpel von mich hat dem gansn Cabrio von Chef angezündet, dem gansn, isch schwör dir. Dem Pennern hat seim Vattern dem erzählt. Dem hat voll von Vattern auf Fresse gekriegt und in ganze Stadt war Bullenalarm, voll korrekt, isch schwör dir, und dem Kumpeln war in Stadt noch mit Streischhölzer in Hand. Isch schwör dir dem Bullen haben dem Pennern gecasht, ihn Scheiss, jetzt hat Bewährung dem Pennern, so voll krasse Idiot musstu erstmal sein, weisstu. Normal wenn Polizei kommt, weisstu, machst du schnell. Aber weisstu, dem Kumpeln is do dumm Alder, den is soo dumm wie Arschloch, weisstu wie isch mein»* (71).

Данный пример свидетельствует о том, что для Kanakisch-Deutsch характерна минимизация речевых усилий и упрощённая грамматика. Проанализируем отдельные фрагменты данного разговора, являющиеся девиациями на грамматико-синтаксическом, лексическом, орфографическом языковых уровнях:

1) опущение артикля перед существительными (von Chef, von Vattern, jetzt hat Bewährung);

2) опущение предлогов места перед существительными (Stadt war Bullenalarm);

3) использование «универсального» артикля «dem» для всех существительных (dem Kumpel, dem Pennern);

4) использование специфической формы обращения («Alder»);

5) вкрапление множества однотипных эмоциональных экспрессивных фраз («weisstu wie isch mein», «isch schwör dir», «weisst»);

6) сокращение глагола и его последующее соединение с местоимением («weisstu»);

7) нарушение пунктуации и порядка слов в предложении («Isch schwör dir dem Bullen haben dem Pennern gecasht, ihn Scheiss, jetzt hat Bewährung dem Pennern»);

8) частое использование просторечных слов и вульгаризмов: («Scheiss», «korrekt», «Fresse», «Bullen», «gecasht», «dem Pennern»);

9) превращение умлаута «ü» в «u» («angezundet»);

10) опущение части членов предложения и отдельных букв в словах («dem gansn», «und in ganze Stadt war Bullenalarm», «Normal wenn Polizei kommt, weisstu, machst du schnell»).

Лингвист М. Фрайданк также замечает ещё одну часто встречающуюся особенность канакского языка, которая заключается в намеренном сцеплении слова «*Alder*» со стоящим перед ним словом. Данная лексема, как правило, ставится на конец предложения и является словом паразитом, не несущим в себе какой-либо смысловой нагрузки: «*Isch hab Tussalder!*» («Ich habe eine Freundin»); «*Dem is ein Futtalder!*» («Diese Frau ist mir unsympathisch»); «*Bist du schwulalder?*» («Bist du ein Weichei»); «*Halts Maulalder!*» («Könntest du bitte mal kurz ruhig sein») (72).

Появление канакского языка инспирирует учёных анализировать изменения, происходящие в немецкой языковой практике, а также критически осмыслять экстралингвистические факторы, способствующие его возникновению.

Однако необходимо заметить, что на фоне языковой гибридизации в рамках мультикультурного немецкого государства могут усугубляться межнациональные конфликты и вербальная агрессия, поскольку *Kanak Sprak*, на котором «говорят не только турки, живущие в Германии, но отчасти и другие мигранты, часто идентифицирует их как чужих и придаёт негативную оценку их социальному статусу» [Кострова 2020].

Учитывая актуальность данной темы, издание «*Süddeutsche Zeitung*» совместно с немецкими лингвистами проанализировало и «перевело» на стандартный немецкий язык следующие высказывания: «*Yalla*» («Los geht's»); «*Machst du rote Ampel*» («Du gehst bei Rot über die Straße»); «*Hast du U-Bahn?*» («Nimmst du die U-Bahn?»); «*Ich hab Fahrrad*» («Ich nehme das Fahrrad»); «*Was guckst du, bin ich Kino?*» («Provozier mich nicht»); «*Wallah*» («Ich schwöre»); «*Siktir*» («Hau ab», «Verpiss dich»); «*Cüs*» («Krass»); «*Ich mach dich Messer*» («Ich greife dich mit einem Messer an»); «*Ischwör*» («Ich schwöre», «Wirklich») (73).

В качестве следующего примера выступает модернизированная сказка «Волк и семеро козлят» («*Der Wolf und die sieben jungen Geißlein*»), название которое было изменено – «*Dem Rolf un dem siebn Geiseln*» (букв. «Рольф и семь заложников»).

Изобразим графически конкретные места в тексте, указывающие на наличие типичных особенностей *Kanakisch-Deutsch*:

Da war *ma eim Chefin Weinkellern*, dem hat *siebn Tussn* gehabt *dem ham* da gearbeitet. Dem hat *ma* zu *dem siebn Tussn* gesagt: “Hier, *isch geh ma Bäcker*. *Isch* schließ *dem Kellern ma* ab, weil sonst kommt *dem böse Rolf un will Kohle abripfen*. *Weisstu*, *dem* hat so krass rauhe Stimme *un schwarse*

Schlappen. Lass *dem net* rein! *Dem is Arschloch!*”. Als dem Chef bei Bäcker war, hat so *eim Pennern an Tur gekickt*: “Hier, lass *misch ma* rein, *Alder! Isch brauch ma swei Flaschem, isch schwör!*”. *Dem Tussn ham* gesagt: “*Alder, du hast schwarse* Schlappen *un* rauhe Stimme wie Rolf! Du bist *dem Scheißndreck!*”, hat *dem Rolf* gesagt *un* is Burogeschäft *gefahrt un* hat Kreide besorgt *un dem* voll krass ekelhaft gefressen bis *dem konkrete* Weibernstimme *gahabt* hat *un* dann sich noch weisse *Tusschlappen von dem Tuss, dem selbern* gehabt hat geholt *un is widern in Kellern*: “Hier, lass *misch ma* rein, *Alder!*”.

Dem Tussn ham gedacht, dem is dem net un ham dem reingelasst. Brutalst schnell hat dem Rolf bei Tussn perverseste Propellerkicks in Fresse reingemacht, un wollt dem Kohle abrippen un dem siebn als Geiseln nehmen. Abern da kam Chef *un* hat dem Rolf bis in nächste Weinfass *gekickt!* Dann hat dem *dem Rolf rausgeschmeisst*. Weil *dem Rolf* voll krass voll war, hatte *dem* voll Nachdurst *un wollt Wasshern saufen abern dem* hat sich gedacht: “*Alder, was rumpelt un bumpelt so in scheissndreck Bauch? Alder, isch kotz gleich!*”. *Dem hat dem dann auch gemacht. Arschloch!* (74).

Отметим некоторые особенности функционирования канакского языка в данной сказке: 1) происходит видоизменение всех частей речи, их сокращение или соединение с другими членами предложения – «weisstu», «schwarse», «eim», «Wasshern», «hastu» и др.; 2) все существительные во множественном числе приобретают окончания «m» или «n» – «Tussn», «Kellern», «Scheißndreck» «dem Kellern» и др.; 3) местоимения и другие части речи приобретают окончания «sch» – «isch», «gleich» и др.; 4) числительные видоизменяют своё написание – «swei», «siebn» и др.; 5) второе причастие видоизменяется – «gefahrt», «gahabt», «reingelasst», «rausgeschmeisst» и др..

Ещё одним примером служит трансформированный фрагмент сказки Братьев Гримм «Гензель и Гретель» («Hänsel und Gretel»): Murat und Aische gehen *dursch Wald*, auf Suche nach *korrekte Feuerholz*. Aische fragt Murat:

“Hast du Kettensäge, Murat?”. Murat: *“Normal! Hab isch in meine Tasche, oder was!?”*. Auf der Suche nach *korrekte Baum*, verirren sie *sisch krass in dem Wald*. Murat: *“Ey scheissse, oder was!?”* Hast du *konkrete Plan*, wo wir sind, *oder was!?”* Aische: *“Ne scheissse, aber isch riesche Dönerbude!”*. Murat: *“Ja faaaatt!”* Aische: *“Normal, da vorn an den Ecke!”* So fanden schliesslich *dursch Aisches korrekte siebte Döner-Such-Sinn die Dönerbude*. Sie probierten von *jede Döner*. *Plotzlich kamm voll den krasse Frau* und fragt: *“Was geht, warum beisst ihr in meine Haus? Als Strafe sperrte den Hexe Murat in krass stabilen Käfig*. Zu Aische sagte sie: *“Du Frau, du kochen für misch und verkaufen die Döner an den Theke”*. Murat wurde *gemastet bis korrekt fett fur Essen*. *Doch ein Tag hatte Aische einen fixe Idee*. Sie fragte: *“Wie geht den mit den Dönerbrotofen?”*. Hexe: *“Was geht? Bist du scheissse im Kopf, oder was?”* Aische: *“Normal, isch hab kein Plan, zeigen mal, wie geht!”* Hexe: *“Machen das! Komm her und mach den Augen auf!”* Aische: *“Korrrekt!”* *Dem Hexe bückte sisch*, um den Dönerofen anzuschmeissen. In den Augenblick Aische kickte *mit korrekten Kick-Box-Kick in die fette Arsch*. *Dem Hexe* sagte: *“AAAh, scheissse, was geht? Isch fall direkt in die Scheisendrecofen. Oder was! Aah isch hab krasse Schmerzen!”*. Aische freute *sisch* und sagte: *“Korrekt, den Alte ist konkret tot!”*. Murat: *“Ey, Aische, krasse Idee! Hol misch aus die scheissss Kafig, Alde!”* Aische: *“Normal, oder was!?”* (75).

На основе проведённого анализа необходимо сделать вывод о том, что на фоне ряда экстралингвистических факторов, в частности мировой глобализации и активных миграционных процессов, неминуемо возникают различные гибридные лингвистические вариативности. К одной из таких вариативностей относится немецкий социолект Kanakisch-Deutsch (Kanak Sprak), характеризующийся слиянием немецкого и турецкого языков.

Несмотря на наличие юмористической тональности во многих контекстах, в которых представлен исследуемый социолект, мы обращаем внимание на наличие неэкологичной характеристики у данного явления.

Маркерами неэкологичной коммуникации являются излишние и немотивированные заимствования и языковые гибриды, способные осознанно и неосознанно закладывать в социуме негативные установки и стереотипы, поскольку может происходить постепенное *обеднение* (Sprachverarmung) и *эвтрофикация языка* (Spracheutrophierung).

3.4. Паттерн неэкологичного общения в австрийском варианте немецкого языка

Транслингвальный аспект лингвоэкологических исследований рассматривается в нашей работе в рамках не только стандартного, но и австрийского варианта немецкого языка.

Данный раздел фокусирует своё внимание на анализе дискриминирующего языка и вульгаризированной лексики в современном австрийском варианте немецкого языка с точки зрения их функциональности. Нами выбрана подобная перспектива, поскольку инвективные, диффамирующие высказывания, включающие в себя вульгаризмы, обладают обширным перечнем функций. Помимо своей основной задачи – понижение статуса, оскорбление и унижение собеседника – вульгаризмы способны раскрывать свою «двойственную природу», выполняя функцию установления контакта между членами какого-либо сообщества, а также функцию ассенизации (очищения) коммуникативного пространства и катализатора эмоциональной разрядки, катарсиса.

Лингвист О. Хаврилив, исследуя *маледиктологию* (Malediktologie, от латинского maledicere – «оскорбление») – относительно новую лингвистическую дисциплину, основным объектом которой являются инвективы в виде вульгарных, обценных слов и выражений, – констатирует наличие тенденции изменения «ландшафта ругательств» в австрийском обществе [URL: Malediktologie].

Самыми популярными оскорблениями, по словам учёного, являются «*Trottel*», «*Wichser*», «*Schlampe*», «*Oaschloch*», «*Idiot/en*», «*Sau, Drecksau*», «*Oasch*», «*Depp*», «*Hure*» (76). В соответствии с «Электронным словарём немецкого языка» («DWDS») данные слова интерпретируются как уничижительные, вульгарные, обценные и грубые.

Наравне с существованием феномена взламывания социальных табу и использованием табуированной лексики учёным отмечается тенденция уменьшения количества оскорблений в виде дискриминирующих высказываний на тему национальной принадлежности (*Nationalschelte*) среди детей и подростков. Ранее часто используемые в молодёжной среде «*Tschusch*» и «*Kanake*» («чурка») перестают быть популярными и заменяются на нейтральное высказывание «*Du gehörst nicht zu uns*». По словам учёного, такие эвфемистические сообщения нуждаются в дальнейшем анализе и проверке на предмет своей экологичности / неэкологичности, поскольку они всё же являются не менее обидными, чем вышеуказанные вульгарные слова (77).

Снижение «градуса напряжённости» наблюдается также у классических слов «*Scheiße*» и «*Oida*», которые в настоящее время являются элементом, заполняющим паузу в речи («*Pausenfüller*»), и выполняют функцию установления связи с участниками сообщества.

Помимо уменьшения интенсивности вербальной агрессии, наблюдается стремление адресанта придать креативность своим инвективным сообщениям, основными темами которых по-прежнему остаются темы, связанные с сексуальными отношениями, человеческим низом, отходами жизнедеятельности и др.: «*Ich habe deine Mutter letzte Nacht im Puff gebumst*»; «*Wünsche dir Krätze am Oasch und zu kurze Hände zum Kratzen!*»; «*Der Blitz soll di (beim Scheiß'n) derwischen!*»; «*I reiẗ da den Schädel ob und scheiß da in den Hals*» и др.(78).

Перечисленные вульгарные высказывания принимают форму грубых оскорблений и проклятий и, таким образом, нарушают существующие в обществе табу.

О. Хаврилив в процессе исследования репрезентации дискриминирующего языка и вульгаризмов в речи австрийской молодёжи проводила опрос на тему: «Почему вы используете в своей речи – оскорбления?» – и получила любопытные результаты: 74% опрошенных прибегают к оскорблениям с целью высвобождения негативных эмоций, 16% используют вульгарные высказывания в качестве шутки, иронии и дружеского подтрунивания и только 11% прибегают к вульгаризмам с целью унижения и оскорбления, а также провокации собеседника [URL: Das neue Schimpfen].

Результаты опроса указывают на амбивалентную природу вульгаризмов, а именно на инициируемую ими *фиктивную вербальную агрессию* («fiktive verbale Aggression»), функционирующую в виде шуток. Обращение к близкому другу может сопровождаться высказываниями, использующимися в качестве шутивого подтрунивания, – «*Du bist Hurenschusch*» («Tschusch» на территории бывшей Югославии имеет значение «иностранец») или приветствия – «*Wüsta Fotzn?*» («Du willst gleich eine Ohrfeige bekommen») (76), (78).

По нашим предварительным наблюдениям, дискриминирующий язык и вульгаризированная лексика разнообразно представлены в рамках австрийского варианта немецкого языка.

Любопытной тенденцией, наблюдающейся в австрийском варианте немецкого языка, является приобретение словами и выражениями нейтральной или положительной коннотации.

Подобная трансформация предоставляет участникам разговора возможность рефлексии на тему экологичности / неэкологичности

(токсичности) коммуникации и даёт шанс выстраивать конструктивный диалог, не унижающий достоинство собеседников.

Квантитативные показатели в транслингвальном аспекте суммируются на рисунке 2.

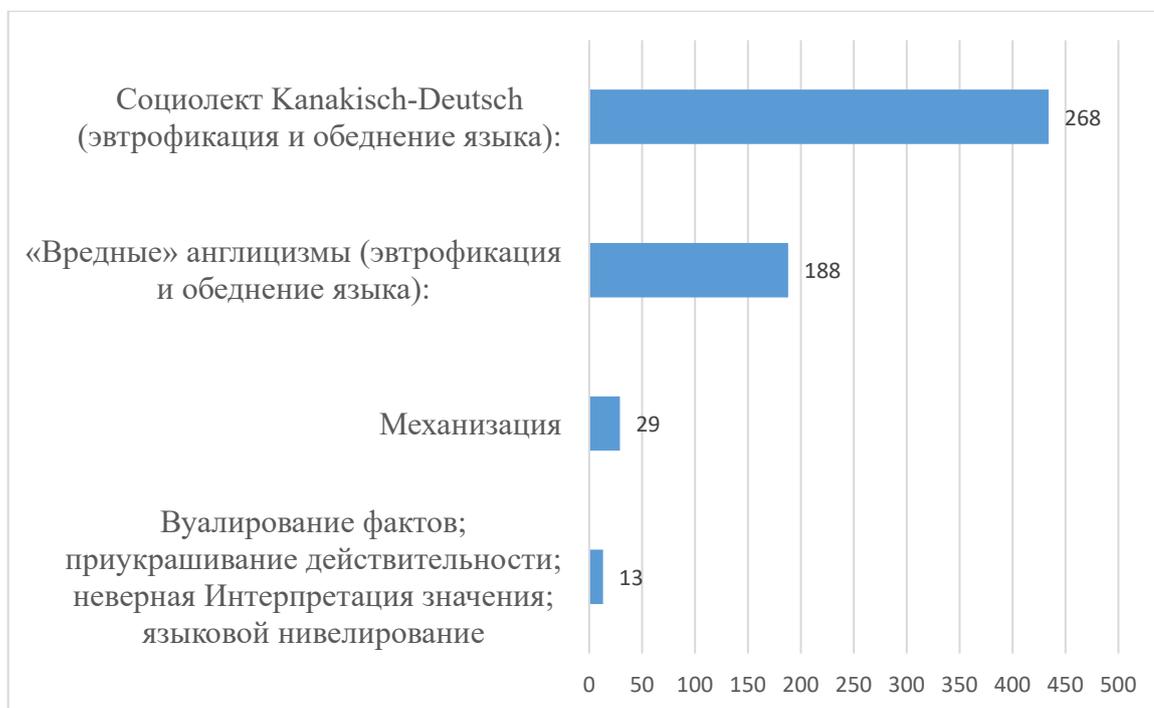

Рис. 2. Лингвотоксичные процессы в рамках транслингвального аспекта

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3:

Транслингвальный аспект лингвоэкологических исследований в данной работе включает в себя индикаторы неэкологичной языковой практики, способные наносить вред окружающей среде. Подобные индикаторы создают неэкологичную, деструктивную коммуникацию, нарушающую контакт между человеком и природой, а также негативно воздействующую на креативность, стабильность и разнообразие языковых экосистем.

При обозначении прецедентов неэкологичной коммуникации, можно использовать следующую классификацию 1) вуалирование фактов; 2)

приукрашивание действительности; 3) неверная интерпретация значения; 4) языковое нивелирование; 5) механизация; 6) обеднение языка; 7) эвтрофикация языка.

Коммуникация, включающая в себя вуалирование фактов, приукрашивание действительности, языковое нивелирование, приводит к неверной интерпретации значения вербальных знаков, а также вводит её участников в заблуждение.

Механизация – присваивание человеку свойств технических устройств – также представляет собой спорное явление, неэкологичное как для отдельно взятого человека, так и для окружающей среды.

Примеры обеднения и эвтрофикации языка – гибридные лингвистические вариативности *Denglisch* и *Kanakisch-Deutsch*. Данные гибриды интерпретируются нами как лингвотоксичные процессы, возникшие в речи в результате антропогенной нагрузки на язык.

Чрезмерное использование англицизмов в речи и, как следствие, возникновение *Denglisch* в перспективе приводит к «лени языка», которая может способствовать утрачиванию языком внутренних механизмов перевода. Калькирование английских слов и высказываний, псевдоанглицизмы формируют дополнительные препятствия на пути к пониманию собеседника.

Наряду с неэкологичным характером активного внедрения англоамериканизмов в речь носителя немецкого языка существует тенденция к интернационализации и упрощению, например, профессиональной коммуникации. Подобное происходит при условии наличия в языке лакун, которые могут быть заполнены уже устоявшейся и общепринятой английской альтернативой.

Наряду с *Denglisch* в немецком языке возникает социолект *Kanakisch-Deutsch*, характеризующийся интеграцией турецкой и арабской лексики в немецкую языковую систему. Этот процесс, как и в случае с *Denglisch*,

происходит на фоне усилившейся международной интеграции и глобализации.

Наряду с формированием мультикультурного немецкого общества и рассмотрением языка с точки зрения новых перспектив возникает тревога в контексте взаимодействия между немецким и турецким языками. Беспокойство, связанное с сохранением чистоты и здоровья языковой практики, оправданно в силу констатации факта мутации и реконструкции немецкого языка. Целью коммуникации в рамках Kanakisch-Deutsch является быстрый обмен информацией, сопровождающийся минимизацией речевых усилий, нарушением грамматических правил стандартного немецкого языка и использованием сниженной просторечной лексики.

Использование в языке / речи лингвотоксичных явлений в виде Denglisch и Kanakisch-Deutsch проблематично, поскольку они способны привести к замене и вытеснению равноценных немецких слов, а также эскалации межнациональных конфликтов.

В рамках транслингвального аспекта перспективным также является исследование лингвотоксичных явлений в виде дискриминирующего языка и вульгаризированной лексики в немецком варианте австрийского языка. По предварительным наблюдениям, анализируемые процессы обладают амбивалентной сущностью и имеют свойство постоянно изменяться в зависимости от культурного контекста и ряда экстралингвистических факторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования лингвоэкологических аспектов коммуникации, реализуемых в немецкоязычной среде, можно сделать следующие заключения.

Основной задачей лингвоэкологии продолжает оставаться диагностирование и анализ неэкологичной языковой практики в рамках различных видов дискурса с целью повышения уровня культуры и здоровья отдельного индивида, общества в целом, а также сбережения «здоровья» самого языка, предотвращения его деградации и сохранения его креативности.

Исследование особенностей немецкоязычной коммуникации с точки зрения её экологичности / неэкологичности (токсичности) выявило комплекс проблем, начиная с лингвистических, заканчивая экологическими, требующими междисциплинарного подхода к их изучению.

Проведенный анализ показал, что одним из основных маркеров неэкологичной (токсичной) коммуникации выступают лингвотоксичные процессы, функционирующие в рамках *интра-* и *транслингвального* аспектов экологии языка. Лингвотоксины способны наносить вред «здоровью» языка, а также здоровью языковой личности и социума в целом.

Междисциплинарный подход в исследовании подтвердил необходимость учёта экстралингвистических факторов, которые влияют на возникновение токсичной коммуникации в рамках немецкой этнолингвокультуры. К таким факторам по итогам исследования можно отнести глобализацию, миграционный кризис, перераспределение гендерных ролей в обществе и др.

Наличие в языке лингвотоксинов свидетельствует о том, что на язык, а, следовательно, и на носителя этого языка и его сознание, оказывается отрицательное влияние. Подобное взаимовлияние можно охарактеризовать

метафорически, обозначив язык в качестве живого организма, который перманентно находится под влиянием окружающей его природы.

В рамках *интралингвального* аспекта были исследованы следующие лингвотоксичные процессы: *дискриминирующий язык; вульгаризмы; двойные сообщения; гендерный язык.*

Рассмотренные на предмет наличия в них вульгарных слов и высказываний политический, музыкальный и др. дискурсы продемонстрировали высокую концентрацию уничижительных оскорблений, которые субъекты коммуникации направляют на своих коллег, визави, отдельные социальные группы и т.д.

При том, что в большинстве случаев использование вульгаризмов имеет токсичный характер и относится к грубой риторике, в отдельных контекстах обращение актора коммуникации к сниженной лексике происходит для собственной идентификации, демонстрации сопричастности коммуникантов к конкретной социальной группе, а также с целью эмоциональной разрядки, катарсиса. Подобная двойственная природа вульгаризмов связана с рядом обстоятельств: конкретной этнолингвокультурой, ситуацией, темой общения и др. – и поэтому требует дальнейшего наблюдения и анализа.

Амбивалентность и диффузность вульгаризмов проявляются в способности трансформироваться при содействии определённых экстралингвистических факторов. Так, первоначально обладающие отрицательным диффамирующим эффектом вульгаризмы переходят в нейтральную или даже мелиоративную категорию слов. Не менее интересной для дальнейшего анализа становится способность изначально нейтральных языковых знаков переходить в категорию пейоративных слов.

Зачастую инвектогенная, вульгарная языковая практика обладает дискриминирующим характером, подчёркивая неодинаковое отношение к

различным группам населения на категориальном уровне, невзирая на личностные характеристики и достижения их представителей.

Дискриминирующий язык, выступая в роли лингвотоксина, унижает достоинство адресата. Дискриминация может осуществляться по этническому и религиозному признакам; по половой принадлежности и сексуальной ориентации; по возрастному признаку и состоянию здоровья; по социальному статусу.

В качестве лингвотоксичного процесса в рамках интралингвального аспекта выступает паттерн *double bind*, предусматривающий наличие в сообщении адресанта двух взаимоисключающих сообщений в коммуникации.

Подобное токсичное парадоксальное высказывание, сопровождающееся рядом невербальных сигналов, оказывает давление на адресата, не оставляя за ним права выбора. Реципиент не способен принять никакого решения в силу отсутствия альтернатив, а также порой невозможности выхода из коммуникации.

В роли ещё одного лингвотоксичного процесса, затрудняющего коммуникацию, выступает *гендерно-нейтральный язык*, созданный якобы для того, чтобы устранить дискриминацию людей по их половой принадлежности.

Как показали наши наблюдения, *Gendersprache* зачастую перегружает письменную или устную речь, а также создаёт «поле брани» между его сторонниками и противниками.

В контексте лингвистической травматологии обращается внимание на необходимость осознания важности терапевтической, здоровьесберегающей функции языка, поскольку слово обладает мощным энергетическим зарядом, оказывающим прямое воздействие на физическое или психоэмоциональное здоровье человека.

Эффект ноцебо, являющийся антагонистом эффекта плацебо, применим не только для препаратов, не имеющих реального фармакологического действия, но и для высказываний, способных оказать позитивное или негативное влияние на реципиента. Особенно заметным это становится в медицинском дискурсе, в ходе коммуникации между лечащим врачом и его пациентом. Неосторожные, резкие высказывания врача относительно здоровья пациента способны нанести вред психоэмоциональному и физическому здоровью пациента.

Именно поэтому важными профилактическими мероприятиями следует считать тактико-стратегическое планирование врачебной беседы, прагматическая ориентированность коммуникации на терапевтическое сотрудничество, которые будут способствовать скорейшему выздоровлению пациента, а также обеспечению его комплаентности.

В рамках *транслингвального* аспекта экологии языка данная работа обозначает следующие неэкологичные / лингвотоксичные процессы: индикаторы неэкологичной языковой практики (в соответствии с классификацией В. Трампе); чрезмерные англоязычные заимствования; социолект *Kanakisch-Deutsch*; дискриминирующий язык и вульгаризированная лексика в австрийском варианте немецкого языка.

Подобно тому, как окружающий мир оказывает влияние на язык, языковая практика человека оказывает непосредственное влияние на природу. Регрессивные процессы в языке, нарушающие или даже уничтожающие креативность, стабильность и разнообразие языковых экосистем, рожают неэкологичную языковую практику, к специфическим индикаторам которой относятся *вуалирование фактов; приукрашивание действительности; неверная интерпретация значения; языковое нивелирование; механизация; обеднение и эвтрофикация языка*.

Как показал анализ эмпирического материала, разнообразные эвфемистические высказывания, якобы имеющие смягчающий эффект, с

лингвоэкологической точки зрения порой выступают в роли лингвотоксичных процессов, поскольку скрывают реальное положение дел и имеют эффект бомбы замедленного действия, что в итоге приводит к экологической катастрофе.

Окружающее человека экологическое пространство также способно страдать в силу частого использования человеком аналогий, проводимых между ним и техническими приборами. Проекция свойств машины на человека может нарушать его связь с природой и содействовать усугублению экологического кризиса в мире.

Другими индикаторами неэкологичной языковой практики являются *обеднение* и *эвтрофикация* языка. Обеднение языка характеризуется исчезновением стенойкных (способных жить только в определённых условиях) языковых выражений в угоду убиквитарным (распространённым повсеместно) модным словам и выражениям, подрывает здоровье языка как живого организма. Эвтрофикация характеризуется заполнением речи носителя языка токсинами, способствующими «загрязнению» языка. В качестве таких токсинов или лингвотоксинов могут выступать гибридные языковые явления – *Denglisch* и *Kanakisch-Deutsch*.

Займствование из английского языка в виде чрезмерного использования калькированных фраз и псевдоанглицизмов приводит к нарушению коммуникации и может поставить получателя информации в затруднительное положение. Помимо этого, формируется «лень языка» и утрачивается языком способности к использованию собственных внутренних ресурсов.

Наряду с англоамериканизмами, в немецкоязычной речи существует гибридная лингвистическая вариативность *Kanakisch-Deutsch*, сформировавшаяся в результате взаимодействия немецкого языка с турецким.

Несмотря на интеграцию новых культур и тенденцию к формированию плюралистического немецкого общества, возникает проблема засорения языка и потери им своей идентичности. Намеренное использование упрощённой грамматики, скудная лексическая нагруженность, игнорирование пунктуационных знаков в рамках *Kanak Sprak* затрудняют понимание речи, а также способны усугублять проблемы вербальной агрессии и содействовать ещё более интенсивному размежеванию людей на свой / чужой.

Транслингвальный аспект лингвоэкологии также включает в себя исследование дискриминирующего языка и вульгаризированной лексики в австрийском варианте немецкого языка. По нашим предварительным наблюдениям, данные лингвотоксичные процессы имеют такие же природу и рычаги воздействия на собеседника, как и в немецкой этнолингвокультуре. Однако перспективным представляется наблюдение за их функционированием в речи, поскольку была выявлена их неоднозначная, двойственная характеристика.

Данная работа инспирирует не только дальнейшее исследование заявленной проблематики, но и перемещение фокуса в другие сферы лингвоэкологичной коммуникации, а также рассмотрение токсичности в контексте межкультурного общения с целью выявления зон совпадения и расхождения в оформлении нездоровых коммуникативных актов языковыми личностями разных этнолингвокультур.

Вместе с этим следует также сказать, что сущность жизни немислима без желания роста и гармоничного развития. Процесс познания лингвоэкологических проблем не может быть сведён только к изучению негативных процессов, происходящих в языке и речи, поэтому перспективным видится также поиск коммуникативных стратегий и тактик, направленных на устранение существующих «болезней» языка и способных повлиять на качество коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амири Л.П. Феномен языковой игры как средство намеренной вульгаризации рекламного пространства в современной языковой ситуации // Вестник ННГУ. – 2013. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-sredstvo-namerennoy-vulgarizatsii-reklamnogo-prostranstva-v-sovremennoy-yazykovoy-situatsii> (дата обращения: 11.02.2024).
2. Амири Л.П. Языковая игра – угроза экологичности общения в речевой культуре (на материале рекламной коммуникации) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 160–172.
3. Андреева В.А. Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 4–12.
4. Антух Г.Г. Психопатология повседневной коммуникации с точки зрения иерархического подхода к решению проблемы парадоксов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihopatologiya-povsednevnoy-kommunikatsii-s-tochki-zreniya-ierarhicheskogo-podhoda-k-resheniyu-problemy-pa> (дата обращения: 23.12.2023).
5. Архипова В.В. Анализ функционирования эвфемизмов в рамках американского политического дискурса. Тематическая группа «расовая дискриминация» // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 10. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2016. – С. 87–92.

6. Бариле Н. Бренди́рование «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди // Логос. – 2015. – № 3(105). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brendirovanie-ya-v-epohu-emotsionalnogo-kapitalizma-ekspluatatsiya-prosyumerov-ot-ritoriki-double-bind-k-gegemonii-isprovedi> (дата обращения: 23.12.2023).
7. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 545 с.
8. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии: пер. с англ. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
9. Белютин Р.В. Антропоцентрические границы языка // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов. – Т. 6. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 268–274.
10. Белютин Р.В. К вопросу о дискриминации в дискурсе немецких футбольных фанатов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-diskriminatsii-v-diskurse-nemetskih-futbolnyh-fanatov> (дата обращения: 24.12.2023).
11. Белютин Р.В. Метафоризация эмоций в дискурсе немецких футбольных фанатов // Известия Смоленского государственного университета. – 2022. – № 3(59). – С. 130–138.
12. Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Смоленск, 2019. – 38 с.
13. Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. – 336 с.

- 14.Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «Критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoekologiya-i-kritika-yazyka> (дата обращения: 06.01.2024).
- 15.Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2003. – № 4. – С. 122–125.
- 16.Буеверов А.О. Недооцененная сила. Плацебо и ноцебо в медицине // МС. – 2020. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedootsenennaya-sila-platsebo-i-notsebo-v-meditcine> (дата обращения: 09.02.2024).
- 17.Бурмакина Н.Г. Ясный язык как объект социальной лингвистики: к вопросу о читабельности текстов институционального взаимодействия // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 659–672.
- 18.Бухаров В.М. Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 5. – С. 94–101.
- 19.Вацлавик П., Бивии Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / пер. с англ. А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО Пресс, 2000. – 320 с.
- 20.Вронский В.А. Экология: словарь-справочник. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 572 с.
- 21.Врублевская О.В. Эргономия как объект лингвоэкологического анализа // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 116–120.
- 22.Гачев Г.Д. Германский образ мира в сравнении с Россией. – М.: Фонд «Мир», 2019. – 885 с.

23. Глущенко О.А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // *Communicology*. – 2021. – Vol. 9, № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-kommunikatsii-factory-toksichnosti-v-mediynyh-tekstah> (дата обращения: 26.08.2024).
24. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. – М.: Элпис, 2008. – 304 с.
25. Гончарова Е.А. Персуазивный потенциал мультимодальности в немецком политическом дискурсе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. – 2022. – Т. 12. – С. 218–236.
26. Гринева М.С. Терапевтическое общение и терапевтический дискурс: к уточнению понятий. – URL: https://www.researchgate.net/publication/348650722_TERAPEVTICESKOE_OBSENIIE_I_TERAPEVTICESKIJ_DISKURS_K_UTOCNENIU_PONATIJ (дата обращения: 12.12.2023).
27. Дмитриева Е.Н., Гненик М.Е. Обеспечение психологической безопасности в процессе обучения иностранному языку в вузе // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. – 2019. – Вып. 48. – С. 193–200.
28. Едличко А.И. К вопросу о феминистской критике языка // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2019. – № 1. – С. 158–166.
29. Едличко А.И. Некоторые аспекты политкорректной номинации // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. – 2019. – № 9. – С. 137–142.
30. Едличко А.И. Языковая политика в немецкоязычных странах: гендерный и этнический аспекты // *Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов: в 2 т. (Москва, 24–25 марта 2017 года) / отв. ред. Д.Н. Новиков*. – М.: Московский государственный институт

международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. – Т. 1. – С. 218–225.

31. Егорова Л.Г. Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2018. – Вып. 43. – С. 30–38.
32. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
33. Жура В.В. Принципы организации «медицинского интервью» // Вестник ВолГМУ. – 2005. – № 4(16). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-organizatsii-meditsinskogo-intervyu> (дата обращения: 28.11.2023).
34. Жура В.В. Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе. – URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/27.html> (дата обращения: 28.11.2023).
35. Жура В.В. Экология общения врача и пациента // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 172–178.
36. Зубарева Е.О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 35–45.
37. Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. – М.: Флинта, Наука, 2015. – 176 с.
38. Ионова С.В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toksichnyy-rukovoditel-lingvoekologiya-rechevogo-povedeniya> (дата обращения: 24.12.2022).

- 39.Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 308 с.
- 40.Кадырова К.А. Языковая политика феминизма // Актуальные вопросы права, управления и экономики. Наука и образование в XXI веке: материалы 3-х Международных научно-практических конференций (Томск, 10–23 декабря 2019 года). – Томск: Издательский центр «Quantum», 2019. – С. 139–145.
- 41.Кара-Мурза Е.С. Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н.Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 179–191.
- 42.Карасик В.И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 191–201.
- 43.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
- 44.Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 164 с.
- 45.Карпухина В.Н., Кобцева А.Ю. Проблемы экологии языка: политкорректный дискурс современного политика // Межкультурная коммуникация и СМИ. – 2021. – № 22. – С. 14–18.
- 46.Катарсис // Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – 2-е изд., доп. – М.: Русский язык, 2000. – С. 312.
- 47.Кирилина А.В. Контакт языков в немецком языковом пространстве // Вестник Московской международной академии. – 2011. – № 2. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kontakt-yazykov-v-nemetskom-yazykovom-prostranstve> (дата обращения: 11.08.2022).

48. Кислякова Е.Ю. Категория инакости в межконфессиональном общении: лингвоэкологический аспект // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 201–209.
49. Клушина Н.И. Эмоциогенность как критерий дифференциации современного медийного пространства // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 209–217.
50. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
51. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
52. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований. – URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_2-3_46.pdf (дата обращения: 11.12.2022).
53. Копчук Л.Б. Лингвистические и социокультурные особенности молодежной коммуникации в немецкоязычной Швейцарии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2019. – № 192. – С. 27–37.
54. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповец. гос. ун-та. – 2001. – № 1(28). – С. 60–64.
55. Кострова О.А. Лингвокультурные концепты в немецкоязычном дискурсе авторов турецкого происхождения // Русская германистика: Ежегодник

- Российского союза германистов. Т. XVII. – Коломна: ФЛИНТА, 2020. – С. 137–152.
56. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе в повести «Сиддхартха. Индийская поэма»: лингвоэкологический аспект // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 347–363.
57. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: АСТ: CORPUS, 2019. – 512 с.
58. Кронгауз М.А. Семантика: учебник. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 398 с.
59. Крюкова И.В. Русская эргономия как предмет языкового конфликта // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 127–135.
60. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
61. Кузнецова А.В. Лексические средства выражения гендерной политкорректности // Межкультурная коммуникация и СМИ. – 2021. – № 22. – С. 29–33.
62. Куликова Э.Г., Акай О.М., Тедеева З.К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – Вып. 3(59). – С. 21–32.

63. Леонтьев В.В. Агональная вербальная грубость в речевом поведении футбольных болельщиков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnaya-verbalnaya-grubost-v-rechevom-povedenii-futbolnyh-bolelschikov> (дата обращения: 31.12.2023).
64. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 130 с.
65. Лихачёв Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 311–359.
66. Ломтев Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 15–28.
67. Маджаева С.И. Лингвоэкологические проблемы языка медицины. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 217–226.
68. Маджаева С.И. Экологичность/неэкологичность медицинской информации // Экология языка: сборник научных трудов / под ред. Е.Н. Сердобинцевой. – Вып. IX. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2016. – С. 34–38.
69. Маджаева С.И., Сатретдинова А.Х. Медицинская информация и экологическое пространство пациента // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-informatsiya-i-ekologicheskoe-prostranstvo-patsienta> (дата обращения: 16.10.2023).
70. Майер Б.О. О паттерне «Double bind» в современном обществе и образовании // Вестник НГПУ. – 2012. – № 3. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/o-patterne-double-bind-v-sovremennom-obschestve-i-obrazovanii> (дата обращения: 23.12.2023).

71. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. – 2-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.
72. Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М.: Изд-во ВКН, 2015. – 496 с.
73. Медицинская этика. Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1982–1984.
74. Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-lingvoekologiya-i-lingvotoksichnost-kak-zaschitit-yazyk-ot-cheloveka> (дата обращения: 16.10.2023).
75. Новичкова В.В. Метафора как когнитивный рычаг эволюции смысла. – М., 1991. – 10 с. (Деп. в ИНИОН РАН, № 54972).
76. Огдонова Ц.Ц. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2–3. – С. 122–124.
77. Павленок Д.В. Национально-культурная специфика языкового сознания студентов России и Франции (на примере образа преподавателя) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2013. – № 2. – С. 202–217.
78. Панченко Н.Н. Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 374–388.

- 79.Петров Д.Ю. Язык мира. – М.: Изд-во Дмитрия Петрова, 2018. – 256 с.
- 80.Поцелуев С.П. Double bind, или Двойные ловушки политической коммуникации // Полис (Политические исследования). – 2008. – № 1. – С. 8–32.
- 81.Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, Киев.: Ваклер, 2001. – 651 с.
- 82.Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н.А. Боженкова, П.А. Катышев, С.В. Ионова, [и др.] // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-politicheskiy-diskurs-v-fokuse-lingvoekologii> (дата обращения: 31.12.2023).
- 83.Рыкунова И.Ю. Экологичность новозаветной притчи (на примере евангельской притчи о милосердном самарянине) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 243–247.
- 84.Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. – М.: Альпина нон-фикш, 2020. – 766 с.
- 85.Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // МИРС. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvotoksichnye-yavleniya-v-rechi-i-yazyke> (дата обращения: 24.12.2023).
- 86.Сковородников А.П., Копнина Г.А. Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) // Медиалингвистика. – 2017. – № 4(19). – С. 70–79. – URL: <https://medialing.ru/yazykovaya-travma-kak-lingvoehkologicheskoe-ponyatie-i-problema/> (дата обращения: 28.07.2022).

- 87.Сковородников А.П. Между экспрессивностью и вульгарностью (лингвоэкологические размышления над газетным жанром сатирического комментария) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 247–260.
- 88.Сковородников А.П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5(77). – С. 12–25.
- 89.Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1988. – 52 с.
- 90.Сребрянская Н.А. Национально-культурная асимметрия инвективной лексики // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 141–156.
- 91.Старостина Ю.С., Леонович Л.М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – Вып. 2(58). – С. 63–75.
- 92.Сурикова Т.И. Эмотивные компоненты этической рефлексии в коммуникации и языковой картине мира (по материалам СМИ) // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 260–274.

93. Тихомиров С.А. К вопросу о «двойном послании» (double bind) в корпоративном управлении, управленческом учете и коммуникациях компании в процессе принятия решений // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2013. – № 1. – С. 18–25.
94. Труфанова И.В. Экологичные и неэкологичные речевые акты в сфере эмотивного // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 274–288.
95. Цой А.И. Лингвоэкология эмотивного компонента бизнес-коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 288–294.
96. Черничкина Е.К. Лингвоэкологический аспект иноязычной обучающей коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 294–302.
97. Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 58–72.
98. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность. – URL: <https://www.rastko.rs/filologija/stil/2007/01Cernjavska.pdf> (дата обращения: 26.12.2023).

99. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении. – М.: МАЛП, 1998. – 274 с.
100. Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 53–61.
101. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnaya-lingvoekologiya-kompleksnyu-podhod-k-izucheniyu-yazyka-rechevoy-deyatelnosti-i-cheloveka> (дата обращения: 12.02.2023).
102. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 23–34.
103. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы 2-й Всерос. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2009. – С. 5–16.
104. Шаховский В.И., Штеба А.А. Экология, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 8–23.

105. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. А.П. Сковородников. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 384 с.
106. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Перемена, 2013. – 450 с.
107. Ясный язык: как сделать информацию доступной для чтения и понимания: методические рекомендации. – Минск: Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам, 2018. – 42 с.
108. Alexander R. Integrating the ecological perspective: some linguistic self-reflexions // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 131–148.
109. Altpapier-Recycling: Neue Verpackungen werden zum Problem | mehr/wert | BR24. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZiCtqqGepiA> (дата обращения: 05.01.24).
110. Amjahid M. Der weiße Fleck: Eine Anleitung zu antirassistischem Denken. – München: Piper Verlag GmbH, 2021. – 223 S.
111. Anti-Rassismus in Deutschland muss mit Spracharbeit beginnen. – URL: <https://www.migazin.de/2020/06/19/die-crux-begriffen-anti-rassismus/> (дата обращения: 30.10.2023).
112. Aries E. Zwischenmenschliches Verhalten in eigeschlechtlichen und gemischtgeschlechtlichen Gruppen // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 114–126.
113. «Arschloch, Wichser, H****sohn». – URL: <https://www.friedrich-verlag.de/deutsch/sprachgebrauch/arschloch-wichser-h-sohn-11711> (дата обращения: 28.10.2022).

114. Bang J. Chr., Døør J. Language, ecology and truth – dialogue and dialectics // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 17–25.
115. Bateson G. Steps to an ecology of mind collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. – San Francisco: Chandler Pub. Co., 1972. – 520 p.
116. Beljutin R. «Ich habe fertig!» Fehlpässe im Fußballdiskurs // Muttersprache: Hrsg. Von der Gesellschaft für deutsche Sprache. – 2016. 126. Jg. – S. 333–349.
117. Bolinger D. Language – The Loaded Language. The use and abuse of language today. – New York: Routledge, 1980. – 324 p.
118. Burkhardt A. Diversität und die (deutsche) Sprache // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – 2022. – № 19. – С. 82–105.
119. Calderón M. Werbekommunikation Umgang mit Tabus // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 231–245.
120. Czollek M. Desintegriert Euch. – München: btb Verlag in der Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, 2020. – 207 S.
121. Das Ich als Fulltime-Job: Die Selbstoptimierung des Körpers. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ME9IViB8qIs> (дата обращения: 28.10.2023).
122. Das neue Schimpfen. – URL: <https://topos.orf.at/fluchen-malediktologie100> (дата обращения: 11.02.2024).
123. Das Wunder des Genders. – URL: <https://bastiansick.de/kolumnen/zwiebelfisch/das-wunder-des-genders/> (дата обращения: 24.10.2022).
124. Denglich. – URL: <https://www.wortbedeutung.info/Denglich/> (дата обращения: 07.01.2024).

125. Der Rat für deutsche Rechtschreibung. – URL: <https://www.rechtschreibrat.com/der-rat/> (дата обращения: 22.02.2024).
126. Die neuesten Deppenapostrophe. – URL: <http://www.deppenapostroph.info/> (дата обращения: 08.10.2023).
127. Diewald G., Steinhauer A. Gendern – ganz einfach! – Berlin: Duden, 2019. – 94 S.
128. Es gibt Racial Profiling. Und zahlreiche Belege dafür. – URL: <https://www.migazin.de/2020/07/16/es-racial-profiling-und-belege/> (дата обращения: 30.10.2023).
129. Geramanis O., Hutmacher S., Walser L. Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation. – Wiesbaden, 2021. – 408 S.
130. Gerbig A. Sprachliche Konstruktion politischer Realität: stilistische Variation in der Ozondebatte // Sprachökologie und Ökoluinguistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 175–185.
131. Geschlechtergerechte Schreibung: Empfehlungen vom 26.03.2021. – URL: <https://www.rechtschreibrat.com/geschlechtergerechte-schreibung-empfehlungen-vom-26-03-2021/> (дата обращения: 25.03.2023).
132. Graumann C.F., Wintermantel M. Diskriminierende Sprechakte. Ein funktionaler Ansatz // Herrmann S., Krämer S., Kuch H. (Hg.): Verletzende Worte. Die Grammatik sprachlicher Missachtung. – Bielefeld: transcript Verlag, 2007. – S. 147–177.
133. Ferreira A.C. Sanfte Bräuche, sanfte Sprache(n)? Ambiente / Umwelt kontrastiv // Sprachökologie und Ökoluinguistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 187–204.
134. Fill A. Ökoluinguistik. Eine Einführung. – Tübingen: Narr, 1993. – 151 S.

135. Fishman P.M. Macht und Ohnmacht in Paargesprächen // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 127–140.
136. Franken S. Frauen im digitalen Zeitalter: Neue Chancen vs. alte Stereotypen // Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation. – Wiesbaden, 2021. – S. 209–229.
137. Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krasssten Sprachbuch überhaupt. – Eichborn AG, Frankfurt am Main, 2001. – 63 S.
138. Fresse. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Fresse> (дата обращения: 19.02.2023).
139. Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. – URL: https://odysseetheater.org/ftp/bibliothek/Psychologie/Sigmund_Freud/Sigmund_Freud_Vorlesungen_zur_Einfuehrung_in_die_Psychoanalyse.pdf (дата обращения: 02.01.2024).
140. Gendern. – URL: <https://www.dbsv.org/gendern.html> (дата обращения: 24.10.2022).
141. Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Zweiter Band. Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen. – Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1886. – 469 S.
142. Hamburg im Gender-Wahn? Jetzt soll es «weibliche Straßenschilder» geben. – URL: <https://www.24hamburg.de/hamburg/hamburg-im-gender-wahn-jetzt-soll-es-weibliche-strassenschilder-geben-90782271.html> (дата обращения: 25.09.2021).
143. «Hamse jedient im Genderkrieg?» – URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/der-unsinn-von-gender-kampf-und-geschlechter-krieg-a-1096176.html> (дата обращения: 25.09.2021).
144. Hanake. – URL: https://umgangssprache_de.de-academic.com/10831/Hanake (дата обращения: 07.01.2024).

145. Haugen E. The ecology of language / Essays by Einar Haugen; Selected and introd. by Anwar S. Dil. – Stanford (Calif.): Stanford univ. press, 1972. – XVI, 368 p.
146. Heinisch-Hosek sieht «völlig falsches Zeichen». – URL: <https://www.derstandard.at/story/2000003063316/heinisch-hosek-sieht-voellig-falsches-zeichen> (дата обращения: 24.12.2023).
147. Henley N. Nichtverbale Kommunikation und die soziale Kontrolle über Frauen. Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 39–49.
148. Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Berlin: Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. – 511 S.
149. Ische. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Ische> (дата обращения: 19.02.2023).
150. Jay T. Cursing in America: a psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets. – Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 1992. – 304 p.
151. Jay T. The utility and ubiquity of taboo words. – URL: <http://people.uncw.edu/hakanr/documents/useoftaboowords.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).
152. Jay T. Why We Curse: A Neuro-psycho-social Theory of Speech. – Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 1999. – 328 p.
153. Jessner U., Herdina P. Interaktionsphänomene im multilingualen Menschen: Erklärungsmöglichkeiten durch einen systemtheoretischen Ansatz // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 217–229.
154. Jung M. Ökologische Sprachkritik // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 27–48.

155. Kanake. – URL: <https://www.wortbedeutung.info/Kanake/> (дата обращения: 07.01.2024).
156. Kanake. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kanake> (дата обращения: 03.02.2024).
157. Kanakisch, dem ubernhaupt krassestem Sprak. – URL: <https://www.dw.com/de/kanakisch-dem-ubernhaupt-krassestem-sprak/a-339505-0> (дата обращения: 29.07.2022).
158. Kanak Sprak. – URL: https://www.wortbedeutung.info/Kanak_Sprak/ (дата обращения: 07.01.2024).
159. KOFA (Kompetenzzentrum Fachkräftesicherung). Chancengleichheit und Digitalisierung. – URL: https://www.kofa.de/media/Publikationen/Studien/Chancengleichheit_Digitalisierung_4_2019.pdf (дата обращения: 19.03.2023).
160. Kotthoff H. Gewinnen oder verlieren? Beobachtungen zum Sprachverhalten von Frauen und Männern in argumentativen Dialogen an der Universität // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 90–113.
161. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. – 173 S.
162. Köhler P. Respekt zu diesem Deutsch. Sprachpannen auf massiv dünnem Eis. – München: Verlag C.H.Beck oHG, 2022. – 136 S.
163. Kuhn T. Weibler J. Bad leadership – Warum uns schlechte Führung oftmals gut erscheint und es guter Führung häufig schlecht geht. – Vahlen, 2020. – 156 S.
164. Kutz A. Toxische Kommunikation als Krankheitsursache in Unternehmen. Das Double Bind-Phänomen – eine Einführung für Führungskräfte, Berater, Coaches. Springer Fachmedien Wiesbaden, 2016. – 61 S.

165. Lakoff R.T. Talking Power: The Politics of Language. – New York: Basic Books, 1992. – 336 p.
166. Lakoff G., Wehling E. Auf leisen Sohlen ins Gehirn. Politische Sprache und ihre heimliche Macht. – Heidelberg: Carl-Auer Verlag, 2009. – 186 S.
167. Language and its ecology: essays in memory of Einar Haugen / ed. by Stig Eliasson; Ernst Håkon Jahr. Berlin; – New York: Mouton de Gruyter, 1997. – 492 p.
168. Leitlinien. Verein Deutsche Sprache. – URL: <https://vds-ev.de/verein/leitlinien/> (дата обращения: 25.09.2021).
169. Makkai A. Die Welt als Bewußtsein und Paraphrase: zur gesamtökologischen Fundierung des menschlichen Sprachverständnisses mit besonderer Berücksichtigung der Sprachphilosophie Wilhelm von Humboldts und ihrer Relevanz für die theoretische Sprachwissenschaft des 21. Jahrhunderts // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 77–91.
170. Malachowa O. Der grüne Punkt in der deutschen Lexik // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 205–213.
171. Malediktologie – Wenn schon fluchen, dann richtig! – URL: <https://www.resilienz-akademie.com/malediktologie/> (дата обращения: 11.02.2024).
172. Mathias A. Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch in rechtsextremen Musikszenen. – Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. – 336 S.
173. Mischpoke. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Mischpoke> (дата обращения: 19.02.2023).

174. Mühlhäusler P. Linguistic adaptation to changed environmental conditions: some lessons from the past // Sprachökologie und Ökoluinguistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 105–130.
175. Nächster Skandal in Deutschland. Ganzes Party-Zelt singt «Ausländer raus». – URL: <https://www.blick.ch/ausland/naechster-skandal-in-deutschland-ganzes-party-zelt-singt-auslaender-raus-id19777085.html> (дата обращения: 02.06.2024).
176. Nikitina O. «Anglizismen und synonyme Wortneubildungen im modernen Deutsch: Sinnvolle Ergänzung oder Ersatz?» – URL: https://www.researchgate.net/publication/323430441_Anglizismen_und_synonyme_Wortneubildungen_im_modernen_Deutsch_Sinnvolle_Ergaenzung_oder_Ersatz1 (дата обращения: 11.08.2022).
177. Olderdissen Ch. Gender-leicht. Wie Sprache für alle elegant gelingt. – Berlin: Dudenverlag, 2021. – 223 S.
178. Payr F. Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören. – Wiesbaden, Deutschland: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, ein Teil von Springer Nature, 2021. – 172 S.
179. Pumpen, spritzen, biohacken: Männer und Selbstoptimierung. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-leB5HNB0z0> (дата обращения: 28.10.2023).
180. «Racial Profiling», institutioneller Rassismus und Interventionsmöglichkeiten. – URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/kurzdossiers/migration-und-sicherheit/308350/racial-profiling-institutioneller-rassismus-und-interventionsmoeglichkeiten/> (дата обращения: 31.10.2023).
181. Recycling-Mythen und illegale Plastik-Exporte, was ist dran? – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0CATD58E83o&t=1s> (дата обращения: 05.01.2024).

182. Reisigl M. Sprachliche Diskriminierung // Scherr A., El-Mafaalani A., Yüksel G. (Hg.): Handbuch Diskriminierung. – Wiesbaden: Springer VS, 2017. – S. 81–100.
183. Rodriguez C.J.F., Pérez D.O. The «double bind» discourse in management narratives a transdisciplinary approach. – URL: http://www.scasss.uu.se/IIS2005/total_webb/tot_html/papers/the_double_bind_discourse.pdf (дата обращения: 23.12.2023).
184. Scharloth J. Hässliche Wörter. Hatespeech als Prinzip der neuen Rechten. – Berlin: Springer Verlag, 2021. – 251 S.
185. Scheiß. – URL: <https://www.wortbedeutung.info/Schei%C3%9F/> (дата обращения: 17.12.2023).
186. Schmitz H.G. Die Henning-Kaufmann-Stiftung zur Pflege der Reinheit der deutschen Sprache – ein Neuanfang deutscher Sprachpflege. – Jahrbuch, 1984, Marburg, 1985. – S. 9–21.
187. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. – Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2007. – 361 S.
188. Schwarz-Friesel M. Toxische Sprache und geistige Gewalt. Wie judenfeindliche Denk- und Gefühlsmuster seit Jahrhunderten unsere Kommunikation prägen. – Tübingen: GmbH, 2022. – 227 S.
189. Schwuchow K. Mittelpunkt Mensch? Die Toxik der neuen Arbeitswelt. Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation. – Wiesbaden, 2021. – S. 19–33.
190. Selbstoptimierung: Mit Botox, Micro-Dosing und Sport zum perfekten Ich? – RABIAT! – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xyxSWCVKDZM> (дата обращения: 28.10.2023).
191. Shah R. Relational Praxis in Transition towards Sustainability: Business-NGO Collaboration and Participatory Action Research. Bath, 2001. – URL: https://people.bath.ac.uk/mnspwr/doc_theses_links/r_shah.html (дата обращения: 23.12.2024).

192. Shoham S.G. Society and the Absurd: A Sociology of Conflictual Encounters. – Liverpool, 2005. – 256 p.
193. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 1-3 in einem Band. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. – 762 S.
194. Spender D. Mit Aggressivität zum Erfolg. Über den doppelten Standard, der in den Klassenzimmern operiert // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – S. 71–89.
195. Sprache und Diskriminierung. 1. Sitzung: Einführung. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZxBXURerqUU&list=PLGIksHy9A8eQh-r6fFgQcEYgkEw2IkUFI&index=2> (дата обращения: 12.08.2022).
196. Sprachökologie und Ökoluistik / A. Fill (Hrsg.). – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – 300 S.
197. Stefanowitsch A. Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. – Berlin: Dudenverlag, 2018. – 63 S.
198. Stehl T. Mobilität, Sprachkontakte und Integration: Aspekte der Migrationslinguistik. – URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/5530/file/moku01_S33_52.pdf (дата обращения: 13.05.2022).
199. Steinke R. Anti-Semitismus in der Sprache. Warum es auf die Wortwahl ankommt. – Berlin: Duden Verlag, 2022. – 79 S.
200. Stibbe A. Ecolinguistics. Language, Ecology and the stories we live by. Abingdon, Oxon; – New York, NY: Routledge, 2021. – 247 p.
201. Stibbe A. English language teaching & ecology: how language shapes our world. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=m8D1-UQpF_w (дата обращения: 12.02.2023).

202. Stichwort Gendersternchen: Warum dieser Bahöl? – URL: <https://www.derstandard.at/story/2000126741605/stichwort-gendersternchen-warum-dieser-bahoel> (дата обращения: 25.03.2022).
203. Stork Y. Die Rolle des Ökonomiebegriffs in der Ökolinquistik // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 93–102.
204. Strohner H. Die neue Systemlinquistik: Zu einer ökosystemischen Sprachwissenschaft. Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 49–58.
205. Tansley A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms. – URL: https://www.researchgate.net/publication/249823757_Tansley_AG_1935_The_use_and_abuse_of_vegetational_concepts_and_terms_Ecology_16_284_307 (дата обращения: 27.08.2024).
206. Trampe W. Ökologische Linquistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. – 245 S.
207. Trampe W. Ökosysteme und Sprache-Welt-Systeme // Sprachökologie und Ökolinquistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 59–75.
208. Tretow L. Migrationslinquistik: Eine kritische Betrachtung von der ausgewählten / Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. – Norderstadt: GRIN, 2016. – 16 S.
209. Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. / Trömel-Plötz S. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1984. – 406 S.
210. Unger F. Neo-Gaullismus oder demokratischer Anti-Amerikanismus. – URL: <https://zeitschrift-marxistische-erneuerung.de/topic/63.ausgabe-54-juni-2003.html> (дата обращения: 23.12.2023).

211. Unsere Politik für weniger Plastikmüll und mehr Recycling. – URL: <https://www.bmu.de/weniger-ist-mehr/unsere-politik-fuer-weniger-plastikmuell-und-mehr-recycling> (дата обращения: 06.11.2023).
212. Dijk T.A. van. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies / ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. – Switzerland: Springer Cham, 2018. – P. 227–245.
213. Vorbehalte gegenüber gendersensibler Sprache wachsen. – URL: <https://de.statista.com/infografik/24913/befragte-die-gendergerechte-sprache-wie-folgt-bewerten/> (дата обращения: 24.10.2022).
214. Vulgarismen aus der Perspektive der pragmatischen Kontextabhängigkeit. – URL: https://www.researchgate.net/publication/339806099_Vulgarismen_aus_der_Perspektive_der_pragmatischen_Kontextabhangigkeit (дата обращения: 12.02.2023).
215. Wallmannsberger. «Wer mit den Steinen spricht, kommt nach Steinhof – so einfach ist das!» oder doch nicht? Fragmente zu einer On-to / Ökologie kommunikativer Habitate // Sprachökologie und Ökoluistik. – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. – S. 27–48.
216. Warum Gendersprache scheitern wird. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aZaBzeVbLnQ&t=1s> (дата обращения: 24.10.2022).
217. Wenn Selbstoptimierung krank macht: Sophia Thiels Weg aus der Krise. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9z9am4qAkC8> (дата обращения: 28.10.2023).
218. Wie viel Antisemitismus steckt in der Kritik an RB Leipzig? – URL: <https://www.zeit.de/sport/2021-05/rb-leipzig-antisemitismus-pavel-brunssen-forschung> (дата обращения: 12.08.2022).
219. Ziegenficker. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Ziegenficker> (дата обращения: 03.02.2024).

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. King of Kingz. URL: <https://genius.com/Bushido-king-of-kingz-lyrics> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Gemein wie 10. URL: <https://genius.com/albums/Bushido/Gemein-wie-10-maxi> (дата обращения: 31.12.2023).
3. Bei Nacht. URL: <https://genius.com/Bushido-bei-nacht-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
4. Universal Soldier. URL: <https://genius.com/Bushido-universal-soldier-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
5. Bei Nacht. URL: <https://genius.com/Bushido-bei-nacht-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
6. Weißt du? URL: <https://genius.com/Bushido-weit-du-lyrics> (дата обращения: 30.12.2023).
7. Nie wieder. URL: <https://genius.com/Bushido-nie-wieder-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
8. Stupid White Man. URL: <https://genius.com/Bushido-stupid-white-man-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
9. Goldrapper. URL: <https://genius.com/Bushido-goldrapper-lyrics> (дата обращения: 31.12.2023).
10. Eure Fragen an AfD-Chefin Alice Weidel | Frag selbst 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kk759liawCA> (дата обращения: 17.12.2023).
11. Geheime Chatgruppe: So redete die AfD-Fraktion im Bundestag. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2YCScM7qd8g> (дата обращения: 18.12.2023).
12. Winkler P. Hool. Berlin: Aufbau Verlag GmbH & Co. KG, 2016. S. 9

13. Maccabi Games: sich selber diffamieren geht immer. URL: <https://www.verbloggt.de/maccabi-games-sich-selber-diffamieren-geht-immer/> (дата обращения: 19.02.2023).
14. «Erscheinen Sie einfach im Bikini»: CSU-Politiker nach sexistischen Aussagen in der Kritik. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/bayern/erscheinen-sie-einfach-im-bikini-csu-politiker-nach-sexistischen-aussagen-in-der-kritik-art-823275> (дата обращения: 29.07.2022).
15. Frankfurts Oberbürgermeister leistet sich Sexismus-Eklat: «Flugbegleiterin hat mich hormonell außer Gefecht gesetzt». URL: <https://www.buzzfeed.de/news/ob-frankfurt-peter-feldmann-eklat-sexismus-ruecktritt-politik-fra-91569238.html> (дата обращения: 12.08.2022).
16. Realitäts-Check. URL: <https://sprachkick.de/realitats-check/> (дата обращения: 28.10.2022).
17. Scharloth J. Hässliche Wörter. Hatespeech als Prinzip der neuen Rechten. Berlin: Springer Verlag, 2021. S. 198, 200.
18. Gauland beleidigt Boateng. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/afd-vize-gauland-beleidigt-jerome-boateng-14257743.html> (дата обращения: 26.12.2023).
19. Kanzler-Witz über Flüchtlingspolitik sorgt für Ärger. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/news/olaf-scholz-kanzler-witz-ueber-fluechtlingspolitik-auf-evangelischem-kirchentag-sorgt-fuer-aerger-li.357961> (дата обращения: 13.02.2024).
20. Erneut Rassismusvorwürfe nach Karnevalsumzug in Bad Schandau. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/bad-schandau-erneut-rassismus-vorwuerfe-nach-karnevalsumzug-wegen-blackfacing-a-71473617-c3d3-4a69-83c5-420f96399eae> (дата обращения: 13.02.2024).
21. Die Polizei – «Bullenschweine» oder Freund und Helfer? RABIAT! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MAsvfIRwKKQ> (дата обращения: 13.02.2024).

22. Mathias A. Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch in rechtsextremen Musikszenen. Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. S. 214.
23. «Halt's Maul, Kamel-treiber». URL: <https://11freunde.de/artikel/halts-maul-kameltreiber/2466919>. (дата обращения: 10.05.2022).
24. Wieso Wörter wie «Flüchtlingswelle» gefährlich sein können. URL: https://www.rnz.de/nachrichten/metropolregion_artikel,-Metropolregion-Wieso-Woerter-wie-Fluechtlingswelle-gefaehrlich-sein-koennen-_arid,126022.html. (дата обращения: 10.05.2022).
25. «Lawine», «Strom», «Ansturm» – so negativ sprechen wir über Flüchtlinge. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/fluechtlings--lawine--strom-und-ansturm---so-negativ-wird-ueber-asylbewerber-gesprochen-6551130.html>. (дата обращения: 04.09.2022).
26. Flüchtling-Witze. URL: <https://schlechtewitze.com/fl%C3%BCchtling> (дата обращения: 10.05.2022).
27. Eklat um Tweet zu Hautfarbe der deutschen Nationalspieler. URL: <https://www.derstandard.de/story/3000000225157/eklat-um-tweet-zu-hautfarbe-der-deutschen-nationalspieler> (дата обращения: 10.07.2024).
28. Nächster Skandal in Deutschland. URL: <https://www.blick.ch/ausland/naechster-skandal-in-deutschland-ganzes-party-zelt-singt-auslaender-raus-id19777085.html> (дата обращения: 10.07.2024).
29. Mann fühlt sich von Regenbogen-ICE diskriminiert – Bahn kontert genial. URL: <https://www.kreiszeitung.de/lokales/niedersachsen/mann-fuehlt-sich-von-regenbogen-ice-diskriminiert-und-bekommt-genialen-konter-zr-90862463.html> (дата обращения: 12.08.2022).
30. Kutz A. Toxische Kommunikation als Krankheitsursache in Unternehmen. Das Double Bind-Phänomen – eine Einführung für Führungskräfte, Berater, Coaches. Wiesbaden, 2016. S. 15, 16, 23.

31. Falle Double Bind: So erkennen und vermeiden Sie Doppelbotschaften (Double bind trap: How to recognize and avoid double messages). URL: <https://www.backwinkel.de/blog/double-bind/> (дата обращения: 29.04.2023).
32. Doppelbotschaften in Beziehungen, Alltag (Double messages in relationships, everyday life). URL: <https://conwide.de/doppelbotschaften-in-beziehungen-alltag/> (дата обращения: 29.04.2023).
33. Scenes from a Marriage. URL: <https://www.hbo.com/scenes-from-a-marriage> (дата обращения: 22.02.2024).
34. Diwald G., Steinhauer A. Gendern – ganz einfach! Berlin: Duden, 2019. 94 S.
35. Genderstern & Co. Sie haben die Wahl. URL: <https://www.genderleicht.de/genderzeichen/> (дата обращения: 05.02.2024).
36. Gendern. URL: <https://www.dbsv.org/gendern.html> (дата обращения: 10.07.2024).
37. Liebe Leser:innen! URL: <https://bastiansick.de/kolumnen/zwiebelfisch/liebe-leserinnen/> (дата обращения: 18.02.2022).
38. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 1-3 in einem Band // Liebe Gläubigen und Gläubige. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. S. 174–178.
39. Von großen Töchtern und Söhnen. URL: <https://bastiansick.de/neuigkeiten/von-grossen-toechtern-und-soehnen/> (дата обращения: 18.02.2022).
40. Gendern: Jetzt wird diskutiert! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iE5WkGV10Vo&t=189s> (дата обращения: 26.12.2023).
41. Lufthansa: Schluss mit «Willkommen an Bord, meine Damen und Herren». URL: <https://www.24hamburg.de/niedersachsen/lufthansa-nie-mehr-willkommen-an-bord-meine-damen-und-herren-zr-90857844.html> (дата обращения: 25.09.2021).

42. Annalena Baerbock (Grüne) fordert: «Zeit für feministische Regierung». URL: <https://www.24hamburg.de/politik/gruene-wollen-gender-polizei-zeit-fuer-feministische-regierung-90672033.html> (дата обращения: 25.09.2021).
43. Weil diskriminierend: Bundeswehr hat die «Einmannpackung» umbenannt. URL: <https://www.24hamburg.de/niedersachsen/weil-diskriminierend-bundeswehr-hat-die-einmannpackung-umbenannt-zr-90835479.html> (дата обращения: 25.09.2021).
44. Wenn der Arzt mit Worten tötet. URL: <https://www.sueddeutsche.de/gesundheit/nocebo-effekt-wenn-der-arzt-mit-worten-toetet-1.1410542> (дата обращения: 01.10.2023).
45. Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. Salzburg: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. S. 244.
46. Worte können als Placebo oder Nocebo wirken. URL: <https://www.kinderaerztliche-praxis.de/a/die-macht-der-worte-worte-koennen-als-placebo-oder-nocebo-wirken-2368539> (дата обращения: 12.12.2023).
47. Größe des Verpackungsmarktes in Deutschland. URL: <https://www.mordorintelligence.com/de/industry-reports/packaging-industry-in-germany> (дата обращения: 02.01.2024).
48. Altprodukte als Rohstoff – Recycling statt Entsorgung. URL: <https://www.covestro.com/de/sustainability/what-drives-us/circular-economy/alternative-resources/waste> (дата обращения: 01.01.2024).
49. Wie Deutschland beim Recycling schummelt. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=39bDM08YuxU> (дата обращения: 05.11.2023).
50. Kupferbergbau in Peru: E-Autos, die krank machen. URL: <https://taz.de/Kupferbergbau-in-Peru/!5892273/> (дата обращения: 02.01.2024).

51. Anti-Rassismus in Deutschland muss mit Spracharbeit beginnen. URL: <https://www.migazin.de/2020/06/19/die-crux-begriffen-anti-rassismus/> (дата обращения: 30.10.2023).
52. «Racial Profiling», institutioneller Rassismus und Interventionsmöglichkeiten. URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/kurzdossiers/migration-und-sicherheit/308350/racial-profiling-institutioneller-rassismus-und-interventionsmoeglichkeiten/> (дата обращения: 31.10.2023).
53. NDR feiert am Diversity Tag 2022 die Vielfalt. URL: https://www.ndr.de/der_ndr/unternehmen/NDR-feiert-am-Diversity-Tag-2022-die-Vielfalt,diversity224.html (дата обращения: 05.11.2023).
54. Vielfalt ist im NDR auch unter den Mitarbeiter*innen sichtbar. URL: https://www.ndr.de/der_ndr/Charta-der-Vielfalt,vielfalt174.html (дата обращения: 05.11.2023).
55. Diversity nur fürs Schaufenster? Wie wichtig ist sie ARD & Funk wirklich? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ctNyUKExqJc> (дата обращения: 05.11.2023).
56. Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. 245 S.
57. Selbstoptimierung – der Wunsch nach einem besseren Ich | Die Selbstoptimierer. Doku. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P18F237BpWo> (дата обращения: 28.10.2023).
58. Denglisch: Verirrte und falsche Anglizismen. URL: <https://bildungsmarkt.faz.net/macht-das-sinn-verirrte-und-falsche-anglizismen/> (дата обращения: 29.04.2023).
59. На «Матч ТВ» запретили 40 слов. Теперь в эфире нельзя говорить «ноунейм», «флот» и «хайлайт». URL: <https://sport.business-gazeta.ru/article/261617> (дата обращения: 09.12.2023).
60. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 512 с.

61. Anglizismen – Kolonialisierung der deutschen Sprache? URL: <https://uni.de/redaktion/anglizismen> (дата обращения: 08.10.2023).
62. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 1-3 in einem Band. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. S. 53-56, 151-153.
63. Home Office. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/home-office> (дата обращения: 22.02.2024).
64. Anglizismenindex. URL: <https://vds-ev.de/arbeitsgruppen/deutsch-in-der-oeffentlichkeit/ag-anglizismenindex/> (дата обращения: 09.12.2023).
65. DirTea Talk mit Teddy | Tourpromo, Shitstorms und Situationships. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oVA0X2txuKA> (дата обращения: 03.10.2024).
66. Sind Menschen in der Kleinstadt weniger weltoffen? I Talk mit Avi Jakobs – deep und deutlich. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s19H6wVqVwQ> (дата обращения: 03.10.2024).
67. Warum Ronja von Rönne trotz schöner Kindheit heute an Depressionen leidet | deep und deutlich. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=prVhwUJUy5o> (дата обращения: 03.10.2024).
68. Jeremy Fragrance: Sein Leben zeigt, dass Geld nicht glücklich macht. URL: https://www.youtube.com/watch?v=o75evp_chYM (дата обращения: 03.10.2024).
69. Charisma über 2000er, Kitty Kat, Tochter, Ehemann & Vater – Interview mit Aria Nejati. URL: https://www.youtube.com/watch?v=X1ETDt_U9eI (дата обращения: 03.10.2024).
70. Köhler P. Respekt zu diesem Deutsch. Sprachpannen auf massiv dünnem Eis. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2022. S. 108.
71. Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprachbuch überhaupt. Frankfurt am Main: Eichborn AG, 2001. S. 31–32.

72. Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprachbuchubernhaupt. Frankfurt am Main: Eichborn AG, 2001. S. 35–36.
73. Wallah! Wir sind jetzt neues Thema. URL: <https://www.sueddeutsche.de/wissen/kanak-sprak-wallah-wir-sind-jetzt-neues-thema-1.631659> (дата обращения: 28.09.2024).
74. Dem Rolf un dem siebn Geiseln. URL: <https://web.archive.org/web/20080527082352/http://www.kirmes-eiterfeld-arzell.de/kanakisch/rolf.htm> (дата обращения: 20.05.2023).
75. Hänsel und Gretel auf Kanakisch. URL: <https://kleinesmaeusel.de/tl/Kanakisch.htm> (дата обращения: 03.10.2024).
76. «Trottel», «Depp» und «Vollkoffer»: Wie die Wiener schimpfen. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000077015127/trottel-depp-und-vollkoffer-wie-die-wiener-schimpfen> (дата обращения: 12.02.2024).
77. Das neue Schimpfen. URL: <https://topos.orf.at/fluchen-malediktologie100> (дата обращения: 11.02.2024).
78. Dein Dialekt – Dein Wörterbuch. URL: <https://www.ostarrichi.org/> (дата обращения: 12.02.2024).